

**Михальская А. К. Русский Сократ:
Лекции по М 69 сравнительно-исторической риторике:
Учеб. Пособие**

для студентов гуманитарных факультетов. — М.: Издательский центр "Academia", 1996.
— 192 С. — ISBN 5-7695-0017-4

Курс лекций раскрывает основные понятия, методологию и методы новой лингвокультурологической дисциплины — сравнительно-исторической риторике. Генезис и своеобразие русской речемыслительной культуры рассматриваются в контексте развития европейской риторике. Предлагаются современные риторические подходы и методы решения актуальных проблем соотношения речи и власти, форм речи и форм социума, специфики речи средств массовой информации и политики.

Книга адресована студентам гуманитарных специальностей, преподавателям вузов, всем, кто интересуется риторикой.

ISBN 5-7695-0017-4

ББК81

'А. К. Михальская, 1996¹ И. Ю. Нестерова, оформление, 1996 ИЦ "Академия", 1996

ПРЕДИСЛОВИЕ

Курс лекций, предлагаемый студентам гуманитарных факультетов вузов, представляет собой опыт разработки и изложения новой лингвокультурологической дисциплины риторического круга — сравнительно-исторической риторике.

Несмотря на то, что эта дисциплина находится на начальном этапе своего становления, проблематика ее настолько актуальна для любого члена нашего общества, а особенно для специалиста-гуманитария, что мы сочли не только возможным, но и необходимым познакомить с ней студентов. Убедиться в актуальности этой проблематики можно, просто обратившись к оглавлению книги. Заметим, что оглавление составлено таким образом, чтобы его можно было использовать не только для ориентации в содержании и структуре книги, но и как программу курса сравнительно-исторической риторике.

Просим читателя воспринимать содержание лекционного курса вовсе не как его законченный, полный и окончательный вариант, а лишь как попытку определить основные проблемы конструируемой дисциплины, очертить ее общие контуры, найти и сформулировать ее основные категории и понятия.

В центре нашего внимания будут истоки отечественной риторической культуры, ее драматическая судьба в нашем столетии и перспективы возрождения.

Вместе с тем мы не ставили своей задачей последовательное изложение истории русской риторике. Наша цель состояла в осознании ее особенностей и гуманизирующих возможностей.

В книге поставлена общериторическая задача, актуальная для современной риторике — разработать методы анализа и описания риторического идеала и лого-сферы. Эта задача важна и в практическом, и даже в прагматическом плане, так как ее решение не только обеспечивает понимание носителем культуры той речевой среды, в которой он находится, а следовательно — ориентацию в этой среде, но и расширяет возможности корректировать свое речевое поведение, адекватно оценивать речевое поведение окружающих, дает основания для лучшего взаимопонимания с носителями других риторических культур.

Кроме того, знакомство со структурным описанием и методами анализа риторических стратегий власти, средств массовой информации позволяет человеку перестать быть жертвой манипулирования, пассивным объектом, испытывающим на каждом шагу тот "заградительный огонь знаков", которому индивид подвержен с рождения до смерти, когда, по словам лингвиста и философа XX в. Чарльза Морриса, человеку постоянно внушают, во что он должен верить, что должен одобрять или порицать, что должен делать или не делать. В этом смысле содержание данного начального курса сравнительно-исторической риторике дает знание, необходимое для освобождения человека и его слова.

Особенно важно это сегодня в России, где культурные традиции речевого общения и красноречия оказались надолго прерваны. Поразительно современно звучат сейчас слова французской писательницы Жермены де Сталь, сказанные на рубеже XVIII—XIX столетий:

"Но кто в наших собраниях, где позволено было любое обвинение против любого лица, стал бы, подобно Цицерону, тщательно и осторожно выбирать слова? Кому пришло бы на ум утруждать себя понапрасну — ведь никто не понял бы и не оценил бы этой щепетильности!.. Словом здесь по-прежнему можно убить, но духовную силу оно утратило. Его сторонятся, видят в нем опасность, но не оскорбление; оно не способно затронуть ничью репутацию. Клеветнические сочинения появляются столь часто, что даже не вызывают злобы; клеветники постепенно лишают исконной силы все слова, которыми пользуются...

Пренебрежение приличиями лишает красноречие всех преимуществ. В стране, где никто даже не делает вид, что чтит истину, разум бессилён".

И тем не менее можно надеяться, что так будет не всегда. Эпохи "войны слов до полной победы над словом" (М. Пришвин) рано или поздно сменяются другими временами. Каков облик русского красноречия в будущем? Каково будет его отношение к отечественной речемысли-тельной традиции? Попытка найти пути к ответам на эти вопросы предпринята в предлагаемом читателю лекционном курсе.

Название книги автор просит рассматривать скорее как риторический прием, нежели как предмет научного размышления.

Автор выражает благодарность первым слушателям курса — студентам исторического факультета МПГУ, чье заинтересованное внимание было главным стимулом к этой работе.

I У ИСТОКОВ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ РИТОРИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Лекция 1.

РИТОРИКА КАК ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ДИСЦИПЛИНА, МИРОВОЗЗРЕНИЕ

1. РИТОРИКА И КРАСНОРЕЧИЕ. ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО КРАСНОРЕЧИЯ

В начале курса сравнительно-исторической риторики необходимо ответить на вопрос: что такое вообще риторика как особая область знания, *иод* знаком которой формировались культуры громадных по своей временной протяженности и исторической значимости эпох: античности, средних веков и Возрождения? Да и европейские культуры новейшего времени испытывали и продолжают испытывать, пусть не в такой очевидной форме, влияние риторических идей, методов и практики.

Этот вопрос очень сложен, потому и осветить его полностью в одной лекции непросто. Остановимся на самом существенном. Традиционно риторика определяется как теория, мастерство и искусство красноречия. Это одна из немногих гуманитарных дисциплин, сохраняющих по сей день следы античного синкретизма практического умения (техники, сноровки — *skill*), мастерства и искусства (*art*).

6

Однако традиционное, общепринятое определение риторики не вполне удовлетворительно, так как ключевое понятие в нем — понятие красноречия — само нуждается в определении. Почему? Да потому, что лингво-культурологическая концепция риторики, на основе которой создан предлагаемый курс, — концепция современная, возникшая в период риторического Ренессанса, \ в конце XX столетия, когда риторикой уже пройден длительный путь развития, — учитывает, что содержание понятия красноречия неодинаково в различные исторические эпохи и в разных культурах. Это означает, что красноречие и представление о том, какая речь может считаться прекрасной, образцовой (т.е. р и торический идеал, образец), исторически изменчивы, а кроме того, представляя собой важную часть общей культуры народа, отражают специфику этой культуры, т. е. являются культуроспецифическими.

В первой лекции мы определим особенности красноречия современного, сложившегося в рамках культуры европейского типа, и одновременно — красноречия отечественного, возникшего в

границах русской культуры и являющегося неотъемлемой частью русского менталитета (этнопсихологического склада).

Докажем, что наиболее существенны три таких особенности. В русской культуре со времен первых письменных памятников и во всяком случае до революции 1917 г, ценится и считается прекрасной прежде всего такая речь, в которой сочетаются в гармоническом единстве-

- 1) мысль, смысловая насыщенность, устремленность к истине;
- 2) этическая задача, нравственная устремленность к добру и правде;
- 3) красота, понятая не как украшенность, красивость, а как целесообразность, функциональность, строгая гармония.

Справедливость этого тезиса по отношению к речевой культуре Древней Руси доказывается в книге: *Михальская А. К. Практическая риторика и ее теоретические основания* {М.,

7

1992), где обобщаются наблюдения над теми требованиями к речи, которые обнаруживаются в текстах памятников древней русской литературы. (Гл. 1.)

Далее обратимся к одному из наиболее значительных риторических трактатов, созданных в России: *Кошанский Н. Ф. Общая риторика* (I половина XIX столетия). Вот что мы находим во Введении к нему: красноречие понимается прежде всего как умение и искусство мыслить: "Риторика, имея предметом мысль, показывает, откуда они (мысли) почерпаются, как приводятся в порядок и как излагаются". Общая же цель риторики, по Кошанскому, "состоит в том, чтобы... раскрыть все способности ума,... дать рассудку и нравственному чувству надлежащее направление..., возбудить и усилить в душе учащих живую любовь ко всему благоразумному, великому и прекрасному". И так, и в этом авторитетнейшем отечественном источнике видим то же: мысль, нравственное чувство и красота — вот неперемные условия подлинно прекрасной речи, вот риторический идеал Н. Ф. Кошанского, преподававшего в Царскосельском лицее, когда там учился А. С. Пушкин.

Но можно предположить, что к началу XX столетия европейский человек уже слишком многое видел, узнал и пережил, чтобы его представления о прекрасной речи, т.е. риторический идеал, остались прежними. Вот как говорит об этом изменении современный английский писатель Джон Фаулз в романе "Волхв": "К середине века мы в равной мере устали от белой святости и черных святотатств, от высоких парений и вонючих испарений (заметьте, что фраза строится по принципу антитезы — противопоставления) — спасение заключалось не в них. Слова утратили власть над добром и злом: подобно туману, они окутывали энергичную реальность, извращали, сбивали с пути, выхолащивали..." Не правда ли, звучит современно?

И все же посмотрим, как говорит о своем понимании красноречия русский философ XX века А. Ф. Лосев в повести "Трио Чайковского": "Да! Какой же я был любитель докладов, речей, споров и вообще разговоров! Слова! Да, не с меланхолией, не по-гамлетовски я скажу: "Слова, слова, слова!" Слова всегда были для меня глубоким, страстным, завораживающе-мудрым и талантливим делом. Как мало людей, которые любят и умеют талантливо говорить! И как я искал, как я любил, как я боготворил этих людей! Боже мой, что это за чудный дар — уметь говорить и уметь слушать, когда говорят! В молодости при звуках талантливой речи я чувствовал, как утончается, серебрится и играет моя мысль, как мозг перестраивается у меня наподобие тончайшего музыкального инструмента, как дух мой начинал носиться по безбрежной и бледной зелени мысленного моря, на котором вспененная мудрость ласкает и дразнит тебя своими багряными, алыми всплесками". В этом фрагменте философ говорит о прекрасной речи тоже прежде всего как о мыслительном деле, интеллектуальном труде и игре, как о деле глубоко страстном и не только умственно, но и эмоционально напряженном и насыщенном, и уж отнюдь не холодном, и также как о деле прекрасном, эстетически значимом. Не "окутывать" и скрывать реальность, а исследовать, осмысливать, структурировать ее призвана хорошая речь в лосевском понимании. И сегодня прекрасную речь можно сравнить с речью древнегреческого оратора Демосфена, о которой Г. Д. Давыдов, автор книги "Искусство спорить и острить" (Пенза, 1927) сказал: "Не ищите у него украшений: там имеются только доводы. Аргументы и доказательства скрещиваются, подталкивают друг друга, стремительно бегут перед вашими глазами, выбрасывая на ходу восхитительные блестящие антитезы". Современная хорошая речь — это некая "литературная геометрия", результат

усиленной мыслительной работы, соразмерное зданию, логически выстроенное из четких смыслов точно употребленных слов. Это речь скорее мужественно логичная и строгая, чем женственно изящная и украшенная.

Итак, хорошая современная речь — это речь умная. Но это также и речь не просто умная, но устремленная к истине и прекрасная своей стройной структурой и логикой, своей упорядоченностью. Кроме того, это речь не нейтральная по отношению к нравственности, т. е. добрая и правдивая.

Можно думать, что современный отечественный идеал красноречия сохраняет черты, определявшие его с древности, и по-прежнему строится на триединой гармонии Б речи мысли, красоты и добра.

2. ВОЗНИКНОВЕНИЕ РИТОРИКИ. РИТОРИКА И СОЦИАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ

Естественно желание узнать, каковы же истоки такого риторического идеала. Мы живем в эпоху риторического Возрождения. Существенной чертой риторического Ренессанса является обращение к истокам, к периоду возникновения, становления и расцвета классической античной риторики. Именно в античной риторической классике скрываются корни отечественной словесной культуры. Однако классическая риторика настолько многообразна и неоднородна, жизнь риторических идей в античности настолько напряжена и насыщена таким богатым и различным содержанием, что и среди всего этого многообразия и богатства нужно найти те образцы, которые были восприняты русской культурой наиболее полно и повлияли на отечественную речевую традицию наиболее сильно. Таковы риторическая деятельность и идеи Сократа, отраженные в диалогах Платона и воспринятые учеником Платона — Аристотелем, развившим эти идеи в трактате "Риторика", оказавшем определяющее влияние на становление риторики как дисциплины и дальнейшее развитие ее в позднейшей европейской культуре.

Перед тем как приступить к рассмотрению платоновских диалогов, необходимо внимательно обдумать и особенно ясно представить себе, почему риторика возникает именно в Афинах и именно в период VI—V вв. до н. э. Что послужило причинами того, что у греков появился в это время тот "небывалый культ слова", о котором говорит А. Ф. Лосев? В чем проявлялся этот "культ", из которого естественно выросла целостная и богатейшая культура слова, оформившаяся в особую обобщающую дисциплину и более того — философию жизни и общения, т. е. риторику?

Если история как Дисциплина, философия и искусство имела в Греции лишь одну покровительницу — музу Клио,

10

то красноречие находилось в ведении целых трех, и не каких-то там муз, а настоящих богинь. Это были Пейто — богиня убеждения (по гречески *peito* — убеждаю), да еще две Эриды — богини спора (от *eridzo* — спорю). Эрид, богинь спора, было две, так как греки отличали спор "конструктивный", направленный на достижение истины, от спора "конфликтного", подлинной целью которого является не выяснение истины о предмете, а борьба с противником и победа в этой борьбе (*агоне*, откуда русское слово *агония* — борьба со смертью). Соответственно, красноречию благому, "гармонизирующему", покровительствовала и Эри да благая, а красноречию борьбы — агональному красноречию — именно вторая Эрида, "злая". Различия и даже противоположность этих моделей спора получили у греков терминологическое выражение: спор, направленный на нахождение истины, был назван диалектикой, тогда как спор агональный — эристикой. Отвечая на вопрос о закономерности возникновения риторики, мы основываемся на следующей позиции: "Беспокойный V век до н. э. выдвинул свободного человека как сгусток энергии и самостоятельности, какие только возможны в рамках рабовладельческого общества, и тем самым стал на путь антропоцентризма, прогрессирующего с каждым десятилетием. Отсюда та невероятная страсть к слову и преклонение перед его силой, которой отличались греки. Ведь всякий грек издревле славился как за-ядный разговорщик, а гомеровские поэмы и до сих пор удивляют обилием и умелым построением речей. Греки, можно сказать, абсолютизируют слово, делая его владыкой всего сущего, а среди богов почитают Пейто — богиню убеждения" (Лосев А. Ф., Тахо-Годи А. А. Платон: Жизнеописание. — М., 1977).

Очень важно и отнюдь не случайно, что рождение риторики — мастерства слова, свободной живой речи — происходит во времена афинской демократии. Ведь свободный

гражданин — *aner politicos* — реально мог повлиять на решение собрания и, следовательно, на судьбы своего государства и нуждался для этого в необходимом инструменте — мастерском владении убеждающей речью.

Первыми теоретиками и практиками красноречия стали софисты — "бродячие учителя красноречия",

11

или, как называет их А. Ф. Лосев, первые европейские интеллигенты — профессиональные преподаватели риторики. Первый известный риторический трактат принадлежит некоему Кораку (Кораксу) из Сицилии, учителю авторитетнейшего и знаменитого Г о р г и я , настолько прославившегося своим искусством слова и умением обучать этому искусству, что именно его и считают по традиции "отцом риторики". Не случайно ему и посвящен целый отдельный диалог Платона — "Горгий", о котором подробно пойдет речь дальше.

Принято считать, что риторика — дитя демократии. Но риторика — предмет весьма и весьма многообразный и даже в определенном смысле двуликий, как Янус. Поэтому о ней существует и прямо противоположное мнение, связывающее нашу дисциплину и риторическую практику с иным типом общественного устройства. В 1913 г. историк Э. Берне, изучая эпохи Диоклетиана и Константина, отметил прямую связь риторики с деспотизмом: "Ввиду отсутствия свобод и старого юридического духа императорский режим нуждался в убеждении и насилии. Он превозносил чистоту своих намерений и мудрость своих деяний, обращался к религиозному чувству и доброй воле чиновников. Риторика оказалась лишь вечной принадлежностью вечной восточной деспотии, возрожденным стилем восточного этикета" (*Ковельман А. Б. Риторика в тени пирамид. — М., 1988*).

Да, существуют риторика и риторика, и обслуживают они разные социальные модели, являясь принадлежностью соответствующих этим моделям культур.

Это различие русский филолог Б. Томашевский даже предложил фиксировать разными написаниями самого слова: *рЕторика* (старое написание) и *рИторика* (новый вариант). Эти различия и станут одним из основных предметов рассмотрения в настоящем курсе.

3. РИТОРИКА КАК МИРОВОЗЗРЕНИЕ В ДИАЛОГЕ ПЛАТОНА "ГОРГИЙ"

Перейдем теперь к анализу платоновских диалогов. Постараемся сперва объяснить, почему эти классические источники мы считаем столь важными, что уделяем

12

именно им специальное внимание не в теоретической работе, а в лекциях для студентов. Для этого есть как общие мировоззренческие и социальные, так и специально-риторические основания. Начнем с первых.

По нашему убеждению, риторика как предмет преподавания в гуманитарном вузе ценна и значима (кроме всего прочего) потому, что именно она позволяет сделать знание, некогда предназначенное и "приличное" лишь "посвященным", знание, которое приобрело роль "элитарного", а следовательно, некий статус "знака элитарной принадлежности", — сделать это знание доступным не только для "интеллектуалов", воспитанных под сенью немногих образовательных заведений для избранных, но и для любого культурного человека. Потому и относиться сегодня к классическим источникам следует иначе, чем прежде. Если еще несколько десятилетий назад чтение платоновских диалогов было привилегией избранных, то сегодня ничто не мешает тому, чтобы любой образованный человек мог включить эти основы европейской культуры в собственную картину мира, рассматривая эти памятники культуры не как экзотические редкости, а как свои собственные корни и как свое собственное достояние и наследие. Так что всем, кто получает гуманитарное образование, следовало бы относиться к необходимости прочитать диалоги Платона, "Риторику" Аристотеля, трактаты Цицерона и другие классические тексты как к задаче естественной и необходимой. Риторика возвращает общество к его собственным культурным корням, обнаруживает их, делает очевидными, доступными и вновь родными. Для нашего же общества в его современном состоянии это более чем необходимо.

Теперь рассмотрим собственно риторические особенности названных текстов, имеющие для нас особую важность.

Впервые в европейской философско-словесной культуре Платон делает саму форму диалога основной для философского изложения и вообще размышления.

"Древнегреческая философия доплатоновского времени или, как ее еще называют, досократовская, излагала свои идеи часто в форме загадочно-афористического мудрого поучения, в стихах или прозе", — пишут А. Ф. Лосев и А. А. Та-

13

Хо-Годи. Кроме того, принятый в европейской культуре образец речи и размышления о предмете (необходимость определения предмета, возведения к общему роду и поиски видового отличия, рассмотрения его разновидностей и оценки их, общего вывода-заключения и пр.) — восходит именно к философско-риторической деятельности Сократа, отраженной в диалогах Платона.

Начнем с диалога "Горгий". Само название этого диалога, как и участвующие в нем собеседники, для истории риторики имеют фундаментальное значение. Горгий — историческое лицо, известнейший софист, признанный "отец", основатель риторики. Обучаясь у Корака из Сицилии, Горгий совершенно затмил своего учителя и стал среди софистов благодаря своему ораторскому дару и выучке фигурой не просто знаменитой, но выдающейся. Пол, ученик Горгия, тоже реальное лицо, софист, автор сочинения "Музей слов", а значит, человек, непосредственно причастный к словесности. Калликл — молодой аристократ, представитель афинской "золотой молодежи", пресыщенный юнец, в диалоге представляющий философию "естественного права" — права сильного, поучающий Сократа, как следует вести себя человеку житейски мудрому, желающему, потакая своим желанием, насладиться жизнью. Его жизненный ориентир и цель — угождать собственным потребностям, его голос — голос обывателя, трезвый и разрушительный в своей непобедимой логике здравого житейского смысла. Мы бы сказали, что в этом голосе слышатся знакомые современному российскому читателю интонации Дейла Карнеги.

Вся эта публика собралась не для чего иного, как для решения вопроса: "Как жить?" Нашего современника может поразить, что в Афинах этого периода столь общая мировоззренческая проблема ставилась и решалась не иначе как вопрос: "Что такое риторика?" И так, "как жить?" и "что такое риторика?" — вот на какие вопросы отвечает Платон в диалоге "Горгий".

Для собеседников же в этом диалоге такая связь названных выше вопросов более чем естественна, как, впрочем, не должна она удивлять и нас — их культурных наследников и последователей.

Вот как определяется связь риторики и образа

14

жизни, модели красноречия и модели нравственности в книге А. Ф. Лосева и А. А. Тахо-Годи: "Правильное, закономерное на первых порах стремление софистов изучить механизм логический, убедительной мысли и тем самым дать человеку в руки важное орудие в превратностях частной и общественной жизни постепенно перешло в увлечение внешними словесными эффектами, в беспредметную риторику (выделено мною — А.М.). Главное то, что для софистов человек был мерилем всей окружающей жизни, значит, он мог в своих личных, часто корыстных целях действовать без всякого ограничения, невзирая на мораль. Все было позволено, и все моральные нормы оказывались относительными, зависящими от того, как воспринимает их софистически воспитанный человек".

Такова этико-риторическая позиция софистов, ярко отраженная в тексте диалога "Горгий" — позиция, с которой спорит в этом и других платоновских диалогах Сократ. И так, диалог "Горгий" интересен прежде всего постановкой и решением этических проблем красноречия.

Рассмотрим эти проблемы и способы их решения, предлагаемые софистами с одной стороны и Сократом — с другой. Заметим, кстати, что эта борьба мнений в платоновских диалогах представляет собой *агон* — состязание, такое же, как в аттической комедии, — драматический спор, по словам А. Ф. Лосева и А. А. Тахо-Годи, "борьба двух противоположных идей, которые защищают соперничающие стороны, причем борьба азартная, страстная". В диалоге "Горгий" агон носит непримиримый, враждебный характер, и до конца участники диалога так и не приходят к согласию.

Проанализируем следующие основные вопросы, которые составляют существо спора об этике речи и этике жизни в диалоге:

- 1) определение красноречия;
- 2) риторика как нравственный выбор;
- 3) риторика как образ жизни;
- 4) риторика как судьба.

Начнем с того, как Горгий и Сократ рассуждают о сущности красноречия.

Собеседники соглашаются в одном: красноречие есть

15

"мастер убеждения", и предметом убеждения для него служат "справедливое и несправедливое".

Однако Сократ замечает, что убеждать можно по-разному: или "внушая веру в справедливое и несправедливое", или "сообщая знание о том, что справедливо, а что нет". На различии "веры", которая "может быть и истинной, и ложной", и "знания", которое может быть "только истинным", и основано противоречие в определении красноречия у Горгия и у Сократа.

Софист настаивает на том, что цель красноречия — "внушать веру", т. е., по сути, манипулировать адресатом. Сократ противопоставляет этому свое понимание целей риторики как дисциплины и деятельности: она должна не внушать веру, а "поучать, что справедливо и что нет". Цель красноречия — истина об обсуждаемом предмете, предмете речи, именно такая риторика дает подлинное благо людям и обществу и потому является настоящим искусством, тогда как риторика софистов, манипулируя слушателем с помощью формальных приемов, льстя им, угождая им, есть не искусство, а простая сноровка, основанная на лжи и лицемерии, и потому не благая, а пагубная, не приносящая настоящей пользы, а доставляющая низменное удовольствие. Таким образом, проблема этического выбора включается в диалог в само определение красноречия. Риторика софистов обращена к толпе и играет на ее инстинктах, риторика Сократа апеллирует к свободному гражданину, *aner politicos*, действующему на благо своего государства. Видим, что и адресат в этих двух противопоставленных моделях красноречия разный.

Любой свободный гражданин Афин должен был получить риторическую подготовку и знания и в своей речи, в своей жизни и деятельности руководствоваться той моделью красноречия, которую он предпочел, выбирая себе учителей. Выбор одной из этих риторических моделей, различных по цели, приемам, средствам, был и остается прежде всего нравственным. Можно сказать, что эта проблема актуальна для нас сегодня не менее, чем во времена Сократа и софистов.

Сделав выбор, человек определяет не только облик своей речи, но и отношение к людям — как к объектам

16

своих риторических манипуляций или как к полноправным субъектам-собеседникам. Определяет он и сам образ своей жизни. Проблема связи образа жизни и риторического идеала личности и общества решается в диалоге "Горгий" в беседе молодого аристократа Калликла с Сократом. Жизненная цель Калликла — потакание всем своим потребностям, как можно более полное угождение всем своим желаниям. Разнузданный юнец опирается в этом на свое "право сильного" — и исследователи диалога "Горгий" отмечают, что в этом фрагменте диалога речь идет о "теории естественного права" (см. комментарии к диалогу, выполненные А. Ф. Лосевым). Для такого образа жизни, который нужен Калликлу, необходимы власть и деньги. Для достижения того и другого лучшее орудие и оружие — софистическая модель риторики. Манипулировать людьми с помощью слова, добываясь власти над ними и необходимых материальных благ, — вот к чему стремятся софисты и чего они легко добиваются. Заметим, что самому Горгию его искусство принесло и почет, и жизненную роскошь, и богатство.

И, наконец, можно говорить о риторике не только как о нравственном выборе и образе жизни, но и как о судьбе. В диалоге "Горгий", основанном на принципе трагической иронии, юнец Калликл поучает Сократа, "как жить" и "как говорить", предсказывает философу трагический и неизбежный конец, к которому с неотвратимостью ведет Сократа его философствование, его стремление к истине и к истинному благу для общества, для людей, его "неумение" — а на самом деле принципиальное нежелание — угождать людям своей речью, льстить и "нравиться" им.

Весьма созвучна высказываниям Калликла, надо заметить, позиция Цицерона, который в трактате "Об ораторе" ясно говорит о том, что главная цель и искусство оратора состоит не в том, чтобы, философствуя, искать какой-то истины и какого-то блага, а в том, чтобы уметь воздействовать на аудиторию в своих целях.

Рассматриваемый диалог Платона интересен для нас также тем, что в нем решаются и эстетические проблемы красноречия. Характерно, что эстетика красноречия оказывается тесно связанной с его этикой. Что делает речь

17

прекрасной, поднимает ее от сноровки к мастерству, от мастерства — к искусству? Что делает речевое произведение эстетическим предметом?

Основная и наиболее общая эстетическая категория, действующая в прекрасной речи — категория гармонии. Гармония понимается прежде всего как порядок в речи, ее упорядоченность. Порядок — космос (по-гречески *космос* значит украшенное, т. е. упорядоченное, откуда русское *косметика*) — противостоит хаосу — беспорядку, или, как говорит Сократ, "бесчинству" в речи и в общении.

"Порядок" в речи определяется умеренностью и мерой — речь не должна быть ни слишком длинной, ни слишком короткой: так проявляется в риторике мера количественная, но этого мало. Умеренность в речи — это, как говорит Сократ, и воздержанность в ней, т. е. такое поведение, которое соответствует долгу человека по отношению к собеседнику, вообще к людям. Долг же — это не что иное как проявление справедливости. Воздержанность, долг, справедливость в речи — основа хорошей дружбы и подлинного общения. Это категории этические. Итак, нравственность (этика) и красота речи, понятая как порядок, воздержанность и нравственный долг, — вот главное в риторической концепции Платона, концепции, положенной им в основу рассматриваемого диалога.

Такова смысловая структура диалога "Горгий" Платона, как мы видели, весьма существенная для нашей проблемы — для выяснения истоков и источников отечественной словесной культуры и русского красноречия.

В диалоге есть и очень важный для нас фрагмент, в котором Сократ говорит о том, что в искусстве красноречия, если это подлинное искусство и истинное красноречие, мастер речей всегда руководствуется неким "образом" прекрасной речи, который держит в голове, как и любой другой мастер-ремесленник при изготовлении прекрасного, т. е. мастерски сделанного, предмета. Этот "образ", "образец" хорошей речи, существующий в сознании ратора, назовем риторическим идеалом. Этот "образец" — риторический идеал — станет предметом нашего пристального внимания в даль-

18

нейшем изложении: именно риторический идеал — основная категория сравнительно-исторической риторики. В диалоге "Горгий" впервые в европейской словесности отмечается важность и определяется содержание этого понятия.

Такова существенная для нас проблематика диалога "Горгий" Платона.

В связи с рассматриваемыми проблемами представляет интерес также текст "Апологии Сократа" Платона, особенно заключительные фрагменты этого памятника — речи Сократа, которые философ произносит после вынесения ему обвинительного приговора и после вынесения ему смертного приговора. Читатель может убедиться в том, что и в них проблемы подлинного и ложного красноречия занимают отнюдь не последнее место.

В самом деле, прислушаемся внимательней к словам Сократа: "Быть может, вы думаете, афиняне, что я осужден потому, что у меня не хватило таких доводов, которыми я бы мог склонить вас на свою сторону, если бы считал нужным делать и говорить все, чтобы избежать приговора. Совсем нет. Не хватить-то у меня правда что не хватило, только не доводов, а дерзости и бесстыдства и желания говорить вам то, что вам всего приятнее было бы слушать: чтобы я оплакивал себя, горевал, словом, делал и говорил многое, что вы привыкли слышать от других, но что недостойно меня, как я утверждаю".

Вспомните: основной принцип риторики софистов — говорить то, что слушателю приятно; убеждать людей, воздействовать на них, манипулируя ими, обращаясь к их эмоциям и потакая их слабостям. Сравните кстати советы, которые дает читателю Дейл Карнеги — наследник софистической риторической культуры. Сократ же даже в виду смертельной опасности не пожелал изменить тем принципам речи, которые в разговорах с учениками и в спорах с противниками сам утверждал: прежде всего — не пожелал изменить истине и правдивости в речи, видя в этом нравственный долг человека.

19

Лекция 2.

ДИАЛОГ "ФЕДР", ЕВРОПЕЙСКАЯ РИТОРИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ И СВОЕОБРАЗИЕ РУССКОГО ЛОГОСА

1. ГНОСЕОЛОГИЯ РИТОРИКИ. СВЯЗЬ ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ РОЛИ РИТОРИКИ
Займемся теперь диалогом "Федр". Он представляет для нас интерес потому, что предметом речи в нем служит не только любовь, но и красноречие. В самом деле, разговор Сократа и юноши Федра посвящен выяснению истины о природе любви и об отношениях любящего и любимого.

Но не только на эту тему идет беседа: мудрец и его юный приятель выясняют также, как нужно размышлять и говорить о любви, и не только о ней, но и о любом другом предмете. Потому диалоги и можно рассматривать прямо как краткий "учебник риторики", "краткое руководство к красноречию". По сути дела именно в этом диалоге закладываются те основы, те традиции мысли и речи, которые до сих пор определяют облик европейской и особенно русской речемыслительной культуры.

Существенно заметить, что диалог "Горгий" — это настоящий агон, борьба противников, так и не приводящая к согласию между ними (каждая из спорящих сторон остается при своем: когда Сократ спрашивает Калликла, что тот вынес из спора, молодой аристократ упрямо отвечает: "Понял: надо угождать" — нечто прямо противоположное тезису Сократа о том, что речь должна быть правдивой и искренней, а не улаживать слушателя). Диалог "Федр", напротив, скорее дружеская беседа ученика и учителя, где оба в совместном обсуждении приходят к новому знанию — знанию о сущности и законах риторики и любви.

Если диалог "Горгий" прежде всего посвящен риторической и жизненной этике в их тесной взаимосвязи, то в

20

"Федре" на первом плане для нас — гносеология и эстетика риторики.

Рассмотрим сперва гносеологические основания риторики, опираясь на текст диалога.

Именно риторика, как очевидно из размышлений Сократа о красноречии, предлагает думающему человеку важнейшие общие познавательные модели.

Что это за модели? Это способы мыслить о любом предмете и, рассуждая, говорить о нем. Эти способы мыслить и говорить отражают основные законы человеческого познания, т. е. являются не только формами речи, но в первую очередь — формами мысли о предмете. В риторике эти способы, эти модели получили название топы, топосы (от греч. *topos* — место). На ментальной карте речи они образуют главные смысловые позиции. В совокупности топы, или "общие места", составляют стройную систему, называемую топикой речи.

То, что формы мысли и формы речи едины, роднит риторику и диалектику. Ведь и само слово *диалектика* (от *dialogos* — беседа) означает прежде всего умение вести беседу, беседовать, или, как мы видели в предыдущей лекции, находить истину в споре. Что же делает человека диалектиком? Это сочетание двух способностей.

Первая — находить общее для разных явлений (предметов), возводить частное к общему, восходить от вида к роду. При этом необходимо умение давать определения предметам речи и мысли, чтобы речь приобрела ясность.

Вот как говорит об этой способности Сократ: "...Охватив все общим взглядом, возводить к единой идее разрозненные явления, чтобы, определив каждое из них, сделать ясным предмет нашего поучения" — вот первая из способностей, которые в совокупности делают человека диалектиком. Эта деятельность получила впоследствии название индукции.

Вторая же способность — это "наоборот, умение разделять все на виды, на естественные составные части, стараясь при этом не раздробить ни один член, как дурные повара". Это умение отражает противоположный ход мысли — от общего к частному. Он был позднее назван дедукцией.

В риторике процесс "поднятия" мыслью от вида к роду

21

и спуска от рода к видам, разновидностям составляет содержание риторического топа "род и вид", "разновидности". На основании этой мыслительной и речевой работы строится определение предмета речи и мысли: начиная с Сократа определение дается

через ближайший род и видовое отличие.

Процесс объединения отдельных частей в единое целое и, наоборот, разделения предмета на составные части в риторике называется топом "целое и части". Эти противоположные процессы (или смысловые модели) позднее были названы анализом и синтезом.

Итак, обе рассмотренные "пары": 1) восхождение от вида к роду и нисхождение от рода к виду и 2) разделение на части и объединение частей предмета речемысли в одно целое, а также 3) определение — составляют и основу деятельности ратора-говорящего, что отражается в риторических топах (род и вид, разновидности, часть и целое, определение), а вместе с тем они же служат содержанием работы философа-диалектика. "Я, Федр, и сам большой любитель такого подразделение на части и сведения в одно целое, — говорит Сократ, — благодаря ему я могу говорить и мыслить. И если я в ком-нибудь замечаю природную способность охватывать взглядом и единое и множественное, я гоняюсь "следом за ним по пятам, как за богом". К тем, кто умеет это делать, я обращаюсь до сих пор, а правильно или нет, — бог ведает — называя их "диалектиками".

Пример применения этих двух способностей, делающих человека диалектиком и составляющих сущность диалектики, дает сам Сократ, анализируя в диалоге "Федр" собственное рассуждение о любви.

В начале этой речи о любви философ дает ей определение, т. е. пользуется смысловой моделью, которая в риторике описана и изучается как топ "определение", потом подразделяет предмет на разновидности, оценивает их, делает вывод:

"Сократ. Мы утверждали, что любовь есть некое исступление. Не так ли?

Федр. Да.

Сократ. А исступление бывает двух видов: один — следствие человеческих заболеваний, другой же возни-

22

кает тогда, когда боги отклоняют нас от всего, что обычно принято.

Федр. Конечно.

Сократ. Божественную исступленность, исходящую от четырех богов, мы разделили на четыре вида: вдохновенное прорицание мы возвели к Аполлону, посвящение в таинства — к Дионису, творческую исступленность — к Музам, четвертый же вид — к Афродите и Эроту. Мы утверждали, что любовное исступление всех лучше... Прибавив не столь уж неубедительное рассуждение, мы с должным благоговением... прославили... владыку Эрота...".

В определении любви философ "восходит" от вида — собственно любви — к роду — исступлению, т. е. определение дается так, как это требуется по правилам риторики и философии — через ближайший род и видовое отличие. Затем следует выделение разновидностей любви как божественного исступления, оценка (сравнение) этих разновидностей и выбор лучшей.

Таким образом, сам ход философского рассуждения о предмете мысли и речи предстает в диалоге как последовательность важнейших риторических общих мест, топов:

определение, род и вид, свойства и оценка разновидностей и др.

Итак, риторика и диалектика теснейшим образом связаны и по своей сущности, и по своим средствам. Можно сказать, что риторика так относится к философии, как речь относится к мысли. Риторика описывает, фиксирует, а затем предоставляет в распоряжение мыслящего и говорящего человека необходимые смысловые, познавательные модели — модели мысли и речи. В этом и состоит ее гносеологическое, познавательное значение.

Остановимся теперь на жизненном и конкретно-социальном значении риторики как дисциплины. Упрощая процесс мысли, делая способы рассуждения достоянием каждого, кто получил риторическое образование, риторика делает философствование достоянием массы. В исследовании А. Б. Ковельмана (см. предыдущую лекцию) показано, как этот процесс воздействия риторического образования на массы происходил в птолемеевском Египте и к каким последствиям привел. В это время (II в. н. э.)

23

наступил период так называемой "второй софистики". Именно вторая софистика с ее...

всепроникающей риторикой учила массы мыслить абстрактно, осознавать общественную структуру и социальные противоречия. Народ Египта и в предшествующие эпохи служил объектом немислимого угнетения, страдал от социальных бедствий. Но лишь теперь он начинает говорить об этих бедствиях, остро переживать несчастья, обвинять виновников", — пишет А. Б. Ковельман. Все это потому, что "произошло усвоение массами мыслительного аппарата античной цивилизации. Риторика сыграла огромную роль в вульгаризации античной культуры, в доведении ее до широких масс. Платон и Аристотель "в натуре" не годились для этих целей. Сложные построения, силлогизмы не могли заинтересовать сельских писцов. Риторика предлагала нечто иное — "общие места", штампы, ходячие истины, броские лозунги... Риторика, как и христианство, упрощала мыслительный процесс". И далее: усвоение мыслительной культуры широкими массами подрывало сами основы старого порядка. Риторическая культура мысли позволяла массам анализировать мир — внешний и внутренний. "В этих условиях и стали возможны массовые рассуждения о мире, человеке, справедливости, равенстве, неравенстве, карьере — обо всем том, что прежде даровалось сверху и не обсуждалось". В заключение к обсуждению проблемы воздействия риторики, ее гносеологического аппарата на социальную жизнь, заметим, что в нашей стране сейчас, как и в Египте времен Птолемея, Наступила эпоха, "когда философствуют на площади и проповедают с крыш". Точнее, у нас философствуют и проповедают на площадях и на кухнях, в газетах, по радио и по телевизору. В такие эпохи возвращение риторики с ее доступными каждому средствами речи и мысли, с ее несколько вульгарными, простыми, но общепонятными и легко усваиваемыми смысловыми моделями — топами — вполне закономерно. Посмотрим, что будет, если риторика как учебная дисциплина у нас займет то место, которое принадлежало ей ранее.

24

2. ДИАЛОГ ПЛАТОНА "ФЕДР" КАК ПЕРВОЕ "РУКОВОДСТВО К КРАСНОРЕЧИЮ", СУЩЕСТВЕННОЕ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОЙ СЛОВЕСНОЙ КУЛЬТУРЫ

Диалог "Федр" занимает особое положение в античном риторическом наследии еще и потому, что его можно считать первым диалектическим и диалогическим "учебником риторики": ведь в нем содержится тот комплекс риторических идей, который был разработан, правда, с заметными изменениями, Аристотелем в его трактате "Риторика" и который составляет концептуальную основу этого трактата.

Действительно, в "Федре" содержатся и определение красноречия как особой деятельности и предмета изучения, и образцы речей, и их анализ, и основы эстетики речи, и основы риторического канона — этапов изобретения и расположения, и, наконец, основы учения о речевой ситуации.

Докажем это.

1. Сократ определяет красноречие как "некое умение увлечь души словами, причем не только на суде или на других общественных собраниях, но и в частной жизни".

Собеседников в этом диалоге занимает и проблема подлинного и ложного красноречия, как и в диалоге "Горгий", и, соответственно, вопрос о настоящей цели риторики. Эта цель — истина, о чем само красноречие заявляет в диалоге. Сократ здесь использует прием, позже названный в риторике "sermosinacio" — вымышленную оратором речь, которую он вкладывает в уста своего "героя", в данном случае — красноречия: "Никого, кто не знает истины, я не принуждаю учиться говорить, напротив, если мой совет что-нибудь значит, пусть лишь обладающий истиной приступает затем ко мне. Я притязую вот на что: даже знающий истину не найдет помимо меня средства искусно убеждать".

И далее: "Подлинного искусства речи... нельзя достигнуть, не познав истины, да и впредь будет невозможно". Итак, убеждение с помощью истины и в истинном — вот цель подлинного красноречия.

2. В диалоге приводятся и внимательно разбираются три целостных риторических произведения — три об -

25

разца речей о любви. По традиции, в последующие эпохи любой риторический трактат учебного назначения включает образцы речей и их риторический анализ. Так и у Ломоносова, и у Кошанского. Но в "Федре" образцы даются не только положительные, идеальные, но и отрицательные, причем с критическим разбором.

Первый образец, подвергающийся Сократом критике, — речь софиста Лисия, полный текст которой принес с собой юноша Федр, чтобы показать Сократу. Главный тезис этой речи — любящий и его чувство вредны любимому. Эта речь используется Сократом для того, чтобы служить неким "антипримером" — плохим как с точки зрения риторической, так и с точки зрения философской, поскольку тезис неверен, не соответствует той "истине о любви", которую Сократ ищет вместе с Федром в диалоге и находит.

Второй образец — речь Сократа о любви с тем же тезисом, что речь Лисия, однако верно построенная и потому действенная.

Третий образец, действительно "образцовый", — вторая речь Сократа о любви, с тезисом, противоположным тезису Лисия, т. е. выражающая, с точки зрения Сократа, истину о любви и построенная так, как должно.

Итак, имеем три речи о любви для анализа: первая — с неверным тезисом и риторически несовершенная, вторая — с ложным тезисом, но риторически правильная, третья — открывающая истину о предмете, т. е. любви, и к тому же риторически безупречная. Анализ этих речей и лежит в основе всех обобщений о риторике и красноречии, которые содержатся в диалоге.

3. "Учебник риторики", диалог "Федр", содержит общие положения об эстетике красноречия, но более детализированные и специальные, чем диалог "Горгий", в котором эстетические требования к речи преломлялись через призму этических категорий.

В "Федре" утверждается, что порядок в речи проявляется прежде всего в ее структуре.

Во-первых, необходимо наличие в речи четко структурированных, отдельных частей.

Во-вторых, части эти должны быть расположены в определенном порядке.

26

В-третьих, части должны быть соразмерны одна другой и соразмерны целому.

Наконец, в-четвертых, части должны быть симметричны друг другу, как соразмерны и симметричны части человеческого тела, если оно прекрасно: "Всякая речь должна быть составлена словно живое существо: у ней должно быть тело с головой и ногами, а туловище и конечности должны подходить друг к другу и соответствовать целому".

Итак, прекрасная речь есть речь гармоничная. Она становится таковой, приобретает свойства эстетического предмета, если в ней действуют и проявляются категории порядка, меры, соразмерности, симметрии. В русской речевой культуре и русском риторическом идеале порядок (гармония) в речи фиксируются словами *лад, строй*.

Для того чтобы лучше разобраться в этих вопросах, можно обратиться к первой книге "Истории античной эстетики" А. Ф. Лосева — тому "Софисты. Сократ. Платон" и прочитать там об общэстетических категориях порядка, меры, симметрии, ритма на с. 374 — 404, имея в виду проявления этих категорий в эстетике речи и речевого поведения и опираясь для этого на текст платоновского "Федра".

4. В этом диалоге закладываются основы античного риторического канона, его важнейших этапов — изобретения и расположения.

- О том, как в диалоге осмысливаются и применяются риторические общие места — топы, а таким образом и формируется этап риторического канона изобретение, мы сказали выше, в связи с проблемой гносеологической роли риторики. Но в тексте "Федра" есть и вполне определенные положения, касающиеся второго этапа канона — расположения, диспозиции.

"По-моему, сперва, в самом начале речи, должно быть вступление, — говорит Сократ. — А на втором месте — изложение и за ним — свидетельства, на третьем месте — доказательства, на четвертом — выводы".

Опираясь на уже сложившиеся риторические традиции, Сократ подробно описывает этап расположения, формируя вместе с тем и структуру рассуждения —

27

хрии, изучавшейся, кстати сказать, в российской гимназии в курсе риторики и в новое, и в новейшее время. Эта структура образуется и приобретает устойчивость, стабильность в процессе сократовских бесед с учениками, друзьями и противниками-софистами, отраженных не только в тексте "Федра", но и других платоновских диалогах.

5. Воспроизводя идеи своего учителя Сократа, фиксируя их, Платон до Аристотеля с его "Риторикой" разрабатывает основы учения о речевой ситуации, составившего концептуальную базу современных лингвистических дисциплин — коллоквиалистики и лингвопрагматики.

Речевая ситуация — это та сцена, где разворачивается драма словесной жизни человека,

и сами участники этой драмы. Сейчас в речевой ситуации выделяют следующие элементы: партнеры-участники и отношения между ними, т. е. говорящий и слушатель (адресат), или аудитор и я, предмет речи — то, о чем говорят, а также важные для речевого общения обстоятельства: место, время, условия. Как мы сейчас увидим, современная лингвистика в этом недалеко ушла от мыслей Сократа.

"Лучше рассмотрим при ярком свете, когда и как воздействует красноречие своим искусством" — так ставит Сократ вопрос, ответ на который и составляет это учение.

Вот и основы для ответа: "Поскольку сила речи заключается в воздействии на душу, тому, кто собирается стать оратором, необходимо знать, сколько видов имеет душа: их столько-то и столько-то, они такие-то и такие-то, поэтому слушатели бывают такими-то и такими-то. Когда это должным образом разобрано, тогда устанавливается, что есть столько-то и столько-то видов речей и каждый из них такой-то. Кто достаточно все это продумал, тот станет наблюдать, как это осуществляется и применяется в действительности... Когда же он будет способен определять, какими речами какого человека можно убедить, тогда при встрече с таким человеком он сразу может распознать его... Сообразив все это, он должен учесть время, когда ему удобнее говорить, а когда и воздержаться. Все изученные виды

28

речей... ему надо применять вовремя и кстати, только тогда и никак иначе его искусство будет прекрасно и совершенно". Специально идет в диалоге и разговор о говорящем, точнее об образе говорящего.

"Людам тех времен, — иронизирует Сократ, — ведь они были не так умны, как вы теперь, — довольно было, по их простоте, слушать дуб или скалу, лишь бы только те говорили правду. А для тебя, наверное, важно, кто говорит и откуда он, ведь ты не смотришь только на то, так ли все на самом деле или иначе", — подшучивает философ над юношей Федром.

Итак, вырисовывается структура речевой ситуации: адресат и типы адресатов, сама речь и виды речей, соответствующие типам адресата, говорящий и его образ в восприятии адресата, время и другие существенные условия речи — вот ее основные элементы.

Приведем общий вывод из рассуждений о красноречии в диалоге "Федр" — вывод, который важен для нас еще и потому, что его можно считать обобщенным представлением риторического идеала Сократа в платоновских диалогах: "Прежде всего надо познать истину о любом предмете, о котором говоришь или пишешь, научиться определять все соответственно с ней, дав определение, надо опять-таки уметь подразделять все на виды, пока не дойдешь до неделимого. Точно так же надо рассматривать природу души и, определив, какой вид речи соответствует каждой натуре, так и строить и располагать свою речь, то есть к сложной душе обращаться со сложными, охватывающими все лады речами, а к простой душе — с речами простыми. Без этого невозможно... ни выбрать род речи, ни научить или убедить кого-нибудь, — впрочем, это видно из всего, что мы только что говорили".

Именно этот риторический идеал, в котором истина и мысль главенствуют как основные принципы речи, в котором добро и правда не менее важны и в котором красота речи понимается как ее гармония и порядок, — этот идеал речи унаследован и полностью воспринят русской словесной культурой.

29

3. ДИАЛОГИ ПЛАТОНА И ОСОБЕННОСТИ РУССКОГО ЛОГОСА

Мы, как и Сократ в "Федре", тоже надеемся, что из всего, что мы только что говорили, очевидно, какую громадную роль в становлении европейской культуры речи и мысли имеют те диалоги Платона, на кратком анализе которых мы позволили себе остановиться, и насколько актуальны для современной риторики эти античные источники. Риторический идеал, выработанный Сократом, отраженный Платоном в диалогах, воспринятый и развитый Аристотелем в его "Риторике", можно описать как иерархию трех основных элементов: мысль-истина, благо-добро, красота-гармония.

Но этот же риторический идеал, этот же "образ прекрасной речи", который присутствует в сознании каждого мастера-творца такой речи, определяет и основы отечественной, русской словесной культуры: сравните определение риторики и ее целей у Кошанского, хвалу подлинно прекрасной речи у А. Ф. Лосева, приведенные нами в начале лекции 1, — и вы убедитесь, что и там является та же триада, и так же понятая: мысль — добро — красота.

Интересно также, что тот удивительный "культ слова", о котором свидетельствует А. Ф. Лосев, обращаясь к истокам риторики у греков, отмечает и Василий Белов в книге "Лад", говоря о русской крестьянской культуре: "Что значило для народной жизни слово

вообще? Слово приравнялось нашими предками к самой жизни. Слово порождало и объясняло жизнь, оно было для крестьянина хранителем памяти и залогом бесконечности будущего. Покажется ли удивительным при таких условиях возникновение культа слова, существующего в деревнях и в наше время? Умение хорошо, то есть образно, умно и тактично говорить в какой-то степени было мерилем даже социально-общественного положения, причиной уважения и почтительности. Для мелких и злых людей такое умение являлось предметом зависти. Красивая, образная речь не может быть глупой речью".

Особенно заметна эта преемственность культур при обращении к анализу значения слова *логос* у Платона: "Самое главное — это то, что в этом термине отождествляется все мыслительное и все словесное, так что логос" в этом смысле означает и понятие, и суждение, и умозаключение, и доказательство, и науку, с бесчисленными промежуточными значениями, а с другой стороны, и слово, и речь, язык, словесное построение и вообще все, относящееся к словесной области. На европейской почве это является единственным и замечательным отождествлением мышления и языка..." (Лосев А. Ф. История античной эстетики: Софисты. Сократ. Платон. — М., 1969). Это же единство слова и мысли видим мы и в русском риторическом идеале, восходящем к платоновской традиции.

Приведем в связи с вопросом о месте Платона в русской культуре, в частности, в культуре словесной, мнение проф. Б. П. Вышеславцева из его речи памяти В. В. Соловьева, сказанной в Париже в 1926 г.: "Во всей мировой философии Платон является единственным в своем роде соединением трех потенций духа: диалектического гения, поэтического таланта и мистической одаренности. В этом сочетании даров Соловьев конгениален Платону. Более того, Платону конгениальна русская душа: тому доказательством является Достоевский с его трагическим гением, диалектическим талантом и мистическими озарениями".

II. ЛОГОСФЕРА КУЛЬТУРЫ: МЕТОДЫ АНАЛИЗА, СТРУКТУРА И "ФОРМУЛА"

Лекция 3.

ЛОГОСФЕРА И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ РИТОРИКА

1. ПОНЯТИЕ ЛОГОСФЕРЫ. МЕНТАЛИТЕТ И ЛОГОСФЕРА

Что такое логосфера? Из значений корней, составляющих это сложное слово, ясно: *логос* (греч.) слово, речь, рассказ + мысль, идея, понятие. Прибавим *сфера* (греч.) шар, область. Логосфера — речемыслительная область культуры. В более широком значении — вся огромная область культуры, наполненная "словами и идеями". В более узком смысле, том, который и будет нас интересовать, логосфера — это вовсе не беспорядочное скопление таких вещей, как сам язык, речь, мысль и все продукты речевой и мыслительной деятельности, которые имеют значение для данной культуры и составляют ее существеннейшую область. Это не мешок, набитый беспорядочно засунутым туда содержимым, а скорее принципы организации каждого предмета, который попал в мешок, и принципы организации этих предметов внутри речемыслительной сферы культуры.

32

Логосфера — единая структура мысли и речи, общие принципы, которые определяют эту речемыслительную, или мыслеречевую, структуру. Как можно убедиться, рассматривая топику речи и составляющие топику смысловые модели, в организации мысли и организации речи прослеживается некий общий порядок, некие общие законы, некие общие принципы.

Если нам нужно определить предмет речи, найти его разновидности — вступают в

действие индукция и дедукция, риторические топы, "род и вид": возведение предмета к общему роду и выявление его разновидностей.

Мыслительные операции и речь тесно связаны не только как процессы, протекающие почти одновременно или вообще одновременно, но и как процессы, близкие по своей организации, по своей структуре, по своему устройству и принципу. Внутри мысли и внутри речи, т. е. внутри единого логоса, есть как бы поддерживающий каркас, организующий целое. Этот каркас, эта внутренняя структура напоминает ствол и ветви дерева, которые могут быть скрыты листвой в июньский день, но обнажаются в ноябре. Вся огромная крона дерева — это логосфера, речемыслительная область культуры, в широком смысле, а структурирующий крону ствол с ветвями, скелет дерева — это принцип ее устройства, несущий закон, т. е. логосфера в узком смысле слова. Итак, говоря о логосфере, как о дереве, можно иметь в виду либо древо речи и мысли в его полном расцвете, либо "дерево как таковое" — только ствол и ветви, только несущую структуру, определяющую очертания.

Термин *логосфера* не столько как термин, сколько как образ, как идею предложил в 1975 г. французский структуралист Ролан Барт в работе "Война языков". Речь в ней идет о проблеме, которая сегодня стала предметом пристального внимания лингвистов и философов во всем мире. Эта проблема — связь логоса, языка и речи, мысли и идеи, с властью и подавлением людьми друг друга, с иерархией социума (*социум* — человеческая общность определенного типа) и установлением такой иерархии. Эта проблема станет далее предметом и нашего внимания, поскольку сравнительно-историческая риторика ин-

2 Русский Сократ

33

тересуется связью модели устройства социума с формами речи, принятыми в нем. Работа Барта начинается со знаменательного примера: "Гуляя однажды в местах, где я вырос, — пишет ученый, — на Юго-Западе Франции, в тихом краю удалившихся на покой старичков, — я встретил на протяжении нескольких сот метров три различные таблички на воротах усадеб: "Злая собака", "Осторожно, собака!", "Сторожевая собака". Как видно, у тамошних жителей очень острое чувство собственности. Интересно, однако, не это, а то, что во всех трех выражениях содержится одно и то же сообщение: НЕ ВХОДИТЕ... Иначе говоря, лингвистика, занимающаяся одними лишь сообщениями, могла бы сказать лишь самые элементарные и тривиальные вещи. Она далеко не исчерпала бы смысл этих выражений, ибо СМЫСЛ ЗАКЛЮЧЕН В ИХ РАЗЛИЧИИ: "Злая собака" звучит агрессивно, "Осторожно, собака!" — человеколюбиво, "Сторожевая собака" выглядит как простая констатация факта. Таким образом, в одном и том же сообщении читаются три выбора, три вида личной вовлеченности, три образа мыслей или... три личины собственности... В первом случае эта система основана на дикой силе (собака злая и хозяин, разумеется, тоже), во втором — на протекционизме (остерегайтесь собаки, усадьба находится под защитой), в третьем — на законности (собака сторожит частное владение, таково мое законное право)" (*Барт Р. Избранные работы.* — М., 1989). Все три примера Ролан Барт взял из речи мелких собственников Франции. Логосфера французской культуры 1970-х гг., как видите, предоставляет три возможности выбора. Наблюдения показывают, что в современной отечественной логосфере вряд ли есть такой выбор. Самая агрессивная из табличек, вероятнее всего, окажется единственным вариантом. Приведем пример. В одном подъезде "новые русские" купили две квартиры рядом, обили входные двери одинаковой багровой тканьью и снабдили двери следующими табличками:

PRIVATE!

(частное владение)

KEEP OUT!

(держись подальше)

34

Проанализируем эти надписи.

Выбор английского языка не случаен: это язык бизнеса и преуспевания. В нашем обществе сегодня именно он становится средством держать подальше всех, кто не добился успеха и находится вне сферы бизнеса. О сообщениях, передаваемых табличками, судите сами, как и о степени их агрессивности и об отношении их "авторов" к собственности и к

окружающим.

Хотя бы по сопоставлению этих примеров можно судить о том, что логосферы двух названных культур различны. А если проанализировать другие типы речевых произведений — проанализировать, сопоставляя формы мысли и формы речи?

Главная идея, которая содержится в сопоставительном исследовании логосфер разных культур, такова. Разные культуры различаются своими логосферами. Лого-сферы, будучи по видимости, по первому впечатлению похожими друг на друга, как похожи покрытые листьями кроны деревьев, могут "в раздетом", "голом", "зимнем" состоянии быть совершенно различными. Контуры, т. е. структуры "скелетов" этих деревьев, резко несходны, как непохожи зимой дуб и береза, клен и ива.

Совершенно понятно желание ученых проникнуть в тайны принципов организации логосфер разных культур и найти "формулу" каждой из них для сравнения, сопоставления. Ведь исследование логосферы — во многом ключ к пониманию специфики менталитетов и ментальности народов (*менталитет, ментальность* — способ мышления личности или общественной группы, присущая им духовность, склад ума, мировосприятие). Большое желание определить специфику "русской души", "русского менталитета" можно считать отличительной особенностью гуманитарных наук наших дней — психологии, истории, филологии вместе с лингвистикой. Становится не менее понятно, что выстраивать такого рода исследования на каком-то априорном принципе, отвлеченной идее — дело бесполезное. "Эти попытки всегда будут неудачными, если эта схема будет метафизической, если она будет исходить не из реального человека, его мыслей, поступков, идеалов, но из вымышленного образца, который появляется не из реальных исследований, но из придуманных схем, объясняется при помощи мистических, а не научных понятий, и принимается на веру, а не подвергается критическому осмыслению", — пишет в книге "Русская ментальность и ее отражение в науках о человеке" Т. Д. Марцинковская (М., 1994).

Какие же конкретные исследования можно осуществлять для изучения ментальности в области логосферы — в области, по-видимому, важнейшей для менталитета, определяющей его сущность и специфику?

2. МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СТРУКТУРЫ ЛОГОСФЕРЫ:
МЕТОД ВЫДЕЛЕНИЯ "КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ" КУЛЬТУРЫ
И КОНТЕНТ-АНАЛИЗ, МЕТОД ОПРЕДЕЛЕНИЯ "ФОРМУЛЫ
ЛОГОСФЕРЫ" И РИТОРИКА

Один из методов лингвистического или, скорее, лингво-философского и филологического анализа логосферы получил название метода выделения ключевых слов культуры и их контент-анализа.

Ключевые слова культуры, или, как их еще называют, "стилевые слова", — это слова-термины, связанные с определенной, осмысленной и четко сформулированной системой взглядов, как их определяет А. Б. Ковельман. Они появились еще в V в. до н. э. сначала в пределах философских трактатов. Теоретизация значений слов, употребляющихся в обыденной речи, — заслуга Сократа и его последователей. "Здесь действительно начинают действовать... нормы критико-рефлексивного анализа значений, что выражается в первую очередь в требовании определения соответствующих терминов", — замечает Л. Я. Гинзбург в работе "О старом и новом" (Л., 1982). "До Сократа, — как считает А. Б. Ковельман, — семантический анализ в лучшем случае фиксирует стихийную традиционность, уходящую в фольклорную и культовую символику".

Приведем пример ключевого слова культуры и пример анализа его значений — семантического анализа, или контент-анализа. Возьмем для этого результаты обобщающей работы А. Ф. Лосева по исследованию культуры античной Греции "История античной эстетики: Софисты. Сократ. Платон" (М., 1969).

36

Ключевое слово в текстах Платона — *любовь*. Что именно составляет содержание этого слова? Каковы компоненты данного значения (значений)? Выясняется это тщательным сопоставлением текстов, в которых слово *любовь* употребляется, и по контексту, окружающим данное слово словам, определяется его значение.

Что же означало слово *любовь* у греков, у Платона?

Во-первых, оказывается, что обнаруживается не одна, а целых восемь разновидностей

любви, и все эти разновидности тем не менее суть все же не что иное, как именно любовь. Более того, оказывается, что эти восемь *любовей* у Платона в совокупности образуют систему, объединяются в четыре группы, каждая из которых тоже имеет структуру.

Первая группа разновидностей любви — любовь конкретно-чувственная, эротическая. Анализ контекста, в котором встречаются эти три разновидности, показывает: греки иначе, чем мы сейчас, относились к отвлеченным, абстрактным предметам, идеям. Лосев пишет: "...То, что обычно считается отвлеченным предметом рассудка, ума, разума или науки, у Платона... оказывается предметом настолько интимного вожделения, что он пользуется терминологией, относящейся часто к эротической области".

Итак, какие же выделяются разновидности собственно эротической любви?

Первая, самая общая, как бы "отец" двух других, — эрос, *eros*. Его двое "детей" — вожделение, *himeros* — страсть обладания близким, прежде всего человеком. Кроме *himeros*, есть еще влечение, или даже тоска — *pothos*, — томление по отдаленному предмету любви. Его можно испытывать не только к человеку. Души, упавшие с неба (диалог "Федр"), чувствуют именно *pothos*, с тоской вспоминая об утраченном небе. Вот структура значений: *эрос* = чувственное влечение, *химерос* = чувственное влечение + близкое, *поттос* = чувственное влечение + далекое. Видно, что состав значений слов строится из компонентов, более мелких значений, сочетание которых дает значение более конкретное. Здесь мы выделили три таких элементарных компонента: влечение (чувственное), близость, дальность. Еще точнее — влечение и

37

расстояние между субъектом и объектом влечения, большое или малое. Разложение значений понятий на такие элементарные компоненты и называется контент-анализом. Перейдем к следующей группе разновидностей любви — разновидностям симпатическим. Здесь любовь основывается на чувстве внутренней близости, внутреннего сродства любящего и любимого. Это, во-первых, то, что мы называем *дружбой* — *philia* — чувством близости-преданности. Однако у греков *филия* — это и то, что соединяет хозяина и собаку, и то, что влечет человека к наукам, по-нашему, страстный интерес (вспомним: *филология* — любовь к слову). Кроме *филии*, сюда же относится любовь-уважение, но вместе с тем теплое и даже горячее — *storge* — чувство родителей к детям и детей к родителям. Последний вид любви симпатической рождается при соединении *филии* и *сторге* — получается некий гибрид, *филосторго*. В нем личное сливается с общественным еще более, чем в любви родителей к детям: *филосторго* — это, например, то, что чувствуют предки к потомкам. Итак, в группе симпатических разновидностей любви заметен переход, градация чувства любви от интимно-личного (*филия*) к общему и общественно-значимому (*филосторго*).

Третья группа разновидностей любви — любовь разумная. Она представлена одним понятием — *агапе* (откуда русское имя Агафья). В этой любви все определяет разум, долг, уважение. Таково чувство опекуна и подопечного. Также в значении этого термина силен элемент оценки: *агапе* испытывают к тому, кого высоко ценят разумом.

И последняя группа, также из одного члена — любовь-жалость — *eleos*. В русском языке этому пониманию любви соответствует отождествление ее с жалостью: *люблю* — значит жалею. Известно, что в говорах слово *жалю* употребляют часто именно в значении "люблю". Тут наши культуры оказываются сходными.

Мы видели, что понятие и само слово *любовь* у Платона оказывается весьма сложно структурированным, весьма многообразным.

Это вполне соответствует роли этого слова и этого по-

38

нятия в данной культуре, его ключевому статусу в лого-сфере Эллады. Приведем для сравнения и для доказательства того, что наиболее тонко в логосфере любой культуры разрабатываются именно те понятия и слова, которые имеют особое значение в этой культуре, следующий факт: в языке эскимосов слово и понятие *снег* еще более дифференцированно: насчитывается более 40 существительных, обозначающих разные разновидности снежного покрова. Это точно так же не случайно, как неслучайна ситуация со словом *любовь* у греков.

Вот каковы принципы исследования логосферы и, соответственно, ментальности,

духовности с помощью метода контент-анализа значений ключевых слов культуры. Однако недостаточно выделить ключевые слова культуры и описать их значения. Кроме самих слов, как бы листьев дерева логосферы, есть еще и формы речи о предмете. Вспомните пример Ролана Барта. Слова почти одни и те же, а формы речи разные. В данном случае именно способы, формы речи важны, так как именно они и передают различные мировоззрения: формы речи выражают формы мысли и иерархию ценностей данной культуры. В примере Ролана Барта важно, что культура предлагает носителю культуры — члену сообщества — разные варианты форм речи. В этом разнообразии выражаются терпимость и сосуществование разных идей и разных ценностных иерархий. В примере надписей на квартирных дверях "новых русских" важно то, что вариантов практически нет: значит, практически нет разнообразия воззрений на собственность и на окружающих. Другие примеры, взятые из нашей современной логосферы, тоже свидетельствуют об агрессивности и безусловном доминировании ценности собственности в ряду других ценностей, принятых обществом. Итак, нужно обратить преимущественное внимание на сам ствол дерева, на его несущий каркас, на особенность рисунка веток, их особый ритм, их особую мелодию. Значит, нужно обратить внимание и на формы речи и мысли — т. е. на формулу логосферы. Тогда представление о ментальности и своеобразии духовности носителей той или иной культуры существенно пополнится.

39

В самом деле, ведь и о любви можно говорить по-разному. Можно говорить о ней так, как это делают собеседники в диалоге "Пир" или "Федр", используя сократовский риторический образец во всем его богатстве — определить предмет речи (любовь), описать его разновидности, свойства разновидностей, оценить все разновидности и выбрать лучшую, все время аргументируя, доказывая свою позицию. А можно говорить о любви так, как это, по преданию, сделал Будда, окруженный учениками. Он молча протянул одному из них сорванный цветок — это и была речь о любви, молчаливая, бессловесная, точнее, не речь, а значимое отсутствие слова. Ценность слова и, соответственно, значимость молчания в восточных культурах необычайно своеобразна. Известно, например, высказывание, приписываемое основателю одной прославленной школы боевого искусства:

Если ты таньского мастера встретишь в пути — Слов понапрасну не трать, но и мимо не вздумай пройти. Двинь ему в зубы — и пусть объяснится кулак: Подлинный мастер поймет, а иной обойдется и так.

Можно также говорить о любви так, как это делали средневековые трубадуры, — метафорически, сравнивая даму с неприступной крепостью, жалуясь на ее суровость и жестокость, уподобляя любовь рыцарскому поединку или осаде замка. Разные культуры — разные ценности и их иерархии — разные формы мысли и речи об одном предмете.

Именно формы речи в связи с формами мысли, именно "система фраз", отражающая "систему взглядов" в разных культурах, составляет подлинный предмет изучения в рамках сравнительно-исторической риторики.

Теперь мы можем более подробно и внимательно рассмотреть сравнительно-историческую риторику как дисциплину.

3. СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ РИТОРИКА: ПРЕДМЕТ, ОБЪЕКТ, ЦЕЛИ, ОТНОШЕНИЕ К ДРУГИМ ДИСЦИПЛИНАМ

Где тот материал, который эта наука изучает? Как говорил в конце прошлого века А. Н. Веселовский, русский филолог, основоположник исторической поэтики,

40

каждый исследователь должен иметь некую область, куда он "заходит охотиться", чтобы вынести из нее свои трофеи. В его книге "Из введения в историческую поэтику" (М., 1940) читаем: "История литературы напоминает географическую полосу, которую международное право освятило как *res nullius*, куда заходят охотиться историк культуры и эстетик, эрудит и исследователь общественных идей. Каждый выносит из нее то, что может, по способностям и воззрениям, с той же этикеткой на товаре или добыче, далеко не одинаковой по содержанию".

Куда же заходит охотиться исследователь, работающий в рамках сравнительно-исторической риторики? Нет, не в область истории литературы. Не художественный текст служит ему материалом. Свои трофеи он выносит из той обычной, стандартной речевой среды, в которой, как в бурном море, странствует в поисках своих берегов и пристаней жизненная ладья каждого из нас — не художника слова, а любого человека говорящего,

Homo eloquens. В этот бушующий океан речи погружен каждый с рождения до смерти, и каждый ищет в этом океане, с помощью своего и чужого слова, истины, а если не истины, то хотя бы убедительности. Это та речевая среда, та стихия живого слова, в которой существует и осуществляет себя каждая личность как носитель определенной словесной культуры. Политик или учитель, гражданин на форуме или школьник, пишущий сочинение, журналист или ученый, вождь или автор "письма к вождю", которое призвано восстановить попорченную справедливость, — все мы творим тот материал, который использует сравнительно-историческая риторика. Творим? Да. Если это и не подлинная литература, то эта та "литература на лету", о которой применительно к судебной речи говорил П. С. Пороховщиков (П. Сергеич) в своей замечательной книге "Искусство речи на суде" (М., 1988). Он писал в ней о том, что подлинный художник творит для вечности. Судебный же оратор творит для нескольких судей, для присяжных и для немногих слушателей в судебной зале. Все разойдутся, и речь забудется. Творения художника слова, литератора останутся навсегда. Редко произведения простой речи поднимаются до

41

высот подлинно художественных. Тем не менее ценность этого материала стандартной, массовой речи ничуть не меньше, если использовать его для исследования особенностей форм речи и форм мысли эпохи, для исследования логосферы культуры, для нахождения ее "формулы". Итак, материал сравнительно-исторической риторики — не художественный текст, а речи и тексты, созданные обычными людьми в их обычной и даже обыденной жизни.

Предмет сравнительно-исторической риторики весьма сходен с предметом исторической поэтики. В исторической поэтике предмет составляет "история общественной мысли в образно-поэтическом переживании и выражающих его формах" (А. Н. Веселовский). В сравнительно-исторической риторике предмет, как мы уже заметили, — это формы речи ("система фраз"), отражающие формы мысли ("систему взглядов") той или иной культуры и те особенности, которые принимает "формула прохождения мысли в слово" в данной культуре.

Целью данной дисциплины служит исследование специфики речемыслительных форм различных культур, нахождение "формул логосфер" разных культур. Еще более общей и дальней ее целью является вклад в изучение своеобразия ментальности и духовности народов — создателей и носителей этих культур.

Сравнительно-историческая риторика близка к исторической поэтике, которая, кстати сказать, и развилась, и возникла под сильным влиянием риторических идей, к социолингвистике (особенно в проблематике, связанной с "языком власти"), к традиционной стилистике. Мы имеем в виду, однако, не стилистику как дисциплину, изучающую систему средств выражения в разных сферах общения, т.е. стилистику лингвистическую, а прежде всего учение о стиле в искусствознании, где стиль понимается как "своеобразие речи", специфика форм и средств выражения.

Как же изучать формы речи и мысли? Для ответа на этот вопрос рассмотрим основную категорию сравнительно-исторической риторики — категорию риторического идеала.

42

4. РИТОРИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ КАК ОСНОВНАЯ КАТЕГОРИЯ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ РИТОРИКИ
Впервые понятие риторического идеала вырисовывается в диалоге Платона "Горгий", где Сократ говорит о том, что ритор, мастер хорошей речи, говорит не просто так, но всегда держит в голове некоторый "образ", "образец", eidos — идею прекрасной речи. В этом смысле его деятельность ничем не отличается от деятельности любого ремесленника — мастера изготовлять, скажем, горшки или корабли. В отечественной филологии понятие риторического идеала использовано С. С. Аверинцевым в работах, посвященных античной риторической культуре. Напомним, что риторический идеал — это "образ прекрасной речи", существующий не только в сознании ритора, но и в сознании слушателя, короче, в голове любого носителя данной культуры. Эта система наиболее общих ожиданий и требований к хорошей речи.

Риторический идеал, идея хорошей речи, — это, во-первых, существенный элемент самой культуры, общий принцип организации ее логосферы, "скелет дерева" логосферы. Во-вторых, это некая иерархия ценностей — требований к речи и к речевому поведению

людей — носителей данной культуры.

Так, например, в культуре античной Греции существовали одновременно во времена софистов и Сократа два таких идеала, причем существовали вовсе не мирно, а в напряженной борьбе друг с другом. Идеал речи "по Сократу" предполагал, что условия хорошей речи — это, во-первых, ее истинность. Во-вторых, ее нравственность, причем нравственность понималась как польза для общественного, а не для личного блага. В-третьих, строгая упорядоченность речи в смысловом и формальном (словесном) отношении.

Идеал софистов был иным. Первым требованием к речи у софистов была ее "подчиняющая", манипулирующая сила. Вторым — ее формальная, словесная красота и изящество. Третьим — ее логическая изощренность и формально-логическая правильность. Было и четвертое, связанное с первыми тремя — возможность самовыражения

43

в речи: хорошая речь для софиста — это прежде всего некая "самореклама", "самоутверждение".

В современной отечественной речевой среде, логосфере, существуют и борются по крайней мере три различного происхождения и различной природы риторических идеала. Первый, наиболее распространенный, так как именно он принят средствами массовой информации, — это идеал американский или, вернее, американизированный. Он восходит к софистическому и близок к нему сущностно. Второй — старый отечественный, русский, восточно-христианский, близкий к идеалу Платона и Сократа. Приведем здесь для примера только "свод этических правил" к судебной речи из книги П. С. Пороховщикова (П. Сергеича):

"Первое условие истинного пафоса есть искренность... Нельзя возбуждать в слушателях чувства безнравственные или недостойные... Нельзя обманывать их, заменяя доказательства воздействием на чувство".

Третий риторический идеал — идеал "советской" риторики. Охарактеризовать его подробнее гораздо сложнее, чем первые два, и нам удастся сделать это только после того, как мы в общих чертах познакомимся с принципами типологии риторических идеалов, что будет предметом нашего рассмотрения в следующих лекциях.

Лекция 4. СВОЙСТВА РИТОРИЧЕСКОГО ИДЕАЛА

1. РИТОРИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ И ЛОГОСФЕРА

В предыдущей лекции мы пришли к выводу, что речь и речевое поведение носителей той или иной культуры регулируется неким идеалом — ментальным образцом и образом хорошей речи, существующим у любого говорящего и составляющим существенный компонент культуры.

44

Каждый из нас как носитель именно нашей культуры существует в конкретной и вполне определенной речевой среде и в логосфере. Это среда структурирована, а не аморфна и не гомогенна (*гомогенный* — однородный по составу).

Именно поэтому у каждого из нас есть определенный круг ожиданий по отношению к своей и чужой речи и поведению, именно поэтому мы можем оценить речь, свою и чужую, устную или письменную, как плохую или хорошую, удачную или не очень. Более того, мы постоянно занимаемся такими оценками, но делаем это неосознанно: мы не знаем, точнее даже не осознаем, какими именно критериями при этом пользуемся, и не стремимся в этом разобраться, довольствуясь только эмоциями и впечатлениями. Если задать вопрос, речь (и поведение в речи) кого из современных политических деятелей вы цените выше — Зюганова или Хасбулатова, Явлинского или Гайдара — большинство ответит не на вопрос о речи, а на вопрос о большей или меньшей приемлемости той или иной политической фигуры. При этом мало кто задумывается о том, что политические "симпатии" и предпочтения часто порождаются именно тем, как человек (политик) говорит и насколько это соответствует нашему внутреннему представлению о хорошей речи — риторическому идеалу. Это не преувеличение. Вы скажете, что политиков оценивают не по словам, а по делам — и во многом ошибетесь.

Политика, которую можно рассматривать, по словам В. Бергсдорфа (ФРГ), как "борьбу за достижение и утверждение власти", характеризуется современными политологами, например М. Крэнстоном (Бельгия), именно как "особый сложный вид деятельности, связанный прежде всего с речевой деятельностью и имеющий отношение к искусству исполнения, а не созидания. Соответственно, мир политики представляется театральной сценой, политический деятель — актером, а речь на политическую тему — "театрализованным" действием. Основанием для такого утверждения является, в частности, то, что речь политического деятеля не спонтанна, она всегда заранее тщательно подготовлена и продумана".

Конечно, в России в 90-е гг. XX в. сложилась ситуа-

45

ция весьма своеобразная, и тем не менее и здесь основы приведенного утверждения верны.

Особенно важно, что стоит человеку из России — страны, почти на столетие отделенной от внешнего мира и замкнутой "в себе", выйти за границы собственной культуры с ее особой логосферой, как он ощущает себя "голеньким" и часто совершенно теряется в том, как с ним говорят, что, собственно, имеют в виду и как и что нужно или можно говорить самому.

Можно ли анализировать, изучать и описывать существующее в обществе и в культуре представление о хорошей речи и правильном, оптимальном речевом поведении — то представление, на котором основываются оценки речи и самого говорящего, тот идеальный образец, с которым сравнивают реальные речевые действия и их результаты, вынося оценку, т. е. можно ли анализировать и описывать речевой идеал культуры? Вы скажете: конечно, и это уже давно делают. Существует речевой этикет. Можно возразить: разве этикетом руководствуются, когда пишут и читают книги и статьи, когда составляют, передают и слушают сводку новостей, когда произносят и воспринимают политические речи? Нет. Чем же? Риторическим, или, в более широком смысле, речевым, идеалом.

Риторический идеал как основа логосферы, ее структурный каркас, поддерживающий ее скелет, или ствол с ветвями, — обладает тремя важнейшими свойствами: он изменяется исторически вместе с изменением породившей его культуры, он .неодинаков в разных культурах, т. е. обладает культуроспецифичностью, и, наконец, он очень тесно и даже прямо связан с особенностями социальной модели, социального устройства.

2. ИСТОРИЧЕСКАЯ ИЗМЕНЧИВОСТЬ РИТОРИЧЕСКОГО ИДЕАЛА

Даже в области научной речи, не слишком подверженной изменениям по сравнению, например, с речью политической, происходят изменения. Обстоятельная строгость

46

в сочетании с живой образностью на рубеже прошлого и нынешнего столетия сменяется почти "политической речью" (даже в области естествознания) в 30—40 годы XX в. (заинтересованный слушатель может обратиться к материалам сессии ВАСХНИЛ в 1949 г., посвященной борьбе с "вейсманизмом-морганизмом"). Эта речь вполне совпадает с тем описанием изменений обиходной и политической речи, наступивших после революции, которое приводит в "Окаянных днях" Бунин: воцарился какой-то совершенно особый язык, состоящий из смеси высокопарных, возвышенных слов и почти площадной брани, — замечает писатель. Эта речь сменилась и в научном обиходе столь же штампованной, но не столь явно идеологизированной, "гладкой", однако весьма скованной и поверхностной научной речью периода "застоя". Сейчас все постепенно возвращается "на круги своя", и прекрасной представляется именно такая речь науки, которая отвечает традиционному образцу второй половины XIX — начала XX в. Сравните изложение курсов русской истории Ключевского и Соловьева и "Краткий курс истории ВКП(б)", вузовский учебник по истории КПСС 60—70 гг. XX в. и, например, текст книги "История отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории Советского государства" издания 1991 г. Почувствуйте разницу!

А. Ф. Лосев говорил: "Жаль, что мои книжные редакторы охотятся за разговорными словечками и оборотами, искореняют их как сорняки. Не понимают! Ведь популярно, беллетристично изложенный предмет не становится от этого менее научным" (Мастера

красноречия. — М., 1991).

Действительно, в связи с определенными социальными причинами изменился и принятый образец, идеал даже научной речи — системы довольно консервативной. Обращение к лучшим текстам научных работ дореволюционного периода и 20-х гг. XX в. удивляет современного читателя, уже приученного редактурой к усредненной, сглаженной, абстрактной, невыразительной псевдонаучной и псевдоакадемической речи. "Редактура", приводившая научные тексты в соответствие с речевым идеалом, царящим в этом социуме, была только одним из проявлений "пуризма" как формы языковой политики, насаж-

47

давшейся в эпоху тоталитаризма и застоя. А языковая политика — это именно та деятельность государства, которая насаждает соответствующий этому государству тип речевого идеала. Государство, "творя" жизнь людей, "заботится" и об их речи.

Рассмотрим теперь пример из профессиональной речи в сфере торговли. Англичане отмечают, что если "до Битл-зов", входя в магазин, вы вправе были ожидать, что вас встретят так: "Good afternoon, sir (madam). How can I help You?", то "после Битлзов" вы слышите примерно следующее: "Hi! (Hello!) What would You like?" Изменился не столько этикет как таковой, сколько речь и речевое поведение в целом.

3. КУЛЬТУРОСПЕЦИФИЧНОСТЬ РИТОРИЧЕСКОГО ИДЕАЛА. ПРИМЕРЫ РАЗЛИЧИЙ РЕЧЕВЫХ ИДЕАЛОВ В ЛОГОСФЕРАХ РАЗНЫХ КУЛЬТУР

Проявляются разительные отличия во всех сферах речевого общения.

Политика: представьте себе, что тексты материалов съездов КПСС должен был бы читать западноевропейский или американский читатель. Вспомните о скандальном случае, когда Н. С. Хрущев, выступая в США, с высокой трибуны ООН, снял ботинок и стал стучать им по трибуне (в дальнейшем появилось даже специальное выражение "башмачная дипломатия").

Наука: отечественные монографии "периода застоя" в гуманитарных областях знания воспринимались зарубежным научным сообществом как невыносимо скучные.

Особенно ясны различия в сфере делового, обиходно-бытового общения, торговли и услуг. Деловое общение: известно, что русские бизнесмены воспринимаются японскими как агрессивные, чрезмерно "решительные". Особенное недоумение японцев вызывает желание русских получить ясно выраженный и четко сформулированный ответ типа "да" или "нет", что в японском деловом общении редко допустимо. Со своей стороны, русские бизнесмены воспринимаются американцами как нерешительные, уклоняющиеся в сторону от дела и обсуждаемой проблемы, подозрительно уклончивые, а значит, небез-

48

опасные партнеры. Торговля: при покупке ковра в частном магазине мой спутник-англичанин был приведен в состояние полной депрессии. Он купил ковер, вышел из магазина и выглядел так, что мне пришлось предложить: давайте отдадим ковер обратно, если он вам не нравится.

— Нравится, — ответил мой друг, чуть не плача.

— В чем же дело? — спросила я, так как ничего необычного, с моей точки зрения, в процессе выбора и покупки ковра не наблюдалось. Продавец был вежлив, и все происходило, как мне казалось, как нельзя лучше.

— Никогда не думал, что я могу производить на людей такое ужасное впечатление, — сказал мой друг. — Этот продавец был настолько враждебен, так агрессивен, что я совсем расстроился. Это выводит человека из себя!

Описаны и многочисленные случаи нарушения понимания между носителями разных культур внутри одной страны, например, в США. Скажем, официантка-индианка из одного североамериканского племени воспринималась американцами-клиентами как невежливая и даже враждебная. Она была так неулыбчива и немногословна, что вызывала многочисленные нарекания. Сородичи же принимали ее речь и поведение как вполне естественные и дружелюбные.

Школа. Изучаются и описываются различия стратегии ведения рассказа детьми из белых и из черных семей. Преподаватели-белые получают строгие рекомендации не требовать

такой стратегии рассказывания, которая естественна для белого американца, от детей — носителей негритянской культуры. Белые дети строят рассказ о проведенном уик-энде как последовательное описание событий, линейно расположенных во времени, или организуют материал рассказа по степени значимости событий. Негритянские дети строят рассказ на ту же тему иначе: его структура напоминает круги, расходящиеся по воде от брошенного камня, и образуется расширяющимися кругами ассоциаций, причем нередки "перескоки" с одного предмета речи на другой по ассоциации.

Повседневное общение в семье: здесь описанных нарушений понимания еще больше. Так, жене-немке, совершившей нечто, с точки зрения ее мужа-японца, предосудительное, муж задал вопрос: "Зачем ты это сделала?"

49

Женщина с присущей немцам обстоятельностью честно и подробно описала причины своего поступка. Если до этого муж был просто недоволен, то после ответа жены он впал в настоящую ярость. В японской культуре такой ответ означает прямой агрессивный вызов мужу: жена должна была промолчать и не говорить до тех пор, пока не получит прощения.

Итак, логосферы различных культур обнаруживают более или менее отчетливое своеобразие.

Вместе с тем очевидно, что иногда между ними наблюдаются поразительно сходные черты. Рассмотрим примеры.

Достоверно известно, что традиционный облик послания — письма, адресованного другу или родственнику, в русской и, скажем, английской культуре различен. Для русского письма характерно начало, содержащее вопросы о здоровье и не просто обстоятельное, но даже несколько жалостливое описание собственного самочувствия. В английской культуре этого нет. А. Б. Ковельман, анализируя тексты писем в Египте времен Птолемеев, заключает: "Со II в. н. э. в письма проникают сюжеты абсолютно нехозяйственные. Речь все чаще идет о физическом и психическом состоянии корреспондентов, прежде всего о болезни и смерти... Все это — неудивительно. Как отметил Э. Ауэрбах, "христианской антропологии с самого начала было свойственно подчеркивать в человеке все, что в нем подвержено страданиям, все преходящее в нем"... С болезнью стали считаться, она превратилась в предлог, отговорку, повод... Затем и писали друзьям и родным, чтобы сообщить о своей немощи, попросить содействия, сочувствия, участия".

Именно раннехристианская идея о ценности и значимости страдания сохранена восточнохристианской церковью и традицией и до сих пор обнаруживает себя в отечественном речевом идеале, в частности, в традиционной тематике и форме изложения в дружеском и родственном письме. По поводу значимости страдания и его уравновешенности радостью в русской культуре ср., например, рассуждения кн. Евг. Трубецкого в лекции "Умозрение в красках: Вопрос о смысле жизни в древнерусской религиозной живописи" (М., 1916). Осо-

50

бенности писем и традиционных старорусских бесед при встрече с родными, близкими, друзьями как бы иллюстрируют евангельскую фразу: душа моя скорбит смертельно... Эта традиция сохранилась в отечественной логосфере до сих пор.

Черты древнерусского речевого идеала, в котором высокий статус имели такие раннехристианские этические ценности, как кротость, скромность, смирение, до сих пор обнаруживаются в типичной речевой реакции наших соотечественников на комплимент. Пример: "Какое у вас красивое платье! Как оно вам к лицу!" Типичный ответ англичанки: Oh, really! Thank You. I'm so glad you like it (Правда? Спасибо. Я так рада, что оно вам нравится). Ответ нашей соотечественницы: "Ну, что вы! Оно совсем старое!" (Или: "Ах, подумаешь, ничего особенного".) Это риторическая фигура *meiosis* — нарочитое самоуничижение, демонстрация скромности, нежелания быть объектом прямой похвалы.

4. СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ РИТОРИЧЕСКОГО ИДЕАЛА

О том, что речь людей в определенной степени обусловлена их жизнью, особенностями общественного устройства, догадались давно. Аристотель пишет в "Риторике": "...Так как можно убеждать не только посредством речи, наполненной доказательствами, но и этическим способом... нам бы [ораторам] следовало знать нравы каждой из форм правления, потому что нравственные качества каждой из них представляют для них

самых наибольшую убедительность". (Имеются в виду демократия, олигархия, аристократия, тирания, цели которых, по Аристотелю, соответственно: свобода; богатство; воспитание и законность; защита. Оратор должен, убеждая, учитывать именно эти цели.)

Итак, по Аристотелю, форма правления имеет некую ведущую цель и соответствующие ей нравственные ценности, и речь оратора, чтобы быть убедительной, должна соответствовать той системе ценностей, которая принята при данной форме правления.

51

Это значит, что риторический идеал — представление о хорошей речи — определяется социальной структурой. "Необходимо, таким образом, знать, — заключает Аристотель, — сколько есть видов государственного устройства... и какие обстоятельства... могут способствовать гибели данной формы"... (Далее, кстати, следует такой пассаж: "Демократия гибнет не только при чрезмерном ослаблении, когда она под конец переходит в олигархию, но при чрезмерном напряжении, подобно тому, как крючковатый и сплюснутый нос не только при смягчении этих свойств достигает умеренной величины, но и при чрезмерной крючковатости и сплюснутости принимает уже такую форму, которая не имеет даже вида носа").

Римлянин Сенека Младший сказал: "Речь людей такова, какова их жизнь", так повторив и далее прокомментировав в "Нравственных письмах к Луцилию" известную латинскую поговорку.

Лингвисты и политологи пришли к осознанию важности этой проблемы, проблемы связи структуры лого-сферы и структуры общества, устройства речи и устройства жизни, недавно — в конце XX столетия. "Современная политология признает невозможным рассмотрение политических структур и процессов в отрыве от рассмотрения обслуживающего их языка (*Ealy St. D. Communication, speech and politicks. Habermas and political analysis. — Wash., 1981*). Ближе всего к предлагаемой в настоящем курсе концепции сравнительно-исторической риторики, пожалуй, концепция Дж. Хабермаса (*Habermas J. Knowledge and human interests. — Boston, 1971*). Однако в этой концепции не используется понятие "речевой идеал". Автор обращается к ряду не вполне определенных в его исследовании категорий: "нормы речевого общения", "коммуникативная компетенция". "Нормы речевого общения" предполагают, по Хабермасу, "не только некоторую идеальную ситуацию речевого общения, но и идеальную форму общественной жизни, основные параметры которой представлены условиями идеальной речевой ситуации".

Итак, по Хабермасу, можно представить отношения между существующими в обществе "нормами речевого общения" и социальной структурой следующим образом:

52

идеальная форма общественной

Предлагаемая мною концепция рисует сходные отношения так:

Социальная — преобладающий — структура тип структуры
речевой ситуации

риторический идеал

Парадигма — речевые (риторичес-_____/

культуры кие) традиции в их

иерархии

Как видно, различия концепций существенные. Противоположны направления отношений. Мы исходим из "реалий" социальной и культурной парадигматики. Столь же реально то, что в каждом типе общественного устройства в действительности преобладают определенные типы речевых ситуаций. Скажем, в автократическом сообществе реально преобладают ситуации с иерархией участников, обладающих разным статусом по отношению друг к другу и, соответственно, разным "правом на речь".

Приведем пример из речи современной нам писательницы Виктории Токаревой (интервью программе "Эхо планеты" 8 марта 1995 г.). В. Токарева описала речевую ситуацию из своей семейной жизни таким образом (далее приводим запись из интервью):

Муж : О тебе там в газете статья, причем, знаешь, не слишком лестная.

Виктория: Где газета?

Муж: Да там, на окне лежит.

Виктория: Придем, выбросишь в мусоропровод!

К сожалению, письменно передать безапелляционность тона приказа, в котором эти речевые формы прозвучали, невозможно. Заметим, что сама писательница определяет период "застоя" в нашей стране как время своего "расцвета". Участники речевой ситуации — писательница и

53

ее муж — безусловно неравноправны по крайней мере в речевом, риторическом отношении. Сама ситуация, хоть и неформальная, жестко иерархизована. Как естественно предположить, это отнюдь не случайно: какова жизнь людей, такова и речь. "Неравноправные" речевые ситуации в автократическом сообществе распространяются намного шире своих "нормальных" границ, проникая в обиходно-бытовое, повседневное, дружеское и вообще неформальное общение, приобретают особую жесткость структуры и предполагают соответствующее речевое поведение участников и особые речевые формы, в нашем примере — приказ. Итак, мы исходим из реального общественного устройства и реальных речевых ситуаций, которые первым во многом определяются. Главная категория нашей дисциплины — риторический идеал — это принадлежность системы идеалов данного сообщества, это ментальный образ, некий идеальный образец речи, причем речи не просто "приемлемой", "нормальной", "допустимой", которая описывается понятием "нормы речи". Немаловажное отличие нашей концепции от той, что мы находим у Дж. Хабермаса, состоит и в том, что мы считаем очень важным "второй пласт" факторов, которые определяют идеал риторический — это пласт культуры и традиций, ценностей и идеалов, "доставшихся в наследство" от предыдущих эпох развития данной культуры. Риторический идеал — это, несмотря на свою изменчивость во времени, все же именно то, что соединяет в одно целое логосферы разных эпох бытования культуры одного народа, это то, что обеспечивает непрерывность речемыслительной культуры. Вспомним в связи с этим материал предыдущих лекций, в которых доказывалось, что отечественный риторический идеал имеет древние истоки и корни и во многом сохраняет свою специфику и определенное постоянство на протяжении почти тысячелетия. Смена риторических идеалов — это процесс изменения того, что при этом сохраняется как некая особая сущность, а не прерывистый ряд вовсе не связанных друг с другом отдельных (дискретных) структур-парадигм. Внутри парадигмы риторического идеала могут происходить перестановки ценностей по значимости, могут добавляться новые элементы и исчезать (возможно, не бес-

54

следно) некоторые прежние элементы. Тем не менее, как представляется, в целом эта парадигма сохраняет большую жизнеспособность и стремится жить до тех пор, пока жива питающая ее культура.

Лекция 5.

ОСНОВЫ ТИПОЛОГИИ РИТОРИЧЕСКОГО ИДЕАЛА. ПРИЗНАКИ РЕЧЕВОГО ИДЕАЛА КАК ПАРАМЕТРЫ "ФОРМУЛЫ" ЛОГОСФЕРЫ

1. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПРИЗНАКОВ РИТОРИЧЕСКОГО ИДЕАЛА, СУЩЕСТВЕННЫХ ДЛЯ ЕГО ТИПОЛОГИИ
Возможна ли типология риторических идеалов?

Какие признаки риторического идеала существенны для этой типологии? Как мы убедились с помощью приведенных в предыдущей лекции примеров, проявления речевого идеала кажутся настолько многообразными и даже разнородными, настолько многочисленными, что возникает вопрос: а есть ли в этих и других подобных примерах вообще хоть что-то такое, что может позволить увидеть в этом многообразии фактов речи и речевого поведения некие закономерности, некие основы для типологии самого явления — риторического идеала?

Будем в поисках ответа на этот вопрос рассматривать четыре типа отношений, которые нам представляются главными в речевой (риторической) ситуации, т. е. такие отношения,

которые и определяют особенности, специфику, своеобразие речевой ситуации. Вернемся к структуре речевой ситуации и сначала назовем, а в дальнейшем изложении в этой лекции и подробнее рассмотрим эти типы отношений.

55

Выше шла речь о том, что в диалоге "Федр" Платона закладываются основы учения о речевой (риторической) ситуации; структура и вообще весь ее "облик" (а таким образом и то, какое речевое событие в этой ситуации протекает) определяются целостной системой взаимосвязанных факторов. Главные из этих факторов (параметров):

- 1) отношения между участниками речевой ситуации;
- 2) цели участников (их речевые намерения, т. е. то, что они хотят получить в результате речевого события);
- 3) предмет речи и отношения участников к нему.

Соответственно этим главным параметрам речевой ситуации легко выделить и те типы отношений, которые определяют не только общий облик конкретной и реальной речевой (риторической) ситуации, но и своеобразие отдельных типов таких ситуаций. Очень важно здесь вернуться к схеме, данной в предыдущей лекции, и вспомнить, что в зависимости от того, какова форма организации данного социума, в речевом общении в разных сферах жизни и деятельности членов этого социума преобладают (как бы получают "преимущество") определенные типы речевых ситуаций. Скажем, жестко иерархизированный социум как бы "насаждает" иерархию между участниками речевых ситуаций даже в таких "интимных" и "неформальных" сферах, как семья, личная дружба и пр.

Однако преобладающий в социуме тип речевых (риторических) ситуаций оказывает формирующее и структурообразующее влияние на речевой (риторический) идеал как часть культуры этого социума, определяя тип этого идеала, а тем самым — "формулу логосферы" данной культуры. Значит, выделяя важнейшие отношения — специфические параметры риторической ситуации (РС), определяющие ее облик, ее специфику, ее тип, мы можем найти и более существенные признаки риторического идеала (РИ) и построить его типологию. На основе этой типологии мы сможем описывать риторические идеалы разных культур, используя найденные нами существенные признаки и основные типы риторического идеала. Последнее даст нам возможность построить "формулу логосферы" — найти и охарактеризовать особенности ее "структурного каркаса" — риторического (речевого) идеала:

56

важнейшие
отношения
в структуре РС
признаки _ и типы РС
признаки _ и типы РИ
формула логосферы

Каковы же важнейшие отношения в структуре речевой ситуации, определяющие как ее облик, так и характер протекающего в этой ситуации речевого события?

Назовем главные типы этих отношений. Как мы уже сказали, их будет четыре.

Сначала попробуем определить отношения между участниками ситуации речевого общения: как они воспринимают друг друга? На этот вопрос отвечать можно по-разному, и, как нам кажется, для нас важны в основном два следующих пути.

Первый: воспринимают ли партнеры по общению друг друга как некую ценность?

Выделяют ли они друг друга "на фоне" окружающего, или адресат (собеседник) остается для говорящего только одним из "предметов" внешнего мира? Наличие или отсутствие такого внутреннего ценностного отношения между участниками риторической ситуации — первый признак риторического идеала.

Второй путь ответа на этот вопрос: насколько важна для участников речевой ситуации — партнеров по общению — иерархия между ними? Видят ли они друг в друге в первую очередь разных по статусу членов социума, или это отношение иерархии их вообще не волнует, т. е., как говорят лингвисты, оно "нерелевантно" — не значимо, не существенно? Наличие или отсутствие значимости такого иерархического отношения между участниками речевой ситуации — второй признак риторического идеала.

Третье существенное отношение в структуре риторической ситуации может быть определено в результате ответа на вопрос: каким видят участники ситуации процесс и результат общения? Этот вопрос касается уже не только наличных ценностей, не только существующего статуса и иерархии, а целей партнеров.

История риторики и анализ речевого поведения современного человека показывают: одной из наиболее важных и общих характеристик целевых устремлений людей в речевом общении и самого процесса такого общения

57

является степень агональности партнеров. Слово *агональность* (тоже производное от греч. *агон* — борьба) охватывает и агрессивность с ее различными и многообразными проявлениями.

Что составляет ведущую цель общения, каким видится партнерам его результат — победа и самоутверждение в ходе общения-борьбы или гармонизация отношений в "поисках консенсуса"? Вот что нужно определить, чтобы установить третий признак риторического идеала. Аго-нальный риторический идеал противопоставит гармонизирующему.

Четвертое отношение в структуре риторической ситуации касается отношения говорящих к речи и ее предмету.

Из всех возможных типов таких отношений выделим наиболее общее и, соответственно, самое важное для риторической ситуации и риторического идеала: отношение речи к истине, к истинному положению дел, к реальной действительности — онтологии. Здесь возможно либо отношение онтологическое, т. е. основанное на признании ценности истинности речи, "правдивости" ее, либо отношение релятивистское, когда истина и правда вовсе не воспринимаются как непеременные условия полноценной, а тем более хорошей речи; наличие или отсутствие истинностного отношения к предмету речи, т. е. релятивизм или онтологизм — четвертый признак риторического идеала.

Итак, мы назвали четыре основных признака, важных для определения типа речевой ситуации, а таким образом, и речевого (риторического) идеала и формулы логосферы культуры. Каждый из этих четырех признаков как бы распадается на две противоположности. Используя терминологию лингвистики и культурологии, можно назвать эти парные противоположности бинарными оппозициями.

Таких оппозиций у нас четыре, а всего признаков для типологии речевой ситуации и риторического идеала получилось восемь.

Теперь рассмотрим подробнее каждую из четырех оппозиций, содержащих признаки речевого идеала.

58

2. ПЕРВАЯ БИНАРНАЯ ОППОЗИЦИЯ ПРИЗНАКОВ: МОНОЛОГИЧНОСТЬ/ ДИАЛОГИЧНОСТЬ ПО СОДЕРЖАНИЮ

Итак, первое, что можно заметить: представление людей о хорошей речи и правильном речевом поведении связаны с тем, каким *Homo sapiens* — *Homo eloquens* — человек говорящий — видит своего партнера по общению — принципиально таким же, как он сам, — живым, чувствующим, активным и деятельным субъектом или неким сосудом, который нужно наполнить, некоей *tabula rasa* — чистым листом, который надо исписать, неким объектом, которым можно и должно манипулировать.

Традиционно первую разновидность рассматриваемого отношения человека к партнеру по общению — субъект-субъектную, симметричную, — называют отношением диалогическим.

Так в психологии, в педагогике, в лингвистике, в ком-муникологии, вообще в науках гуманитарного круга, которые имеют дело с поведением человека в общении.

Вторую разновидность этого отношения — субъект-объектную — традиционно называют монологической. Это не случайно. В самом деле, нередко бывает именно так, что симметричные субъект-субъектные отношения реализуются в общении в речевых формах диалога, тогда асимметричные субъект-объектные — в формах монологических. В самом деле, если бы, например, Сократ видел в своих учениках (да и противниках) некий пустой сосуд или "приемник информации", вряд ли стали бы вообще возможны его разговоры с ними, вряд ли вообще им был бы открыт диалог как метод познания и общения. Но Сократ сделал это великое открытие: он посмотрел на человека, с которым разговаривал, совершенно иначе, чем это было принято прежде: он увидел в другом себя самого, или увидел себя самого как другого, и превратил этого

другого в собеседника. Так и начался диалог, так возникла подлинная беседа. Новое состояло в том, что Сократ и его окружение смогли осознать этот взгляд на человека, а не просто почувствовать его или использовать в общении.

Софисты же на самом деле не умели беседовать. Они не могли, как говорит Сократ в диалоге "Протагор", "крат-

59

ко задавать вопрос, внимательно выслушивать ответ и на вопросы кратко отвечать, беседуя". Не могли потому, что не считали нужным. Их отношение к собеседнику было таково, что оно требовало от говорящего "долгих речей" — действительно, настоящих монологов. Почему? Да потому, что внутренний мир адресата и сам адресат интересовали софистов прежде всего как пассивный объект манипуляций со стороны оратора, объект воздействия. Однако должно быть совершенно ясным, что монолог и диалог как формы речи могли и могут употребляться при обеих разновидностях отношений партнеров друг к другу. Просто каждая из этих форм речи более характерна для соответствующей именно ей разновидности отношений.

Приведем еще пример. Вспомните, что чаще всего происходит в нашей речевой среде, в современной нам отечественной логосфере, когда люди спорят. Как правило, цель каждого участника спора все же не в том, чтобы выяснить позицию партнера, а прежде всего в том, чтобы "захватить слово" и как можно более полно высказать и доказать свою собственную позицию. Короче, вместо того, чтобы задавать вопросы и отвечать на них (диалог) мы стремимся "произнести речь" — монолог. Это не получается, потому что "монологическое изложение" своей позиции — цель каждого участника, и одновременно реализовать такую цель всем невозможно. Начинается борьба за власть — борьба за право голоса, борьба за свой монолог... Дело нередко доходит чуть не до драки.

Кстати, в кружке московских философов-методологов (Г. Щедровицкий, М. Мамардашвили, А. Зиновьев и др.), который занимался и интересовался близкими проблемами, тот участник общения, который принимал отведенную ему пассивную роль "приемника информации", объекта воспитания или вообще воздействия и манипулирования, получил меткое название "объективный идиот" (см.: *Петербургский А. Философия одного переулочка*. — М., 1992). Впрочем, "объективный идиот" — это и студент, который ждет, что ему "сделают интересно", и преподаватель, который уверен, что его обязанность — "передавать знания", или "информацию", студентам.

60

Итак, первый тип отношений между партнерами в двух его разновидностях — субъект-субъектной, симметричной, или субъект-объектной, асимметричной, назовеммо-нологическим или диалогическим по содержанию, а не по форме: ведь речевые формы монолога и диалога могут появляться в каждой из разновидностей, хотя "по смыслу" теснее связаны с соответствующей, "своей" разновидностью отношений.

I тип

отношений

(симметрия)

S - -S диалогический

S - -O монологический

(по содержанию)

3. ВТОРАЯ БИНАРНАЯ ОППОЗИЦИЯ: МОНОЛОГИЧНОСТЬ/ ДИАЛОГИЧНОСТЬ ПО ФОРМЕ

Второе, что обращает на себя внимание, — это то, что в разных культурах в речевом общении и речевых формах по-разному и в разной степени отражается социальная иерархия участников. В одних культурах речь вообще представляют прежде всего как способ подавления партнера. Эту культурную парадигму выразил Ролан Барт: "Говорить — вовсе не значит вступать в коммуникативный акт, как нередко считают. Это прежде всего значит — подчинять себе собеседника". Сравните это с высказыванием В. Ф. Одоевского: "Говорить есть не иное что, как возбуждать в слушателе его собственное внутреннее слово". Итак, речь как власть и речь как способ достижения власти, установления иерархии — вот главное в той культуре речи и мысли, которую выражает французский лингвист, наш современник.

Однако понимание речи как механизма завоевания и удержания власти вовсе не неизбежно и не исключительно. Есть культуры и есть сообщества, есть также совершенно

определенные сферы речевого общения, например, поэзия в широком смысле этого слова, в которых принят совершенно противоположный по данному признаку речевой идеал — идеал социального равенства в речи.

Речевые идеалы, обладающие такими противоположными признаками отношения к иерархии в общении,

61

назовем монологическими/ диалогическими по форме.

II тип S O

отношений (иерархия) б) S - - S

S--O

монологический

диалогический

(по форме)

Ниже мы поясним еще раз различия отношений первого и второго типа (и их разновидностей) как признаков разных речевых идеалов на примере сопоставления современных проповедей — православной и евангелистской американской, адресованных нашему соотечественнику. Отдельно в этой лекции позже рассмотрим проблему "речи власти" и "речи как власти" — использования речи для создания социальной иерархии.

4. СОПОСТАВЛЕНИЕ РИТОРИЧЕСКИХ ИДЕАЛОВ, ПРОТИВОПОЛОЖНЫХ ПО ПЕРВОЙ И ВТОРОЙ БИНАРНЫМ

ОППОЗИЦИЯМ: РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ

И АМЕРИКАНСКАЯ ЕВАНГЕЛИЧЕСКАЯ ПРОПОВЕДИ,

АДРЕСОВАННЫЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ АУДИТОРИИ

Пример, иллюстрирующий первые два типа отношений, складывающихся между участниками речевой ситуации и характеризующих различные по типу риторические идеалы разных культур, возьмем из области человеческой жизни, которая традиционно поддерживает установившийся в культуре тип речевого идеала, — из сферы гомилетики. Гомилетика (от греч. *homileo* — общаюсь с людьми) — одна из древнейших областей "частных риторик" — риторика проповеди. В отечественной православной традиции речь пастыря — духовного отца и учителя, как и риторический идеал такой речи (старорусский и даже именно древнерусский), сами по себе рассматриваются как особая ценность, как объект внимательного и осознанного охранительного отношения.

62

Однако в отечественной логосфере речевые традиции оказались значительно нарушенными, а традиционный риторический идеал, в частности риторический идеал проповеди, почти утрачен за пределами сферы религиозной жизни. Это значит, что если проповедник, получивший соответствующую его сану общериторическую и специально-риторическую подготовку, знает, как и что он должен говорить, то широкая аудитория, особенно аудитория новообращенных или неверующих, вовсе не представляет себе, как именно должна выглядеть православная проповедь с риторической точки зрения и что можно в этом смысле ожидать от пастыря-говорящего.

После начала "перестройки" в отечественную социальную среду активно проникают инокультурные конфессии. Проповедники этих многообразных конфессий обращаются со своим словом к отечественной аудитории. Что при этом происходит? Как воспринимаются, как "звучат" эти проявления инокультурных риторических идеалов на отечественной почве? Есть ли действительно различия? Насколько они важны?

Попытаемся ответить, используя результаты сравнительно-риторического анализа проповедей (основываясь на материалах работы О. Серебряковой, выполненной под руководством автора в 1994/95 гг.).

Рассмотрим среди других особенностей сопоставляемых риторических идеалов именно отношения I и II типов — признаки монологичности/ диалогичности риторического идеала по содержанию и по форме.

Монологичность/ диалогичность риторического идеала по содержанию.

Риторические идеалы, на основе которых строится проповедь, у православного и евангелического проповедников противопоставлены прежде всего именно по признакам, выражающим первый тип отношений между говорящим и адресатом — отношения симметричные (S—S) и асимметричные (S—O).

Православная проповедь обращена к людям, которых проповедник воспринимает как братьев, членов одной семьи — православного сообщества. Для этого состояния "братства" достаточно одного — принадлежности к русской культуре — культуре традиционно православной. Вопрос о том, действительно ли слушатели веруют, на-

63

сколько в самом деле они религиозны, как бы остается в стороне. Слушатель проповеди, соотечественник воспринимается и принимается оратором как родной, как брат. Этот образ семьи и братства в проповеди соответствует ключевой для православной культуры категории соборности (см., например, в трудах митр. Антония (Храповицкого), в работах Н. Федорова, в которых говорится об опасности "небратских состояний" общества и о путях их преодоления). Общности родины и культуры достаточно здесь для того, чтобы пренебречь прочим. Это общее важнее всех других различий, которые понимаются как второстепенные. Такая позиция риторически проявляется в том, что проповедь обращена к единому адресату (проповедник не "делит" аудиторию на социальные группы и на группы по отношению к вере), в том, что собственные задачи как верующего оратор не отделяет от некоей общей для всех соотечественников-верующих и неверующих — духовной задачи, в том, наконец, какой смысл имеет в его речи категория "мы". В отечественной философии и в православной культуре эта категория особенно важна. "Мы" — это не одинаковые "щепки", "капли", "единицы", но такое "слияние сущностей", которое "не уничтожает их самобытности" (С. А. Аскольдов). Чужая душа — не тождественность собственной душе, но братская ей сущность. Речь православного проповедника демонстрирует то "твердое чувство реальности чужой души, которое характерно для наших (т. е. свойственных русским) отношений с людьми" (В. В. Зеньковский). Все это и означает, что между собеседниками, между говорящим и аудиторией существует симметричное, субъект-субъектное отношение. Именно "твердое чувство реальности" чужой души обуславливает тот тип отношений между оратором и аудиторией, который, анализируя проповедь, О. Серебрякова назвала "наставнически-братскими".

Противоположна в этом смысле проповедь американская, евангелическая. Оратор-проповедник воспринимает аудиторию как совокупность нескольких групп. Первая — верующие давно. Вторая — новообращенные. Третья, подавляющая по числу членов, — "варвары", неверующие. Задача проповедника — обратить их к Хрис-

64

ту. Это задача миссионерская. Как осуществляется эта задача? Оратор видит адресата как некую "пустоту", которую надо заполнить своим собственным содержанием, заменить отсутствующую или наличную ("неправильную") картину мира (в отношении к вере) собственной картиной — "правильной". При этом он совершенно не учитывает, что аудитория представлена носителями хотя и значительно нарушенной, но все же древней культуры. (Помню, как были удивлены американцы-мормоны, обратившиеся ко мне на улице с вопросом о том, верую ли я в Христа, когда мне пришлось ответить, что моя родина приняла христианство в X в. н. э., а Соединенные Штаты возникли заметно позже.) Риторический идеал американских проповедников отражает наследие философского монологизма, который, как говорил М. М. Бахтин, "знает лишь один вид познавательного взаимодействия между сознаниями: научение знающим и обладающим истиной незнающего и ошибающегося". Речь евангелиста строится на том субъект-объектном образце отношений, который применительно к педагогическому общению замечательно описал еще Ян Коменский в "Великой дидактике": "Вас, взрослых, которые только себя считаем людьми, а вас обезьянками, только себя мудрыми, а вас глупыми, только себя красноречивыми, а вас бессловесными, посылают в вашу школу..." Итак, если православный проповедник говорит, чтобы пробудить ответное религиозное чувство, пусть всего лишь дремлющее, но долженствующее проснуться у человека-брата, то американский проповедник — чтобы "заполнить пустоту" в душе адресата "своим" содержанием или чтобы "выкинуть ненужное", а затем заполнить образовавшуюся лакуну.

Если православная проповедь демонстрирует бережное уважение к духовному суверенитету личности слушателя и к его "личностным границам", то евангелическая проповедь — это скорее попытка "нарушить суверенитет", вторгнуться в личностные

границы, завоевать личностное и духовное пространство ("территорию"), как делает это классический миссионер-завоеватель духовных территорий. Поэтому можно сказать, что в этом риторическом идеале господствуют асимметричные отношения

3 Русский Сократ

65

говорящего и адресата — отношения монологические по содержанию, которые О. Серебрякова назвала "наставнически-панибратскими".

Симптоматично, что и американский проповедник постоянно употребляет местоимение *мы*. Какой смысл оно имеет в его речи? Ясно, что этот смысл отличен от того, который вкладывает в слово *мы* проповедник православный. В чем же этот смысл? Исследования риторических стратегий в языке политики показывают, что весьма эффективным риторическим средством для завоевания симпатий масс является "применение так называемых идентификационных формул, т. е. языковых оборотов, которые как бы приглашают слушателей или читателей идентифицировать себя с говорящим (пишущим), с группой, к которой он принадлежит, его партией... особенно полезным в этой практике оказывается употребление местоимений *мы* и *каш* {*Salamun K. Sprache und Poli-tik... — Wien, Munchen, 1981*). Итак здесь *мы* — это прежде всего риторический прием, идентификационная формула.

Мы рассмотрели различия риторических идеалов по признаку монологичности/диалогичности по содержанию и пришли к выводу о том, что проповедь евангелическую, отражающую субъект-объектный образец отношений, можно квалифицировать, как и породивший ее риторический идеал, как монологические по содержанию, а православную проповедь и риторический идеал — как диалогические по содержанию, так как в последней представлен симметричный, субъект-субъектный образец отношений говорящего и адресата.

Монологичность/ диалогичность речи и риторического идеала по форме. Здесь картина не менее интересная. Православный проповедник — носитель божественного слова и закона, поэтому он сам и его речь облечены высшим авторитетом, и этот статус в иерархии, как и сама иерархия — божественная и земная — не подвержены никаким вопросам и никаким сомнениям. Отсюда спокойствие смыслового и внешнего — акустического, интонационного рисунка речи. Иерархия вовсе не противоречит братству "членов единой семьи": ведь и семья в православной традиции — это прежде всего не свобода

66

индивидуального, личного выбора и воли, но иерархический порядок, данный божественным законом и словом. В православной проповеди устанавливается и поддерживается та иерархичность отношений, которая соответствует традиционному образцу. В соответствии с ним авторитет старшего — Бога, духовного отца, родителя, старшего брата, вообще всякого "старшего" явления — неколебим. Отсюда также бережное отношение проповедника к старшим произносительным, акустическим, грамматическим нормам русского языка, включение в речь старославянизмов и церковнославянизмов на всех языковых уровнях. По форме речь (проповедь) представляет собой действительно монолог — слово одного, обращенное к многим, слово духовного отца, обращенное к детям.

Иной образец реализуется в проповеди евангелиста. По форме речь представляет собой нечто близкое к античной диатрибе — диалогу в форме монолога. Она изобилует риторическими приемами и фигурами диалогизации: риторическими обращениями, риторическими вопросами, *sermocinatio* — фигурами введения в текст воображаемых вопросов и ответов аудитории говорящему. Приводятся во множестве примеры из жизни, случаи из собственного жизненного опыта проповедника, шутки (которые русскому слушателю нередко представляются довольно плоскими). Примеры из жизни касаются почти исключительно современности и чаще всего связаны со сферой материальных (денежных) отношений. Вопросы веры доказываются часто на примерах из сферы материального благополучия и успеха. Итак, евангелический проповедник всячески подчеркивает, что он сам такой же "мирской" человек, как и его слушатели, что он "равен" им во всем, кроме несколько большего духовного опыта, который он приобрел. Эта концепция "равенства" свободных индивидов — концепция "демократическая" — находит выражение в риторическом идеале проповеди — "свободной непринужденной беседы с

равными". Наш соотечественник, естественно, воспринимает такую тональность проповеди как "наставнически-панибратскую" (см. выше). Проповедник постоянно ставит вопросы аудитории, и его доказательства — лишь материал для ответов. Окончательный выбор остается за адресатом. (Однако

67

будем помнить, что все используемые средства убеждения предоставляют этот выбор скорее формально, чем по существу: проповедник не слишком верит в умственные и духовные способности своих слушателей, да и не очень интересуется их внутренним миром: ведь он предлагает им свой собственный мир и обосновывает перед ними свой собственный выбор.)

Итак, по форме этот риторический идеал и эту речь можно квалифицировать как диалогические, основанные на концепции равенства, а не иерархии.

5. ТРЕТЬЯ БИНАРНАЯ ОППОЗИЦИЯ: АГОНАЛЬНОСТЬ/ ГАРМОНИЗАЦИЯ. РЕЧЬ КАК СРЕДСТВО ЗАВОЕВАНИЯ И УДЕРЖАНИЯ ВЛАСТИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Рассмотрим теперь третий тип отношений, существенный для описания риторического идеала.

Третье, что также очевидно при анализе риторического материала (как теоретических риторических идей, так и риторической практики), — это то, что было уже описано древними эллинами: речь может быть понята и осуществлена как борьба, причем борьба и победа составляют главную цель общения (вспомните Эриду "злую")- Но речь может пониматься и реализовываться также и как совместное движение к истине, как отношения гармонизации, примирения, поисков консенсуса (Эрида "благая").

"Военную" модель общения назовем агональной, а "мирную" — гармонизирующей.

Противоположные характеристики риторического идеала — агональность или гармонизация — составят третье отношение.

III тип а) борьба и победа атональный
отношений

(цель) б) истина и консенсус гармонизирующий

Проблемы борьбы и агрессии в речи и с помощью речи станут предметом нашего анализа в следующих лекциях. Здесь приведем лишь высказывание философа, отражающее характер русского речевого идеала в обобщенной, мировоззренческой форме.

68

"Н.Ф.Федоров (1828-1903), философ, оказавший значительное влияние на В. Соловьева и Ф. Достоевского, так пишет о сущности современной цивилизации: она, в противоречие традиционным ценностям русской культуры, "пришла к тому, что все, предсказанное как бедствие при начале конца, — под видом революции, оппозиции, полемики, вообще борьбы — стало считаться условием прогресса", она освободила "страшную силу небратства" с его крайним разделением личностей. Жить же нужно "не для себя (эгоизм) и не для всех (альтруизм), а со всеми и для всех".

Характерно, что название цитированной выше работы Н. Ф. Федорова "Вопрос о братстве или родстве и причинах небратского, неродственного, т. е. немирного состояния мира и средствах восстановления родства". Колоссальная разница в понимании смысла жизни и общения в традиционной западноевропейской культуре именно в этом аспекте — телеологическом, целеполагающем — привела к противоположности, противопоставленности русского и западного риторических идеалов. Такая же противоположность обнаруживается между традиционным русским речевым идеалом и речевым идеалом тоталитарных сообществ современности. В чем эти отличия систем общественных идей и как они проявляются в различиях речевых идеалов соответствующих культур, мы увидим в следующих лекциях. В них будет предпринята попытка ответить на вопрос Н. Федорова — в чем причина "немирных" состояний человеческих сообществ — в связи с вопросом о том, как эти "небратские" состояния отражаются в логосфере и риторическом идеале таких сообществ. Мы охарактеризуем речевое поведение лидера и использование речи для установления социальной иерархии путем борьбы и речевой агрессии. В последующих лекциях будет рассмотрен агональный риторический идеал автократических тоталитарных сообществ, его проявления, риторические средства и признаки. Остановимся также на агональной

риторике в политической речи. Ведь политика, если ее понимать так, как мы обозначили это в предыдущей лекции (а именно, как "борьбу за завоевание и удержание власти") — это, безусловно,

69

преимущественно сфера агонального общения, сфера бытования агональных речевых идеалов.

6. ЧЕТВЕРТАЯ БИНАРНАЯ ОППОЗИЦИЯ:
ОНТОЛОГИЧНОСТЬ/РЕЛЯТИВИЗМ. РЕЧЬ ПОЛИТИКИ
И СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ:
ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Наконец, четвертая пара признаков риторического идеала связана с представлением речевого коллектива в целом (а также отдельных социальных групп внутри общества) о том, каково должно быть отношение речи к истине, к онтологии. Здесь возможно противопоставление: ценность истинности речи как признак риторического идеала назовем онтологическим признаком (так у Сократа, Платона, в русской традиции), а противоположный признак — смысловой и нравственный релятивизм — назовем признаком релятивным, релятивистским.

IV тип

отношений

(истинность)

истинность речи как ценность

относительность

ценности истинности

речи

онтологический

релятивистский

Эта пара противоположных признаков риторического идеала будет интересовать нас прежде всего в связи с проблемами языка и речи политики. Политическая речь не просто фиксирует онтологию, сущее — она "представляет" эту онтологию, причем представляет ее в соответствии с целями "завоевания и удержания власти". Как политическая деятельность использует речь и риторику в своих интересах? Как "прочитать" политический текст и как на него реагировать? Где те "сигналы" в политическом дискурсе, которые подскажут риторически образованному человеку, что произведенная политиком "обработка" реальности явно некорректна? Да и где границы "корректности", существуют ли они вообще? Каковы особенности политической терминологии — те особенности,

70

которые и делают возможной политическую речевую борьбу? На эти и связанные с этими вопросы мы также будем отвечать в последующих лекциях.

7. ВЫВОДЫ

Итак, комбинация рассмотренных четырех пар признаков РИ в общих чертах может определить контуры речевого (риторического) идеала, а таким образом может помочь вывести "формулу логосферы".

Так, речевой идеал Сократа (Платона) предстает как диалогический по содержанию, диалогический по форме, гармонизирующий, онтологический (истинностный). Речевой идеал софистов как монологический по содержанию, скорее монологический, чем диалогический по форме (вспомните, как Сократ в диалоге "Горгий" пытался добиться от софиста Горгия, чтобы тот беседовал с ним, а не произносил одну за другой речи), агональный, релятивистский.

III. РИТОРИКА И ВЛАСТЬ

Лекция 6. ВЛАСТЬ КАК "ПРАВО НА РЕЧЬ"

1. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ. ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ И ПОНЯТИЯ

В 70-е — 90-е гг. XX в. ученых-гуманитариев привлекает проблема связи и взаимодействия объектов их научных исследований — языка, речи, художественного творчества — и власти, социальной иерархии. Какую роль играют язык, речь, произведения искусства и литературы в постоянной борьбе людей за власть и влияние, в той борьбе, в которую включены от рождения до смерти и отдельные индивиды как

личности, и целые общества? И обратно, как отражается эта борьба между людьми на особенностях языка, которым они пользуются, на специфике речи, которую они превращают в оружие, на текстах философии и искусства, которые тоже не остаются в стороне от борьбы?

Возможно, эта проблема приобрела в конце нашего века и особенно ближе к рубежу столетий такую актуальность потому, что формы этой борьбы заметно обострились и к тому же приобрели поистине вселенские масштабы.

В блестящем философском романе английского писателя Малькольма Брэдбери "Профессор Криминале" —

72

романе, посвященном культуре современной Европы — недаром темой воображаемой конференции, в которой участвуют интеллектуальные светила со всего мира, взята именно проблема "Литература и власть" (Иностранная литература. — 1995. — № 1). Интересно, что в 70-е гг. нашего столетия Ролан Барт утверждал, что все языки логосферы могут быть разделены на две группы: энкра-тические (язык массовой культуры и повседневного быта, язык, где царствует Риторика с ее преимущественным вниманием к мнению, доксе (греч.), т. е. языки, обслуживающие идеологию, в ущерб истине, онтологии) и акратические — языки, безразличные к власти, устремленные к истине (языки философии и искусства). Спустя двадцать лет такое утверждение нельзя не считать спорным. Впрочем, еще в 1936 г. лингвист-философ Чарльз Моррис писал: "От колыбели до могилы, от пробуждения до засыпания современный индивид подвержен воздействию сплошного "заградительного огня" знаков, с помощью которого другие лица стараются добиться своих целей... Ему внушается, во что он должен верить, что должен одобрять или порицать, что должен делать или не делать..."

Вполне естественно, что в курсе сравнительно-исторической риторики необходимо обратиться к проблеме отношения речи и власти, тем более что именно эта дисциплина предоставляет для анализа названной проблемы особые возможности, так как сравнительно-историческая риторика рассматривает структуру риторического идеала и логосферы культуры не саму по себе, а в связи со структурой социума, человеческого сообщества. Точно так же понятно, что Ролан Барт, одним из первых поднявший и поставивший проблему языка (речи) и власти, при постановке этой проблемы обратился именно к риторике: "Чем же обусловлена эта боевая сила, воля к господству, присущая дискурсивной системе (речевой системе)?.. Со времен расцвета Риторике, которая ныне совершенно чужда духу нашего языка, — пишет Барт, имея в виду риторику классическую, но при этом закладывая основы риторики современной, — оружие, применяемое в языковых боях, еще ни разу не освещалось прикладным анализом. Нам как следует не известны ни физика, ни

73

диалектика, ни стратегия нашей логосферы (назовем ее так) — при том что каждый из нас ежедневно подвергается тем или иным видам языкового террора".

Как видим, лингвист-философ признает, что именно риторика некогда занималась "прикладным анализом" логосферы и "оружия речевого боя". Современная риторика вновь возвращает себе свой предмет, но на новом уровне и в новых условиях, имея дело с логосферами и речевыми системами сильно изменившегося мира.

Барт в упомянутой работе выделяет три "типа дискурсивного (речевого) оружия". Назовем их по работе Р. Барта и будем учитывать, что рассматривать именно эти типы "речевого оружия" целесообразно при анализе и описании риторики власти. Вот эти типы:

1) Речь, служащая целям завоевания власти ("сильная дискурсивная система") — это не просто речь, но некое "представление", демонстрация (show, "мимодрама"), которая использует специальные традиционные "аргументы, приемы защиты и нападения, устойчивые формулы", "которые субъект может наполнить своей энергией истерического наслаждения". (Последнее будет особенно актуально ниже, при рассмотрении речевого поведения Гитлера и вообще риторики фашизма.) Итак, первый "тип оружия" — превращение речи в демонстрацию силы (власти) с использованием специальных риторических приемов. (Об агональных демонстрациях в поведении животных и человека см., например: Лоренц К. Агрессия. — М., 1994.) В терминологии нашего курса этот тип речевой системы можно описать как агональный, имеющий целью борьбу и победу. Итак,

агон, борьба — первый принцип социальных и речевых структур власти, первый принцип структурирования и социо-, и логосферы автократических систем. Эта борьба не только происходит в социуме и в речи, но и специально демонстрируется и в том, и в другой с помощью особых специфических приемов (социальных действий и речевых, риторических форм и фигур). Первый тип речевого оружия, по Барту, — речь — демонстрация борьбы (агональная демонстрация).

2) Монологическое по содержанию устройство речи и речевого идеала. У Барта это выглядит так: наличие в речи специальных риторических фигур, которые "включают

74
другого в свой дискурс в качестве простого объекта, чтобы тем вернее исключить его из сообщества говорящих на сильном языке". Итак, второй тип превращения речи в оружие власти — стратегия "вычеркивания", исключения более "слабого" участника речевой ситуации (или целого слоя индивидов социума) из "диалога сильных". Это стратегия "лишения слова", или стратегия превращения личности или социальной группы в пассивный объект манипулирования со стороны субъекта речи и власти. Барт называет используемые для этих целей специальные риторические средства "фигурами системности", поскольку они предназначены для создания "замкнутой" речевой среды, речевой системы, речевой ситуации, откуда изгоняются все "слабые": право на речь имеет сильный, он же ограничивает в этом праве других, подчиняя их себе. Последние вынужденно замолкают и "открывают рот" только с разрешения доминанта. В общем смысле, это стратегия превращения диалога в монолог. Принцип замкнутости системы, присущий отношениям власти, если система строится именно на них, проявляется в тенденции замкнуть не только границы страны, границы властвующей социальной группы, границы дискурса (смысловое движение речи в монологе), но и границы речевой ситуации, вытеснив из перечисленных выше для примера систем все элементы, кроме доминанта. Сравните: в пределе (в результате борьбы) остается всегда только одна в мире и даже во вселенной "страна" (а если не удастся победить все прочие, то от них нужно отгородиться "железным занавесом", "закрыть границы" — обратите внимание на эти устойчивые, фра-зеологизированные обороты речи: они отнюдь не случай-Нbj!), только один "избранный" народ, лишь один лидер, только одно правительство, лишь одна правящая группировка, и, наконец, в речевой ситуации — только один говорящий, который настолько "сильнее" собеседников, что уже вовсе в них не нуждается. Такова философия и лингвистическая философия власти как принципа бытия. Принцип отказа от властных отношений, напротив, ведет к размыканию границ и открытости всех перечисленных выше систем.

3) Уверенность, решительность, категоричность в ре-

75
чевом поведении. В риторике власти эти поведенческие черты проявляются даже в особенностях построения фразы, о чем и говорит Р. Барт: "...Возникает вопрос, не является ли уже сама фраза, как практически замкнутая синтаксическая структура, боевым оружием, средством устрашения: во всякой законченной фразе, в ее утвердительной структуре есть нечто угрожающе императивное. Растерянность субъекта, боязливо повинующегося хозяевам языка, всегда проявляется в неполных, слабо очерченных и неясных по сути фразах. Действительно, в своей повседневной, по видимости свободной жизни мы ведь не говорим целыми фразами, а с другой стороны, владение фразой уже недалеко отстоит от власти: быть сильным — значит прежде всего договаривать до конца свои фразы. Даже в грамматике фраза описывается в понятиях власти, иерархии: подлежащее, придаточное, дополнение, управление и т. д." Барт напрасно выделяет риторiku фразы — риторически значимые принципы ее построения — в отдельную позицию, в некий "третий тип" речевого оружия. Замкнутость фразы — проявление все того же принципа замкнутости всех систем человеческого социума, если в последнем ведущим, структурообразующим принципом выступает власть, иерархия (см. выше, пункт 2). Однако и в самом деле существует третий тип "речевого оружия", третий принцип устройства речи и структурирования логосферы. Но этот принцип — не замкнутость структуры, о которой мы уже говорили выше. Этот принцип проявляется в том, как человек (или целый социум), ищущий власти или уже имеющий ее, определяет свое отношение к истине. Ключевое слово в определении

"третьего типа оружия" у Барта — не замкнутость, а утвердительная структура фразы, т. е. категоричность высказывания. Категоричность же есть покушение на истину: она предполагает уверенность в том, что истиной можно завладеть так же, как вещью, что ею можно обладать. "Право на речь" подразумевает и непременно влечет за собой борьбу за право обладания истиной в последней инстанции, за исключительность обладания истиной. Истина, как и собеседник (партнер по речевой ситуации) предстает в речи власти как объект (в данном случае объ-

76

ект захвата, обладания). Вспомните в связи с этим: в любом автократическом сообществе лидер или правящая группа всегда претендуют на обладание "истиной в последней инстанции". Показывается (именно в речи и речью, ее устройством), что нет и не может быть ничего неясного, сложного, разнообразного. Всякое различие мнений представляется как бинарная оппозиция правильного и неправильного, истинного и ложного: нет разных мнений, есть верное ("свое") и неверное ("чужое"). Это и понятно: если принципом жизни и деятельности является борьба, то необходимо то, с чем можно бороться, нужен объект борьбы — другое мнение, которое представляется как противоположное, отчужденное (чужое), неправильное. Или нужен другой человек (группа людей), которые представляются как враг, противник. Итак, и люди, и мнения делятся на два лагеря — свои и чужие, друзья и враги, но принцип власти все равно с неизбежностью приводит к "уменьшению численности" "своих" вплоть до замыкания на одной фигуре — фигуре лидера — и на одном мнении — единственно истинном. Итак, третий тип "речевого оружия" связан с присвоением истины в речи: речь делается демонстрацией обладания не только другим человеком, но и истиной.

2. СОЦИАЛЬНАЯ И РЕЧЕВАЯ РОЛЬ

Гекуба в трагедии Еврипида "Гекуба" обращается к Одиссею с такими словами:

Из уст безвластных и вельможных уст
Одна и та же речь звучит различно.

На первый взгляд, верно. Однако можно задать вопрос, который во второй половине XX столетия особенно интересует специалистов в области лингвопрагматики и неориторики: а одна ли это речь? Или все же то, что исходит "из уст безвластных" и "из вельможных уст", не только "звучит" различно?

Можно предполагать и можно даже доказать, что риторический идеал, монологический по форме, т. е. отра-

77

жающий важность иерархии в социальном статусе участников общения (см. предыдущую лекцию), такой риторический идеал, который и складывается чаще всего в жестко иерархизированных сообществах, фиксирует заметные и значительные различия в речи и речевом поведении "вельможных" и "безвластных" членов социума. По старинной театральной поговорке, короля играет не только сам король — короля играет окружение. Отметим: ведущую "роль" в этой всеобщей "игре власти" играет именно РЕЧЬ.

Эти отношения описываются в социолингвистике с помощью понятий "социальная позиция", "социальная роль", "речевая роль".

Социальная позиция — это как бы социальная функция, возможное "место" в социальной системе: ученый, солдат, президент, школьник, врач, клиент, муж...

Социальная роль — конкретная реализация этой функции, "способ занятия места" в социуме, осуществление позиции: так, можно играть социальную роль талантливого, но ленивого или старательного и "методичного" студента, студента, увлеченного наукой или "отбывающего повинность", преподавателя-педагога или преподавателя-ученого и пр.

Социальная роль предполагает определенные типизированные формы речевого поведения — исполнение речевой роли.

Итак, мы считаем, что степень жесткости иерархической организации социума накладывает отпечаток и на речевые роли: чем сильнее выражена асимметрия социальной структуры, тем более отчетливо различными будут речевые роли для разных по статусу социальных позиций. Вспомним пример из предшествующего изложения: социальная позиция продавца в Британии "до Битлзов" предполагала речевую роль, выразившую прежде всего подчиненность в иерархии "продавец-покупатель", а "после Битлзов" — речевую роль, выражающую прежде всего дружелюбие, а значит, равенство партнеров в стандартной речевой ситуации.

Если человек не владеет речевой ролью, которая предусмотрена для его социальной позиции сложившимся в культуре речевым идеалом, неминуемы проблемы, а
78

иногда и трагедии. Возьмем пример из отечественной истории. "Существует такое понятие: царский характер, — пишет Эдуард Радзинский в книге "Господи... спаси и умири Россию. Николай II: жизнь и смерть" (М., 1993). — Это сумма качеств, которая должна производить впечатление мощной воли. У Николая этого не было... Его трагедия: будучи упрямым, он не умел сказать четкое "нет" в лицо просителю. Он был слишком деликатен и хорошо воспитан для грубой определенности. Вместо отказа он предпочитал промолчать. И, как правило, проситель принимал молчание за согласие". Речевая роль монарха в России подразумевала выполнение не только этикетных, формальных правил речевого общения, устанавливающих жесткую иерархию "доминант — подчиненный". Этикет, безусловно, соблюдался. Не хватало другого — не регулируемых речевым этикетом, более глубоких, содержательных, а не формальных признаков речевого поведения иерарха, тех признаков, которых требовал речевой идеал культуры. Это спокойная определенность, категоричность, жесткая авторитарность речи: царь должен повелевать, подданный — подчиняться. В такой определенности, вопреки мнению Э. Радзинского, нет ничего "грубого": "хорошее воспитание" царя было на самом деле "плохим воспитанием", так как, вероятно, сформировало его речевое поведение в рамках инокультурного речевого идеала, по-видимому, более "демократичного" — "диалогического по форме".

Приведенный пример интересен также тем, что он выявляет общие признаки, характерные для речевого поведения "лидера вообще": в любой культуре доминирующий статус человека в той или иной степени выражается в его речи и речевом поведении именно совокупностью названных выше черт: определенностью смысла речи, отсутствием недосказанностей, колебаний, завершенностью и категоричностью высказываний, четкостью их смысловой и синтаксической структур. Различия здесь касаются, однако, степени выраженности этих черт в речи лидера по сравнению с речью "нижестоящих".

79

3. РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ КАК СИСТЕМА СРЕДСТВ МАНИФЕСТАЦИИ И ПОДДЕРЖАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИЕРАРХИИ

Социальная структура сообщества до некоторой степени, как мы уже сказали выше, фиксируется в речевом поведении с помощью речевого этикета. Однако мы также заметили, что этикет касается только внешних, поверхностных уровней и форм речи и речевого поведения, предоставляя в распоряжение носителей речевой культуры — обитателей логосферы — устойчивые речевые формулы. Эти формулы делают возможным поддержание существующей социальной иерархии и сглаживание возможных конфликтов. "Отношение этикета — это поддержание неантагонистических контактов" (Формановская Н. И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. — М., 1987. — С. 8).

Этикет — не система средств борьбы за власть в речи, не оружие, а, напротив, система средств социально-речевого "успокоения" и "примирения", система сохранения status quo социальной иерархии. Этикет — это система ритуальных и ритуализированных действий, направленных на избежание конфликта и вообще борьбы, на демонстрацию доброжелательности.

Примеры отражения социального неравенства, иерархии в этикетных формулах: в русском языке это прежде всего наличие формул *ты/Вы*. В первую очередь именно социальная роль и социальный статус собеседника относительно собственных признаков говорящего определяют выбор нужной формы. Ср.: *быть на ты* и *быть на вы* с кем-либо. Очень важно, что изменение речевого идеала в ходе истории русской культуры ясно демонстрируется изменениями употребления форм *ты/Вы* в общении. Н. И. Формановская пишет: "Если в XIX в. со стороны детей нормативным было обращение к родителям на *Вы* (ср. хотя бы в "Войне и мире" у Л. Н. Толстого общение Наташи Ростовской с матерью), то в наше время оно изредка встречается в деревне... Муж и жена в русском социуме в норме также общаются на *ты*, что типично не для всех стран, ср. в японской семье: жена мужу должна говорить *Вы*, а он ей — *ты*". Налицо изменение

этикетных

80

норм употребления "формул социальной иерархии" в соответствии с общими изменениями риторического идеала культуры в сторону "демократизации", симметризации отношений партнеров по общению в отечественной культуре — и отсутствие таковых в культуре современной Японии.

После революции 1917 г. наблюдается быстрое изменение речевого этикета, зафиксировавшее новые формы социальной организации. Вот как пишет об этом Н. И. Формановская: "Смена социальных отношений, переход к бесклассовому обществу ознаменовался сменой обращений в этой зоне речевого этикета, исчезновением тех устойчивых формул общения, которые были знаками самоуничужения относительно адресата. Например, официальные письма А. С. Пушкин подписывал так: "С глубочайшим почтением и совершенной преданностью честь имею быть, милостивый государь, Вашего сиятельства покорнейший слуга Александр Пушкин"... В эпоху революции чрезвычайно активизировалось обращение *товарищ*. Л. В. Успенский так писал о явно ощущаемом социальном смысле этого обращения: "В первые же солнечные февральские дни 1917 г. на подтаявшем снегу петроградских улиц каждый из нас уверенно обращался со словом "товарищ" к солдату с кокардой, обмотанной красным кумачом, к своему брату-студенту или гимназисту, гордо несущему красную наруканную повязку. Но никому из нас не приходило в голову назвать товарищем растерянного, хотя и сохраняющего внешнюю солидность средних лет профессора или бородатого, тяжело отдувающегося купца. Дифференциация эта не нуждалась ни в каких указаниях свыше. Она созрела и проросла, как только возникли благоприятные условия, в недрах революционно настроенной части общества..."

Заметим, что вышедшие из употребления на десятилетия формы *Милостивый государь*, *Господин*, *Сударь*, *Барышня* снова начали возвращаться, "как только для этого созрели благоприятные условия" — признанная публично социальная иерархия, расслоение социума.

Кроме специальных речевых формул, этикет предусматривает и иные средства закрепления и выражения социальной иерархии в речи. Это прежде всего регуляция

81

обладания "правом на речь" в речевом общении. Так, старший по статусу практически в любой культуре имеет "первоочередное" право на речь: он говорит первым и может по своему усмотрению распоряжаться правом на речь — передать его другому или "оставить при себе": "власть — это право на речь"! Наиболее яркий пример — запрет говорить первым в общении с коронованными или вообще высокопоставленными особами: это они могут задать вопрос, начать и завершить беседу, выбрать тему беседы, перебить собеседника и пр. Прочим это не дозволяется. Примерно то же происходит в той или иной степени и при общении, например, начальника с подчиненным, мужа и жены в ряде культур, старшего и младшего, если они недостаточно знакомы, и т. п. — т. е. в ситуациях, асимметричных в социальном отношении.

Итак, речевой этикет — социально одобренная, "договорная", или "конвенциональная", система средств избежания конфликтов с помощью закрепления иерархии социальных позиций в речи. Однако, как мы уже заметили, не только этикет регулирует проявления иерархии в речевом поведении. Социальный статус выражается в более глубоких "слоях" речевого поведения, чем выбор этикетных форм и формул. В каких же?

Лекция 7 РИТОРИКА МАНИФЕСТАЦИИ ВЛАСТИ

1. "РИТОРИКА ИСКЛЮЧЕНИЯ": "ВЫЧЕРКИВАНИЕ" ИЗ СОЦИАЛЬНОГО ТЕКСТА И КОНТЕКСТА

Для ответа на вопрос, поставленный выше, рассмотрим сначала риторические средства, предназначенные для "исключения" слабого — нижестоящего по иерархической лестнице — из "поля зрения" языка и речи, для "вычеркивания" слабейшего из социального и речевого контекста (см. "второй тип речевого оружия" по Барту).

Первый тип такого "вычеркивания" — "неуцомина-

82

ние", как бы "забывание" подчиненной социальной группы в системе средств языка и в стратегиях речи (дискурса).

Для примера возьмем способы проявления в речи и в языке иерархии таких обширных

социальных групп, как женщины и мужчины. Примеры возьмем из феминистского издания, так как именно в русле феминизма на Западе обратили внимание на то, что неравноправие полов зафиксировано в словесной культуре. Популярная книга, изданная в Канаде в 1992 г., так и называется: "Words that count women out", причем слово "out" в названии перечеркнуто и заменено на слово "in": получается — "Слова, которые исключают (включают) женщин". Как же *сексизм, мужской шовинизм* — отношение к женщинам как к второстепенным существам — проявляется в речи?

Книга начинается с примера — анализа первых строк государственного гимна Канады. Вот они:

O Canada, our home and native land True patriot love in all thy sons command... (О Канада, наш дом и отчий край

Во всех твоих сынах рождают подлинную патриотическую любовь...)

Вообразите двух детей, — предлагают авторы книги, — мальчика и девочку, поющих гимн. Подумайте, какие образы рождаются в их сознании. Мальчик видит бесчисленные ряды самцов, таких же, как он сам, и все они стоят на страже родины. Он во всей полноте ощущает патриотический подъем, ведь он — подлинный сын своей страны. Девочке повезло меньше. Поскольку национальная святыня просто не упоминает ни о каких дочерях, юная канадка не может не задаться вопросом: а относится ли все это к ней? Может быть, только мужчины могут быть патриотами? Далее авторы отмечают, что множество слов и выражений, устойчивых оборотов и форм общения в английском языке точно так же исключают женщин из поля внимания и социального контекста. Таковы, например: *Weatherman* — радиокomentатор, читающий сводки погоды, *Frenchman* — слово, говорящее о том, что

83

все жители Франции мужчины, *Mankind* — слово, подразумевающее, что все люди — мужчины... Посмотрите также на таблички в зоопарке, — советуют авторы, — и вы увидите, что все звери, от льва до броненосца, названы там "он": как не предположить, что любой вид животных представлен только самцами?

Сравните английское заимствование в русский язык — *бизнесмен*. Феминистское движение и практика бизнеса на Западе привели к тому, что появилось слово *businesswoman*, аналога которому у нас нет (есть, правда, оборот *деловая женщина*). Кстати, в русском языке и вообще логосфере средства "поставить женщину ниже" не так обильны, и ситуация поэтому заметно "мягче": у нас есть слово *человечество*, но нет синонима, аналогичного *mankind*, слова-именования наций и национальностей не содержат, как в английском, корня *муж* — *man*. В Гимне СССР нет никаких признаков "сексизма" — текст абсолютно "бесполой". Устойчивым стал оборот *отчизны лучшие сыны*, но есть и аналог — *сыны и дочери отчизны*. Равноправие женщин, провозглашенное как один из лозунгов революции 1917 г., привело к тому искоренению сексизма в речи, за которое до сих пор ратуют феминистки Запада. Впрочем, и сам русский язык сделал это возможным. Слово *человек* в русском языке употребляется и в значении *Man*, и в значении *Human*. Оба английских слова содержат проклятый феминистками корень *man*, аналогичный *муж*. Отечественные феминистки от этих трудностей избавлены.

2. "СИЛОВОЕ ПОДАВЛЕНИЕ" И РЕЧЕВАЯ АГРЕССИЯ

Лишение слова и в общем смысле — права на речь — может происходить и с помощью "силовых приемов", множество которых функционирует в социальном дискурсе.

Говоря о том, что русский язык, в частности, современный русский язык, значительно более "толерантен" к женщине, чем, скажем английский (см. выше), и что в принятой у нас речевой системе как бы больше "половой демократии", мы забыли упомянуть о следующем.

II

84

У нас, тем не менее, достаточно речевых и риторических проявлений неравноценности женщин в социальной иерархии, только стратегия "вычеркивания" женщин из социального дискурса имеет другие проявления.

Главный из них — это "лишение слова" с помощью "силовых" методов, в первую очередь — подавление всего специфически женского в речевом поведении. У женщин в нашей стране нет "своей" риторической манеры. Женщина, занявшая некую социально престижную, властную позицию, как бы вынуждена "брать взаймы" мужской речевой (риторический) стиль. Всякое проявление женственности в речи — мягкость, уклончивость, отказ от "силовых приемов" — воспринимается как нарушение речевой роли лидера, которой, как мы уже заметили, присущи прямо противоположные черты — жесткость, определенность, выраженность структуры, законченность и даже замкнутость фразы, ее категоричность. Отступления от этих черт квалифицируются окружением как речевое поведение, не соответствующее статусу лидера, и потому в женской речи и "женской риторике" быстро исчезают. В современной отечественной логосфере-ре это "заимствование властной женщиной" речевого поведения лидера-мужчины проявляется значительно более ярко и заметно, чем в сообществах с традиционной, не "нарушенной" логосферой.

Рассмотрим примеры "силового" лишения женщин собственного голоса в диалоге жизни. Речь Маргарет Тэтчер — жесткого политика с "жесткой" речью — показалась бы в сравнении с речью российского политического деятеля Сажи Умалатовой нежной соловьиной трелью. В логосфере современной Англии за женщиной-политиком признается право в своей речи быть хотя бы слегка похожей на особь женского пола. Нередки и примеры прямого "речевого насилия" со стороны мужчин. Вспомним, что в ходе первого же телеинтервью с Тэтчер в России в первые годы перестройки она стала объектом "речевого насилия" со стороны ведущего интервью журналиста, что обсуждалось впоследствии в прессе. А реплика председателя Верховного Совета РСФСР Р. Хасбулатова, назвавшего Тэтчер на заседании парламента *бабешкой*, тоже надолго не изгладится из памяти.

85

Итак, стратегия "вычеркивания" из языка, речи, социальной жизни как проявление власти, доминирующего положения в иерархии весьма актуальна и на "женском" примере очевидна. "Молчи, женщина" — клише из современной русской разговорной речи, заимствованное из восточных логосфер, — вот выражение этой стратегии. Последняя требует на почве отечественной риторической культуры многообразных риторико-поведенческих исследований, которые еще и не начинались.

Легко заметить, что не только доминирующее, "властное" положение именно мужчин по сравнению именно с женщинами поддерживается с помощью стратегии "вычеркивания" слабейшего из социального текста, с помощью "лишения его слова". Та же стратегия — стратегия "вычеркивания" из общественного диалога — наблюдается и при лишении прав на речь народных масс или ограничения их в этом праве в тоталитарном государстве. Это обнаруживается при анализе, например, текста речи А. И. Солженицына в Государственной Думе после его приезда в Россию (ноябрь 1994).

Один из основных мотивов этой речи следующий: "Разберись, писатель!" С таким призывом, как говорит оратор, обращаются к нему бесправные массы российского народа, лишены самостоятельного слова и права на речь. Право голоса у них есть, но права на речь — права и возможности участвовать в политическом и вообще социальном, общественном дискурсе — нет. Они, как утверждает писатель, "выключены" (слово Солженицына) не только из социальной — государственной и правовой — жизни, но и лишены возможности участвовать в дискурсе политики и власти. Отсюда их обращение к писателю, представляющему в цитируемой думской речи в образе традиционного "народного заступника" (ср. у Некрасова: "Ему судьба готовила Путь славный, имя громкое Народного заступника, Чахотку и Сибирь"): "Скажите в Думе, скажите президенту..." Народ безвластный, а потому — народ безгласный передает свое, "нереализованное", отнятое у него право на речь — кому же? Да как испокон веков в России — писателю!

Как же происходит лишение слабейших социальных групп права на речь в дискурсе власти? Некоторые спо-

86

собы мы уже видели. Это стратегия "вычеркивания" из социального текста и контекста. Как мы заметили, такое "вычеркивание" может происходить несколькими путями: 1) "забыванием упомянуть" слабейшую социальную группу, что проявляется как в языке, так

и в речи (см. выше пример из области феминистской борьбы за переделывание современного английского языка), а также 2) с помощью силового "лишения слова" слабейшего в конкретных речевых ситуациях (от перебивания в споре, до тех пор, пока слабейший не умолкнет, до общественного осуждения, включая иронию и агрессивные речевые акты — сарказм, прямую издевку в средствах массовой информации и в тиражируемых ими высказываниях лидеров). Вспомним, к примеру, реплику депутата из Казахстана на одном из первых съездов Советов после перестройки ("Я, как женщина, заявляю...") и напомним, что эта реплика стала объектом массового осмеяния не только на том заседании, где была произнесена, но и впоследствии в течение нескольких лет служила поводом для насмешек и намеков в прессе и других средствах массовой информации.

3. СОЦИАЛЬНОЕ РАССЛОЕНИЕ ЯЗЫКА И ДИСКУРСА

Однако есть и третья система лингвистических средств, с помощью которой слабейший в социальной структуре, подавляемый властными субъектами, "теряет слово", "теряет речь". О ней нельзя не упомянуть, так как, хотя эта система рассматривается всегда в сфере социолингвистики, в ее структуре есть и отчетливые риторические компоненты. Эта третья система социального подавления есть социальное расслоение языков и дискурсов. Логосфера общества перестает быть однородной, как, например, лого-сфера так называемых "простых" обществ — таковы в современном мире логосферы племен, населяющих Океанию, Австралию, логосферы племен Африки, индейцев Южной и Северной Америки и пр. "Простое" общество при племенной организации имеет простую, нерасчлененную логосферу: существует единый язык и дискурс, ко-

87

торым в равной мере пользуются все члены сообщества, равно доступный для всех. Впрочем, и племенные языки обнаруживают тенденцию к расслоению и обособлению тайных языков "для посвященных" — это всегда связано с расслоением социума. Язык дробится на варианты — варианты социальные.

Особенно очевидно это расслоение языков в современных "сложных" сообществах. Такова языковая ситуация в современных западных странах. Так, в США лингвисты говорят о существовании особого языка и дискурса "образованного белого среднего и высшего класса" в отличие от языка и дискурса черного населения, менее образованных слоев общества. Политический дискурс — дискурс власти, дискурс культуры, науки, искусства, образования — использует только один из вариантов общенационального языка — вариант, признанный в данной логосфере престижным. Этот вариант языка и дискурса усваивается в полной мере только на тех уровнях образования, которые доступны исключительно слоям общества, обладающим реальной властью, денежной и политической. Другие слои общества как бы отстраняются от этого социально престижного варианта языка, не овладевают социально престижной дискурсивной системой ("сильной дискурсивной системой", по Барту). Отсюда реальная возможность "вычеркнуть" социально низшие слои общества из "общественного диалога".

Чем же отличаются эти социальные варианты языка? Различия охватывают все уровни дискурсивной структуры — от произношения до уровня речемыслительной структуры. Приведем примеры. Произносительные различия речи выпускников университетов Оксфорда, Кембриджа, некоторых наиболее престижных частных школ и колледжей в Англии (Винчестер и др.) и, например, носителя лондонского городского просторечия кокни таковы, что человек, изучавший английский в России, с трудом поймет, особенно в первые недели общения, что говорит носитель кокни. Это столь же трудно, как и научиться легко понимать носителя шотландского варианта современного английского языка — жителя деревушки в Шотландии, фермера. Но вовсе не только

88

произношение, но и словарь (лексико-фразеологический уровень), и построение фразы (синтаксический уровень), и риторический уровень — уровень дискурса — сильно различаются. Пример различий дискурсивного уровня мы уже приводили в одной из предыдущих лекций, говоря о различиях логической структуры повествования в речи школьников — носителей "черной" негритянской культуры и белого образованного

населения США. К этим риторическим, дискурсивным различиям престижного и непрестижных вариантов относятся и выбор темы для обсуждения, и характер ее мыслительно-словесной (риторической) разработки, и особенности речевого поведения (например, то, какая модель риторического идеала принята — диалогическая или монологическая, агональная или гармонирующая, онтологическая или релятивистская, а также степень эмоциональности речи, близость к собеседнику или аудитории в пространстве, характер взаимодействия с аудиторией или собеседником, жесты, мимика и пр.).

Обобщим то, что мы сказали о расслоении логосферы как способе предоставить властным социальным группам особый язык, исключаящий из социально значимого дискурса слабейших, обратившись к работе этнолингвиста Фредерика Эриксона (Frederick Erikson, Michigan State University: "Rhetoric, Anecdote and Rhapsody: Coherence strategies in a Conversation among Black American adolescents"//Coherence in spoken and written discourse. Vol. XII. Ed. by D. Tannen. New Jersey, 1984).

Он пишет: "Речевая манера (style in the ways of speaking)... служит маркером социального статуса (status identifier), точно так же, как стиль одежды, выбор марки

| автомобиля и другие аспекты социального представления себя, социальной презентации (self-presentation).

Особенно важно это различие риторических стилей в сложных социумах, где необходимо идентифицировать новых

знакомых как потенциальных союзников или противни-

ков". И далее: "По оси престижа (along the prestige continuum) выявляется иерархия ценности речевых стилей. Престижные стили говорения и слушания рассматриваются как наиболее убедительные и достойные доверия...

89

Стили дискурса, свойственные низшим классам и этническим меньшинствам, т. е. те стратегии, которые используются в дискурсе представителями этих групп в целях убеждения, не обладают достаточной убедительной силой в речевых ситуациях", где традиционно в данном социуме употребляется престижный вариант языка.

Такие варианты общенационального языка называются социальными диалектами. Как мы заметили, произношение — вовсе не единственный уровень языка, который участвует в этом расслоении — социальном и лингвистическом. Просто произносительные различия наиболее очевидны для неспециалиста и доступны наблюдению любого носителя языка.

Итак, язык и речь, разделяясь на социальные варианты, предоставляют своим носителям богатые возможности для социальной консолидации, социального разделения и властной дискриминации. Приведем еще пример. К. Лоренц в книге "Агрессия" называет социальное расслоение народа, возникающее на культурно-языковой почве, "образованием культурных псевдовидов".

"Наименьший культурный псевдовид, который я могу себе представить — пишет он, — это содружество бывших учеников какой-нибудь школы, имеющей сложившиеся традиции, просто поразительно, как такая группа людей сохраняет свой характер псевдовидов в течение долгих и долгих лет... Когда я встречаю человека с "аристократическим" носовым проносом, — ученика бывшей Шотландской гимназии, — я невольно чувствую тягу к нему, я склонен ему доверять и веду себя с ним заметно любезней, чем с совершенно посторонним человеком".

Заметим в заключение этого обсуждения, что для современной русской логосферы образование социальных диалектов, расслоение языка и иерархизация социальных диалектов "по оси власти" не столь существенны, как, скажем, для логосфер современного Запада. Это было совершенно иначе на протяжении прошлого столетия, когда в качестве "социально престижного" языка использовался также и неродной язык — французский. Он и служил важным средством исключения

90

низших общественных слоев из дискурса власти, "вычеркивания" их из областей социально значимого дискурса. В период первых послереволюционных десятилетий невиданные социальные сдвиги сочетались с перемещениями масс народа и по социальной оси, и по всей территории России. Перемешивались и социальные, и территориальные диалекты, что и привело к исчезновению социальной стратификации логосферы, в этом аспекте приобретшей аморфный характер. Парадоксальным образом, этому способствовала и речь Сталина, для которого русский язык не был родным и речевая манера которого, естественно, сохраняла отчетливые признаки грузинской

логосферы. Потом, начиная с периода властвования Н. С. Хрущева, а затем и на протяжении правления Л. И. Брежнева, речь власти приобретает в нашей стране явные диалектные южнорусские черты. Южнорусский диалект (носителями которого были и ключевые фигуры, и их окружение, пришедшее с ними в Москву, — многочисленные выходцы из южных областей России) продержался "у власти" вплоть до исчезновения с политической арены М. Горбачева. Во всяком случае, то, что речь высших представителей власти носила явные признаки речи диалектной (в территориальном смысле), а также изобиловала вместе с тем и признаками социально непрестижного диалекта (в иерархическом смысле), т. е. попросту содержала множество фактов нарушений норм современного русского литературного языка (вспомним: начать и углубить перестройку призывал нас М. С. Горбачев), — все это никак не способствовало реальному социальному расслоению отечественной логосферы. Полностью парадоксальной стала социально-речевая ситуация сразу после Октябрьской революции, когда грамотная культурная речь воспринималась как "подозрительная" и прямо "враждебная", так как именно носители этой речи — аристократия и интеллигенция — воспринимались как первые социальные враги. Эта традиция враждебности к культурной речи продержалась десятилетия. В любой стране Запада ситуация прямо обратная.

91

Лекция 8

РЕЧЕВАЯ РОЛЬ И РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ЛИДЕРА "МОНАРХИЧЕСКОГО" ТИПА

1. ДВА ТИПА СОЦИАЛЬНОГО ЛИДЕРА

Рассмотрим черты речевого поведения, характерные для "особи высокого ранга" — социального "доминанта". Наблюдения показывают, что есть значительные различия в речевом поведении "лидера, борющегося за власть" и "лидера, достигшего власти". В первом случае речь служит оружием борьбы за получение высокого или высшего статуса — орудием установления иерархии. Во втором случае речь используется для сохранения достигнутого status quo. "Лидер неосуществленный", "становящийся" проявляет себя в речи иначе, чем "лидер осуществившийся", "законченный". В чем же эти отличия? Характеристика этих двух типов речевого поведения интересна для нас не только с чисто "человеческой" точки зрения. Она важна и для понимания особенностей "речи власти" вообще — власти "неперсонифицированной", государственной. Власть стабильная использует иной язык и иную риторику, чем власть становящаяся. Цель политического дискурса первого типа — успокоить сообщество, создать впечатление стабильности. Цель политического дискурса второго типа — напротив, активизировать массы, создать впечатление наличной катастрофы или кризиса, требующих активных действий. Поэтому в дискурсе "стабильной власти" и в дискурсе "становящейся власти" одна и та же ситуация может быть описана, представлена совершенно по-разному. Аналогичны и различия в поведении и речи лидеров этих двух основных типов.

Кроме того, эта проблема существенна для понимания особенностей речи и речевого имиджа политиков в зави-

92

» НТ

симости от задач политической деятельности — завоевания или удержания власти уже завоеванной. Сразу же скажем, что примером для анализа речевого поведения "лидера первого типа", не претендующего на власть и не идущего к ней, а уже "осуществленного", для нас послужит речевой стиль Сталина, а примером второго типа — особенности речи Гитлера. К лидерам второго типа, сохраняющим речевую манеру и "личную риторику завоевания власти", можно отнести в истории отечественного ораторства Л. Троцкого и А. Керенского.

Цель рассмотрения и анализа речевого поведения лидера в нашем курсе сравнительно-исторической риторики — не столько дать серию "риторических портретов" видных политиков, сколько снабдить читателя понятийным аппаратом для самостоятельного анализа речи исторических и политических фигур и их речевого имиджа, а также помочь ему овладеть методом современного риторического" описания речевого поведения.

2. МЕТОДЫ АНАЛИЗА РИТОРИЧЕСКОГО СТИЛЯ

Владение и тем, и другим — и понятийным аппаратом, и методом риторического анализа применительно к описанию индивидуально-речевого (риторического) стиля лидера — современному исследователю-гуманитарию, да и школьному преподавателю, донельзя необходимо. Для доказательства этого обратимся к прессе.

Приведем и прокомментируем фрагмент из статьи Сергея Модестова "Возможные кандидаты в президенты России уже "под колпаком": Внимательнее других их изучает разведка США" в "Независимой газете" от 6 апреля 1995 г. Почему мы обращаемся именно к этой статье? Потому, что в отечественной филологии исследования речевого поведения практически находятся на начальной стадии. Потому, что система понятий и методов, которой мы будем пользоваться в нашем курсе и которую мы в нем для вас представляем, во многом основана на тех же научных источниках, которые используются специалистами ЦРУ, — на достижениях англо-американской лингвопрагматики и неориторики. Правда, нельзя не от-

метить, что в нашей концепции используется и нечто кардинально отличное и новое — система признаков для описания дискурса и речевой ситуации, примененная нами для анализа и описания речевого (риторического) идеала. Именно эта система, как представляется, весьма плодотворна, однако ею анализ и описание речевого поведения отнюдь не исчерпывается, а скорее обобщается и дополнительно структурируется. Итак, обратимся к тексту фрагмента указанной выше статьи.

"В последнее время, •— пишет ее автор, — методы изучения персоналий в ЦРУ существенно обогатились за счет внедрения психолингвистических подходов, контент-анализа наличных текстов с помощью ЭВМ... По мнению ведущего аналитика речевого поведения политических лидеров Д. Уинтера (Мичиганский университет), частотный анализ личных тезаурусов, характерной для данного индивидуума модальности речи, ее насыщенности личными местоимениями и другие способы формализации исследовательских процедур позволяют отделить их от личных пристрастий экспертов. Накапливается обширная документографическая база данных, содержащая тексты, принадлежащие перу Е. Гайдара, Б. Федорова, В. Жириновского, А. Руцкого, Г. Зюганова, В. Липицко-го, Г. Бурбулиса, М. Горбачева и др."

Посмотрим, что все это значит.

Термин *контент-анализ* нам уже встречался в связи с тем, что мы говорили об этом методе как об одном из методов описания логосферы. Этот метод может быть применен и для анализа не только общей логосферы культуры, но и для анализа "индивидуальной логосферы" — языка (идиолекта) и речевого (риторического) стиля каждого ее обитателя. Он предполагает описание структуры значений *ключевых слов* — наиболее значимых, важных слов либо общей логосферы целой культуры, либо "личной логосферы" индивида. В речи каждого из нас наиболее важные, "ценные" слова имеют значения, нередко сильно отличные от значений словарных. Если проанализировать достаточный корпус текстов, в которых употребляются такие слова, можно определить их реальные, т. е. индивидуальные значения и составить индивидуальный словарь для каждого говорящего. Та-

94

кая работа нашими лингвистами проделана, например, применительно к идиолекту известнейших писателей.

Заинтересованный читатель может посмотреть, например, как это сделано в "Словаре языка Пушкина", над которым трудился ряд известнейших пушкинистов. Характер изменений, сдвигов значений ключевых слов идиолекта в сравнении со значениями общеязыковыми многое может сказать о человеке, особенностях его личности и его мировоззрения, его политической программы. Например, слово *любовь* в речи Гитлера применительно к чувству, связывающему мужчину и женщину, имеет, если судить по текстам, вполне определенное значение. Ср.: "Ничто не может лучше освятить любовь мужчины и женщины, чем здоровый ребенок... Это просто идеальный случай, когда мужчина и женщина находят друг друга и благодаря тому, что рождение ребенка осватило их любовь, не расстаются до самой смерти". (*Ликер Генри*. Застольные разговоры Гитлера. — М., 1993.) Это значение можно определить так: здоровое половое влечение здоровых арийцев, ведущее к появлению детей и тем самым служащее на

пользу государства (Германии). Основные компоненты значения слова *любовь* в идиолекте Гитлера представлены в нашем определении. Вне этих компонентов в их совокупности слово *любовь* в речи Гитлера не употребляется. Так, оно неприменимо к представителям низших рас, а также к таким отношениям мужчин и женщин, которые можно считать "нездоровыми", не ведущими к появлению потомства, вообще к любым отношениям, не могущим принести пользу государству, именно Германии, а не какому-либо другому.

Продолжим анализ фрагмента статьи С. Модестова. "Частотный анализ личных тезаурусов" — это определение частотности словарных единиц (слов) в индивидуальном словаре (тезаурусе). Такого рода анализ, безусловно, лучше всего делать с помощью ЭВМ. Однако и обычные наблюдения могут помочь выделить наиболее частотные, а значит — почти наверное особенно "ценные" для анализа личности слова индивидуального языка. Скажем, в речи Сталина наиболее частотны слова: *я, правильный, ясный* и их антонимы, *ошибка, головоотяп(ство), вредитель(ство), уклон, линия, борьба,*

95

победа и пр. Список наиболее частотных слов в порядке убывания частотности, составленный с помощью ЭВМ, может обнаружить структуру мировосприятия и общую структуру личности. Скажем, для Сталина — монологизм его личности и речи, власть и борьба за нее как основная жизненная ценность, агональность личности, направленность ее на постоянную борьбу за личную власть, притязания на обладание монополией на истину. Если же, например, исследовать речи Н. С. Хрущева, можно заметить, что ключевые слова его индивидуальной логосферы почти все относятся к семантическому полю с общим значением "еда", "пища"...

"Модальность речи" здесь — это преимущественно использование в речевых структурах реальной или ирреальной модальности (изъявительного или сослагательного наклонения), модальности долженствования. Ясно, что субъект, речь которого насыщена формами сослагательного наклонения *бы (если бы да кабы, да во рту росли грибы)*, по своей личностной структуре, мировосприятию, психологии сильно отличается от "типа лидера" и вряд ли сможет когда-нибудь претендовать на такую роль в высоких кругах власти. Сравните хотя бы речь Горбачева сразу после его прихода к власти и на закате его политической карьеры: форм сослагательного наклонения становится больше, они встречаются заметно чаще. Одновременно нарастает частотность незаконченных и неясных по синтаксической структуре фраз (мы имеем в виду устную речь). Модальность долженствования для речи лидера характерна. *Мы должны, нужно, необходимо, мы обязаны* и пр. — это наиболее частотные и яркие обороты речи любого лидера.

Итак, все перечисленные методы анализа речевого поведения — контент-анализ индивидуального словаря, частотный анализ слов в нем, анализ модальности речи — весьма плодотворны. Необходим и риторический анализ. Как он делается, можно показать на примере речевых портретов, которые мы будем рисовать ниже. Рассмотрим как воплощение первого речевого типа лидера особенности речевого поведения Сталина. Первый речевой тип лидера назовем "монархическим": во многом такое речевое поведение предусмотрено в

96

логосферах самых различных культур для индивида, занимающего высший статус в жесткой и стабильной социальной иерархии.

3. РИТОРИЧЕСКИЙ СТИЛЬ ЛИДЕРА "МОНАРХИЧЕСКОГО" ТИПА (риторический портрет И. Сталина)

Итак, обратимся к индивидуальной речевой манере И. Сталина. Начнем с акустики речи. Тембр глухой, голос довольно низкий, речь ритмичная, ровная, спокойная, с большими паузами, "внушительная". А. Авторханов, очевидец и участник партийных съездов, пишет: "Его глухой, как бы придавленный голос не трогал, а наводил уныние, он, казалось, говорил животом, как чрево вещатель".

Медлительная, эмоционально сдержанная речь казалась сухой. Главные черты — ровность и спокойствие. Ритмичность звуковой организации речи напоминает о "ритме власти" — о тяжелой, размеренной поступи Государства. Государство и ритм — проблема особой важности. Недаром Осип Мандельштам написал специальную статью под названием "Государство и ритм" (1918), в которой читаем: "Аморфный, бесформенный человек, неорганизованная личность, есть величайший враг общества. В

сущности, все наше воспитание, как его понимает наше молодое государство в лице Народного комиссариата по просвещению, есть организация личности... В настоящую минуту мы видим перед собой воспитателей-ритмистов, пока еще слабых и одиноких, предлагающих государству могущественное средство, завещанное им гармоническими веками: ритм как орудие социального воспитания... Новое общество держится солидарностью и ритмом. Солидарность — согласие в цели. Необходимо еще согласие в действии. Согласие в действии само по себе

: есть уже ритм... Нужно его закрепить навсегда... Солидарна масса. Ритмичен только коллектив". Тяжелая ритмичная поступь государства — это не только размеренный шаг пушкинского Медного Всадника. Это и размеренный

И ритм речи И. Сталина. "Все мы, его современники, — пишет Даниил Андреев в книге "Роза мира", — слышали

4 Русский Сократ

97

этот лишенный вибраций, выхолощенный от нюансов, медлительный и тупой голос автомата, эту дикцию восточного человека, не сумевшего овладеть до конца правильным русским языком".

Кинесика (жесты, мимика, движения) во время речи. Лицо малоподвижно. Движения сдержанные и спокойные, их немного. Выделяется небольшое число весьма характерных жестов: рука заложена за лацкан. Манипуляции с трубкой — неторопливые, почти торжественные. Жест приветствия выполняется всегда однообразно, это модификация жеста отдачи воинской чести: рука не поднимается выше головы. Кстати, специалисты по поведению человека отмечают: чем выше человек по статусу, тем меньше движений он совершает в процессе речи (универсальная закономерность во всех культурах). Это олицетворенная власть — власть, застывающая в своей величии, власть, превращающая человека в статую при жизни. Статуарность позы соответствует "застыванию" в речи.

Смысловое движение речи. В смысловом движении речи нет ничего неопределенного, ничего расплывчатого, недоговоренного. Все ясно и все правильно (излюбленным началом смыслового единства, фиксирующегося на письме абзацем, служат слова: *Ясно, что..., Неужели не ясно, что..., Понятно, что..., Политика партии правильна, потому что...*). Слово *правильно* достигает в текстах сталинских речей поразительной "концентрации", повторяясь необычно часто. Излюбленным риторическим приемом служит повтор. Разновидности повтора: анафора, эпифора (повтор конца фраз), параллелизм синтаксических конструкций — характерны для этих текстов. Второй излюбленный риторический прием — риторический вопрос. Почему? Этому есть четкое объяснение. Оратор как бы "вдалбливает" непонятливому ученику простой и абсолютно ясный учебный материал. Сталин как "великий вождь и учитель" учил всех и всему: лингвистов — языкознанию, крестьян — сельскому хозяйству. И речи Сталина по строению напоминают катехизис: вопрос требует однозначного ответа, известного только самому оратору, выступающему "от лица" верховного псевдоиерарха — партии, как духовный учитель и отец выступает от лица

98

Бога. Вместо текстов Священного Писания авторитетными текстами служат сочинения классиков марксизма-ленинизма. Смыслового развития речи нет — она застывает в системе "пунктов", каждый из которых, как и сама речь, абсолютно завершен, замкнут, ясен. Вместо диалога — последовательность замкнутых "диад" (вопрос-ответ) катехизиса. Диалог как бы стягивается в вопрос-ответную диаду катехизиса, смысловое пространство речи превращается в точку, как объемы и формы средневекового готического собора стягиваются в вертикаль, а затем и в точку шпиля. Возможно, отнюдь не случайно для "сталинских" высотных зданий в Москве были избраны именно формы, напоминающие формы готические. Семь шпилей с тех пор высятся над Москвой. Монологичность речевого поведения налицо, речь монологична и по содержанию, и по форме.

Категоричность высказываний (отношение к истине) достигает высшей степени: суждения оратора не допускают никаких иных толкований, они абсолютно истинны. "Усомниться — значит впасть в ересь. Нет разных мнений — есть только правильное и неправильное. Даниил Андреев говорит о Сталине, что тот был в очень слабой степени одарен

образным мышлением и привык всю свою "умственную деятельность проводить через слово". Это, вероятно, справедливо. Слово Сталина отражает его манеру мысли — жесткую и застывшую, как катехизис.

Пример из "Заключительного слова по политическому отчету ЦК XVI съезду ВКП(б)": "Ясно, что линия нашей партии есть единственно правильная линия, причем правильность ее, оказывается, до того очевидна и неоспорима, что даже бывшие лидеры правой оппозиции сочли нужным без малейших колебаний подчеркнуть в своих выступлениях правильность всей политики партии" (*Сталин И. В.* Соч. — М., 1951.—Т. 13).

А вот как заканчивается эта речь, прерываемая постоянно голосами из зала: "Правильно! Правильно!": "Чем можно тут помочь делу? (Оратор имеет в виду позицию "правой оппозиции", в начале речи объявленной полностью принявшей позицию партии.) Для этого есть лишь одно средство: порвать окончательно со своим прошлым,

99

переворужиться по-новому и слиться воедино с ЦК нашей партии в его борьбе за большевистские темпы развития, в его борьбе с правым уклоном. Других средств нет. Сумеют сделать это лидеры правой оппозиции — хорошо. Не сумеют — пусть пеняют на себя".

Казалось бы, где логика? Ведь нет уже правой оппозиции, о чем оратор заявил в начале выступления. Тем не менее она должна слиться с партией в борьбе с... правым уклоном! Однако логика есть: это логика борьбы, алчущей противника, даже если таковой реально отсутствует. Речь Сталина пронизана духом борьбы, хотя внешне спокойна и уверена. И все же риторика Сталина, оставаясь внешне риторикой борьбы, тем не менее демонстрирует, как и индивидуальный речевой стиль Сталина, то, что борьба для него закончена: он абсолютный иерарх и учитель, он обладатель речи и истины, и выше нет никого. Отсюда спокойствие и даже умиротворяющее воздействие его речей. В конце своей жизни Сталин доходит до абсолютного предела — до полного отказа от публичного слова. Оно уже не нужно: все решено. Об этом пишет Даниил Андреев: "А когда в 1949 году... было отпраздновано его семидесятилетие, он, присутствуя на банкете и на концерте, данных в его честь с пышностью "Тысячи и одной ночи", не проронил ни единого звука... Даже слова простой благодарности не сорвалось с его языка".

Итак, предельное проявление речевого поведения состоявшегося лидера, предел монологической по содержанию речи, предельное выражение принципа манифестации власти — полный отказ от слова, от речи. Вырожденное общение, остановленный монолог обращаются в точку — вопрос-ответную диаду катехизиса, а в пределе превращаются в ничто.

Рассмотрим особенности риторических средств косвенного информирования в речи Сталина — образность речи, использование в ней иронии, шутки, намек.

Средства косвенного информирования — это в основном риторические тропы, т. е. система переносных значений и их особые риторические функции. К этой системе относятся: метафора, сравнение, метонимия, ирония, намек, притча, парадокс. В общем смысле можно ска-

100

зать, что если при прямом информировании в речи значение высказывания складывается из значений составляющих это высказывание слов, то при косвенном информировании ситуация иная: значение высказывания не равно сумме значений его лексических компонентов: "имеется в виду" не то или не совсем то, что сказано словами. Слово, высказывание или текст должны быть "расшифрованы" или дополнены в смысловом отношении, а иногда и "поняты наоборот" (ирония).

Образность речи и теория метафоры в современной лингвистике стали предметом специального и весьма пристального изучения.

Рекомендуем обратиться к сборнику трудов "Теория метафоры" (М., 1990), в котором заинтересованный читатель найдет статьи современных философов и лингвистов Х. Ортеги-и-Гассета, Р. Якобсона, Э. МакКормака и других, посвященные не только теории метафоры, но и философии риторики.

Образность речи Сталина, как справедливо заметил Даниил Андреев, небогата. Сталин — скорей формальный логик, чем поэт, хотя таковым в определенной степени и в

несколько зловещем смысле являлся. Нередко образы, появляющиеся в его речи, имеют своим источником русскую классическую литературу. Заимствует их он и в трудах классиков марксизма-ленинизма. Так, цитируя Ленина, он, например, использует следующий ленинский образ: "Только тогда мы в состоянии будем пересесть, выражаясь фигурально, с одной лошади на другую, именно, с лошади крестьянской, мужицкой, обнищавшей, с лошади экономии, рассчитанных на разоренную крестьянскую страну, — на лошадь, которую ищет и не может не искать для себя пролетариат, на лошадь крупной машинной индустрии, электрификации, Волховстроя и т.д.". Сталин в речи "Итоги первой пятилетки" 7 января 1933 г. продолжает эту цитату: "Пересесть с обнищавшей мужицкой лошади на лошадь крупной машинной индустрии — вот какую цель преследовала партия, вырабатывая пятилетний план и добываясь его осуществления". Заимствовать образ — значит подтвердить преданность и верность.

Проанализируем один из самостоятельных, "авторских" сталинских образов, возникших в его политичес-

101

ких речах, а также судьбу этой метафоры, весьма характерную для метафор, порождаемых лидерами тоталитарных обществ.

В речи Сталина "Заключительное слово по политическому отчету ЦК XVI съезду ВКП(б)" читаем: "Особенно смешные формы принимают у них (членов правой оппозиции) эти черты человека в футляре при появлении трудностей, при появлении малейшей тучки на горизонте. Появилась у нас где-нибудь трудность, загвоздка, — они уже в тревоге: как бы чего не вышло. Зашуршал где-либо таракан, не успев еще как следует вылезть из норы, — а они уже шарахаются назад, приходят в ужас и начинают вопить о катастрофе, о гибели Советской власти. (Общий хохот.) Мы успокаиваем их и стараемся убедить, что тут еще нет ничего опасного, что это всего-навсего таракан, которого не следует бояться. Куда там! Они продолжают вопить свое: "Как так таракан? Это не таракан, а пропасть, гибель Советской власти"... И — "пошла писать губерния"... Правда, потом, через год, когда всякому дураку становится ясно, что тараканья опасность не стоит и выведенного яйца, правые уклонисты начинают приходить в себя и, расхрабрившись, не прочь пуститься и в хвостовство, заявляя, что они не боятся никаких тараканов, что таракан этот к тому же такой тщедушный и дохлый". (Смех. Аплодисменты.)

Судьба метафоры "таракана" известна каждому, кто читал "Тараканище" Корнея Чуковского — детскую сказку в стихах, в свое время запрещенную как опасное произведение, могущее быть прочитанным как пародия на вождя, а потом пришедшую в каждый советский дом, в каждую семью. Однако вспомните: заимствовать метафору — значит выразить преданность и верность. Обратимся к специальному источнику: в работе "Этика и риторика китайской культурной революции" авторы Л. Дит-мер и Чен Руокси отмечают, что большое влияние на язык китайской пропаганды оказали индивидуальные образы Мао Цзедунa. В язык политики вошли и слова из диалекта провинции Хунань, родины Мао, и его любимые выражения. Так, его метафора "Все реакционеры — бумажные тигры" стала употребляться в языке мировой политики. Цитаты из китайской классики, которые при-

102

водил Мао, немедленно подхватывались и входили в широкое употребление. Все эти выражения становились не только популярны, но и обязательны для употребления в языке китайской пропаганды. Любимое "ключевое слово" Мао — *делать*, его любимое выражение — *совершать внезапное нападение*. *Делать* (*gao*) — слово диалектное, на письме прежде не употреблявшееся. Однако благодаря пристрастию к нему Мао оно не только вошло в литературный китайский язык, но и вытеснило из него другие имевшиеся в китайском языке глаголы со значением "делать". Интересно, что если слова китайских императоров по традиции табуировались, то Мао активно способствовал внедрению своей лексики и фразеологии в язык народа и политики. Он поощрял публикацию цитат из своих речей, наполнение ими средств массовой информации. В настоящее время все это — и само имя Мао, и цитаты его — полностью исчезло из газет КНР {Dittmer L., Chen Ruoxi. Ethics and Rhetoric of the Chinese cultural revolution. — Berkely (Cal.), 1981). Закономерности "преобладания" словесной и образной системы речи лидера, иерарха, в

общенародном и особенно политическом языке в тоталитарном обществе мы наблюдаем и в России, и в Китае. Логосфера тоталитарного общества структурируется под действием одинаковых движущихся принципов.

Вернемся к метафоре "таракана". У нее есть важные особенности, способные немало сообщить об индивидуальной логосфере Сталина.

Эта метафора отражает, однако, общий характер образности речи не только самого Сталина, но и его окружения, и политики, и даже народа, находящегося под гнетом тоталитаризма. Эта образность "животного" характера, когда для метафоры избирается животное, причем животное неприятное или "псевдоопасное" (ср. "бумажного тигра" Мао). Почему так? Логосфера тоталитарных сообществ агональна, направлена на борьбу, поэтому самое главное в такой логосфере — нахождение и "заклеймение" врага, однако враг представляется всегда не только и не столько как опасный, но и как нелепый, комичный, вызывающий издевку. Тут мы имеем дело не с юмором или иронией, но скорее с сарказмом и

103

издевательством. Низменность животного и "якобы", "псевдо" опасность его — термины сравнения в таких метафорах. Ср. также *цепные псы империализма, собаки* в различных вариантах метафоризации для обозначения социальных врагов. Это все образность грубая, низкая, служащая для снижения образа врага, его дискредитации.

Второй существенный принцип этих метафор — встро-енность их в политический дискурс, целью которого является удержание власти, а значит, успокоение сообщества и общественного мнения. Характерно, что и метафора "таракана" как бы говорит: нечего беспокоиться по пустякам (кстати, пустяками в данном тексте названо истребление кулачества, политика сплошной коллективизации тоталитарными и жестокими методами и пр.): "Помните, какую истерику закатывали нам по этому случаю (по вопросу о чрезвычайных мерах против кулаков) лидеры правой оппозиции? — спрашивает Сталин непосредственно перед появлением в тексте речи "таракана". — А теперь, — продолжает он, — мы проводим политику ликвидации кулачества, как класса, политику, в сравнении с которой чрезвычайные меры против кулачества представляют пустышку. И ничего — живем". Далее следует образ "человека в футляре", заимствованный у Чехова, после чего Сталин и вводит метафору "таракана". В результате — "общий хохот" как реакция зала.

Отличительной особенностью общей тональности речи И. Сталина является грубость, доходящая до прямого хамства. Под словом *хамство* мы понимаем осознанную речевую агрессию, целенаправленный агрессивный речевой акт. В самом деле, "сквернословием воздух был наполнен даже в залах международных сборищ. Покойник (Сталин), сидя у себя дома, не привык стесняться в выражениях. Это обыкновение перенесли его дипломаты и за рубеж. Наглые требования, облеченные в хамский тон, давно не оставили ничего от традиционной дипломатической вежливости", — вот как пишет Даниил Андреев о "речевой традиции", сформировавшейся за время властвования Сталина. Логосфера нашей страны в этом отношении получила вполне определенную структуру: целенаправленная речевая агрессия — хамство — стала привычной и проникла даже в те области речевого общения,

104

где никогда прежде не допускалась. "Господин Кэмпбелл привирает", — так называется предисловие И. Сталина к записи его беседы с известным "сельскохозяйственным деятелем", политиком из США. "Завравшийся господин Кэмпбелл", "вранье", "привирает" — вот характерная лексика этого текста.

Внимательный читатель может самостоятельно обратиться к тексту "Краткого курса истории ВКП(б)", в любом издании, чтобы убедиться в том, что сниженная, бранная, нередко прямо площадная лексика там — явление не просто обычное, но характерное, типологическое.

Обратимся теперь к шуткам Сталина. Они производят впечатление грубости и примитивности. Пролистайте тексты сталинских речей, обращая внимание на фрагменты, после которых следуют ремарки: смех в зале, общий хохот — и вы в этом убедитесь. Приведем примеры из "Заключительного слова по политическому отчету ЦК XVI съезду ВКП(б)": "У съезда создалось общее впечатление^ пока не нажмешь на этих людей,

ничего от них не добьешься". (Общий смех. Продолжительные аплодисменты.) "...Что же удивительного, что съезд попытался надавить как следует на этих товарищей, чтобы добиться от них выполнения этих обязательств". (Аплодисменты. Общий смех всего зала.) Или из "Речи на первом съезде колхозников-ударников": "...На собрании крестьян, где колхозники призывали единоличников вступить в колхоз, эта самая вдова в ответ на призыв подняла, оказывается, подол и сказала — нате, получайте колхоз. (Веселое оживление, смех.) Несомненно, что она поступила неправильно и оскорбила собрание. Но можно ли ей отказывать в приеме в колхоз, если она через год искренне раскаялась и признала свою ошибку? Я думаю, что нельзя ей отказывать. Я так и написал колхозу. Вдову приняли в колхоз. И что же? Оказалось, что она работает теперь в колхозе не в последних, а в первых рядах".

Особенно интересны особенности намека в речи Сталина. Намек — "сильнодействующее" риторическое средство непрямого информирования. Намек — высказывание, которое должно быть "расшифровано" с-помощью "дистраивания", "заканчиваяния" начатой говорящим (ора-

105

тором) мысли. О намеке в речи и в речи судебной замечательно написал в книге "Искусство речи на суде" П. Сергеич в специальной главе "О недоговоренном". В тоталитарном обществе и в речи тоталитарного лидера намек принимает особые черты. Это, во-первых, угроза как основной смысл намека, его преобладающая цель. Это, во-вторых, то, что "тоталитарный" угрожающий намек адресован всему обществу, каждому его члену: читайте, слушайте — и трепещите: намек касается каждого. Форма намека такого рода, к которой мы уже привыкли и которая даже стала объектом пародирования в послесталинские времена, известна: "Кое-где кое-кто кое-когда у нас еще допускает отдельные недостатки... Или: Есть у нас еще отдельные товарищи (перегибы, ошибки, недостатки...), Некоторые товарищи считают, что...Или: Кто виноват в этом? Мы виноваты..." В этих примерах в формировании намека участвуют неопределенные местоимения и местоимение *мы*, что позволяет расширить "сферу адресата" намека — "круг обвиняемых или виновных" — до размеров всего общества. И последняя из рассматриваемых здесь особенностей речи И. Сталина, характерная для речи тоталитарного лидера, — это демагогия: в речи открыто заявляется то, что прямо противоречит действительности и истине. Слово абсолютно, открыто и принципиально отделяется и отлучается от мысли. Примеров демагогии в речи И. Сталина множество. Это один из принципов его речевого поведения. Возьмем только один — "Письмо тов. Шатуновскому" (1930). Вот заключительный фрагмент текста: "Вы говорите о Вашей преданности мне". Может быть, это случайно сорвавшаяся фраза. Может быть... Но если это не случайная фраза, я бы советовал Вам отбросить прочь "принцип" преданности лицам. Это не побольшевистски. Имейте преданность рабочему классу, его партии, его государству. Это нужно и хорошо. Но не смешивайте ее с преданностью лицам, с этой пустой и ненужной интеллигентской побрякушкой. С коммунистическим приветом. И. Сталин".

106

4. СТРУКТУРА И "ФОРМУЛА" ЛОГОСФЕРЫ ТОТАЛИТАРНОГО ОБЩЕСТВА

Теперь, рассмотрев основные особенности речи самого лидера "монархического" типа на примере анализа речевого поведения И. Сталина, обратимся к тому, как "играло короля" его окружение. Даниил Андреев пишет, что Сталин "сумел слить голоса остального (не посаженного за решетку) населения в неумолчном гимне — ему, только ему, любимому, мудрому, родному", и это справедливо. Речь массы в тоталитарной логосфере структурируется именно таким образом, чтобы "играть короля", превращаясь в речь по преимуществу эпидейктическую — не "содержательную", а "хвалебную" (ср. "гимн") по отношению к вождю и партии или в "хулу" по отношению к "врагам". Тот индивид, который "не встраивается" в уготованную для него в этой логосфере речевую модель эпидейктики, обречен на гибель — гибель физическую. Тот же, кто встроился, получает возможность с Помощью навязанной ему речевой модели не только выжить, но нередко и спекулировать своим речевым поведением, получая определенные и вполне конкретные жизненные преимущества. В качестве примера приведем финал "научного" доклада Ольги Борисовны Лепешинской (май 1950) — "открывательницы" самозарождения живого

"вещества" из неживого (эта фигура в науке аналогична Т. Д. Лысенко): "Заканчивая, я хочу принести самую глубокую, самую сердечную благодарность нашему великому учителю и другу, гениальнейшему из всех ученых, вождю передовой науки, дорогому товарищу Сталину. Учение его, каждое высказывание по вопросам науки было для меня действительной программой и колоссальной поддержкой в моей длительной и нелегкой борьбе с монополистами в науке, идеалистами всех мастей. Да здравствует наш великий Сталин, великий вождь мирового пролетариата!" (*Рапопорт Я. Л. На рубеже двух веков: Дело врачей 1953 года. — М., 1988. — С. 260*).

Попробуй после этого возрази автору доклада!

Автор цитированной выше книги Я. Л. Рапопорт приводит случай, когда профессор, чьи лекции вызывали претензии студентов и администрации, при проверке за-

107

явил: "Чем вы недовольны, каждая моя лекция заканчивается аплодисментами аудитории!" И верно, после финала, аналогичного приведенному выше, иная реакция была просто невозможна.

Приведенный выше фрагмент — это пример одной из многих образованных в тоталитарной логосфере нашей страны риторических формул — формулы хвалы вождю в заключении публичной речи. Образование таких формул и вырождение живого слова в набор таких устойчивых формул — одна из характернейших черт риторики тоталитарного сообщества. Если речь лидера в тоталитарной логосфере обращается в монолог, то речь подданных в ней выглядит как последовательность воспроизводимых, а не творимых в процессе речи, единиц — устойчивых формул эпидейктической природы. Набор таких формул образует как бы "словарь" логосферы подданных, откуда они черпают "цитаты". Образцом для формирования единиц этого словаря является речь лидера.

Сравним с этими особенностями структуры логосферы тоталитарного общества характерные черты "новояза" из романа Дж. Оруэлла "1984". Основной принцип устройства "новояза" — "сделать речь, в особенности такую, которая касалась идеологических тем, по возможности независимой от сознания". "Партиец... должен был выпускать правильные суждения автоматически, как выпускает очередь пулемет. Обучением он подготовлен к этому, новояз — его орудие — предохранит от ошибок... Выразить неортодоксальное мнение сколько-нибудь общего порядка новояз практически не позволял... Идеи, враждебные ангоцу, могли посетить сознание лишь в смутном, бессловесном виде, и обозначить их можно было, не по отдельности, а только общим термином, разные ереси свалив в одну кучу и заклеивив совокупно". И еще: "По своим воззрениям член партии должен был напоминать древнего еврея, который знал, не вникая в подробности, что все остальные народы поклоняются "ложным богам". Ему не надо было знать, что имена этих богов — Ваал, Осирис, Молох, Астарта и т. д., чем меньше он о них знает, тем полезней для его праведности".

Итак, мы видим, что принцип устройства логосферы "для масс" — разлучение мысли и слова, когда речь со-

108

ставляется, как из кубиков, из готовых деталей, риторических формул цитатной природы, не требуя и вовсе не подразумевая мысли, — одинаков в вымышленном "новоязе" Оруэлла и во вполне реальной логосфере, существовавшей в нашей стране в тоталитарный период.

Эта логосфера "для масс" структурируется и создается на основе одного, единого образца — речи лидера. Из последней берется и структура речи, и составляющие "заготовки" — цитаты и формулы хвалы и хулы. Как и речь лидера, речь массы отличается монологичностью по форме и содержанию, воспроизводимостью штампов и клише, агональностью (господством принципа борьбы и резкостью бинарных смысловых оппозиций, противоположностей — хвалы и хулы, черного и белого, хорошего и плохого), оторванностью слова от мысли, слова от истины, слова от дела.

Лекция 9

РИТОРИЧЕСКИЙ СТИЛЬ ЛИДЕРА "ХАРИЗМАТИЧЕСКОГО" ТИПА: "ПУТЬ НАВЕРХ" И РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ

1. ИССЛЕДОВАНИЯ РИТОРИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ СТАНОВЛЕНИЯ "ХАРИЗМАТИЧЕСКОГО" ЛИДЕРА
Займемся теперь анализом речевого поведения лидера второго типа — лидера, идущего к власти и, даже достигнув ее, сохраняющего тот тип речевого поведения, который характерен для создания харизмы лидера борющегося.

Для этого обратимся к исследованиям в области речевого поведения — к работе Фредерика Эриксона из Мичиганского государственного университета, которую мы называли уже в прошлой лекции. В его исследовании формирования харизматического лидера в группе негри-

109
тянских подростков США установлено, что основным средством создания такого образа (имиджа) выступает именно риторика, точнее риторическое мастерство, красноречие претендента на лидерство в группе. "You gotta walk that walk and talk that talk" ("Ты должен пройти этот путь и сказать свою речь") — вот как говорят негритянские подростки о "пути к власти" с помощью речи, красноречия.

Как же это происходит? Что характерно для речевого поведения лидера на пути к доминирующему статусу в группе?

В беседе компании подростков речь выступает как главный способ "самодемонстрации" (self presentation, personal display). Беседа — соревнование риториков, каждый из которых демонстрирует себя с помощью речи: рассказываются истории, ведется диалог. Кто же выигрывает? Это человек, который обладает следующими способностями.

1. Обнаруживает умение осуществлять тесный контакт и непрерывное активное взаимодействие со слушающими — аудиторией (собравшейся компанией). Он все время обращается за поддержкой к аудитории, вызывая возгласы согласия, одобрения. Один из подростков прямо говорил автору: я жду сигналов одобрения и руководствуюсь реакцией слушателей, как капитан корабля — светом сигнальных огней. Call and response — обращение к аудитории и ее ответ — вот из чего состоит такой дискурс. То же характерно для негритянской проповеди и блюза. В конце фразы негритянский проповедник нередко говорит: "Let the church say Amen" или "Will somebody help me?" (Пусть церковь скажет: "Аминь!" "Кто мне поможет?"), как и в конце музыкальной фразы певец блюза произносит: "Will somebody help me?" (Кто мне поможет?) или подходит к краю сцены, останавливается на последней ноте и держит паузу, пока публика не закричит: "That's right" {Верно!} или "Tell it!". (Продолжай!) Это активный диалог с аудиторией, и формы этого диалога в блюзе не менее разнообразны, чем в речевом поведении лидера, ищущего своей харизмы. Так, певец "разговаривает" с оркестром, с инструментом "Talk to me" (Поговори со мной) — обращается он к гитаре, и гитара повторяет его последнюю музыкальную фразу. Особенно

110

важно, что этот диалог не равноправного, а агонистического и иерархического типа: "беседа" певца и оркестра, певца и гитары, певца и публики происходит при выраженном доминировании "главного лица" — певца, а кроме того, носит характер соревнования, борьбы. То же можно сказать и о диалоге священника и паствы в негритянской церкви, и о диалоге претендента на харизму лидера с компанией друзей. Соревновательный (агональный) и иерархический характер диалога тем не менее предполагает активное сотрудничество лидера и слушателей: первый все время напоминает аудитории, что нуждается в ней, постоянно обращается к ней за поддержкой и получает эту поддержку в виде реплик ободрения и одобрения в ключевых пунктах смыслового движения речи или песни. Таким образом, этот диалог есть и как бы сотворчество лидера и слушателей, и вместе с тем их борьба.

2. Это человек, который умеет сообщить своей речи эмоциональное развитие и движение по нарастающей, вплоть до эмоционального пика — кульминации повествования, некое crescendo. Нарастают темп, громкость, эмоциональная сила речи

внутри каждого эпизода повествования, после чего следует кульминация и спад эмоционального напряжения. Затем начинается новая история или следующий эпизод, и все повторяется. Если дискурс происходит в виде последовательности отдельных анекдотов, то для конца этой "цепи" оратор бережет эпизод, анекдот или рассказ, самый сильный в эмоциональном отношении, пусть и логически не связанный с предыдущими.

Таким образом, в эмоциональном (и звуковом) отношении речь не ровная, а состоит из ритмических "всплесков" с резкими "фронтами" эмоции, тона, темпа, громкости.

В классической риторике эти же задачи выполняла (и сейчас сохраняет в ораторской речи) специальная риторическая фигура — период, с нарастающей частью — протасисом — и ниспадающей — аподозисом.

3. Это человек, который употребляет две стратегии речевого воздействия:

а) либо воздействующая сила речи достигается путем "заученной неискренности" (стратегия slackness), когда

111

оратор блещет остроумием, привлекает аудиторию тем, что открыто ей манипулирует;

б) либо ритор идет на полное "самораскрытие", привлекает исповедническим тоном, даже "плачется" аудитории "в жилетку", апеллируя к состраданию, вызывая сочувствие и жалость, "давит на эмоции", пробуждает сочувствие к себе и одновременно — ненависть и ярость к "врагам" (стратегия "soul").

4. Это человек с образной и риторически совершенной, насыщенной риторическими тропами и фигурами речью: метафора, притча, яркая и точная деталь, повтор, параллелизм конструкций, парафразы — все это в его речи встречается заметно чаще, чем в речи товарищей.

5. Он говорит больше (чаще и дольше) по времени, чем остальные. Чаще начинает новые темы, инициирует (вводит) их и добивается того, что введенные им новые темы становятся предметом обсуждения. Для этого он активно перебивает "конкурентов", а от слушателей добивается знаков одобрения и интереса. Перебивание соперников, которые тоже хотели бы что-то рассказать, осуществляется с помощью все более и более громкого повторения "своего начала" — начала своей фразы — до тех пор, пока конкурент не замолкнет. Если же случается так, что претендент на лидерство примыкает к слушателям, то в своих ответных репликах он не просто выражает одобрение или поддержку оратора, а дает новую информацию, предлагая новую (свою) тему и так "вытесняет" прочих участников, как кукушонок выбрасывает из гнезда других птенцов, снова завладевая всеобщим вниманием и переходя к монологу.

Таковы основные черты речевого поведения человека, который становится "душой компании" и завоевывает в ней авторитет и доминирующий социальный статус. В следующей лекции, обращаясь вновь к описанию речевого поведения политических лидеров второго типа — лидеров, взыскивающих харизмы и власти, мы будем опираться на эти выводы, так как наблюдения показывают, что они справедливы отнюдь не только для речевого поведения лидеров описанной социальной группы, но и имеют весьма общий характер.

112

2. РИТОРИЧЕСКИЙ ТИП "ХАРИЗМАТИЧЕСКОГО" ЛИДЕРА В ПОЛИТИКЕ

В статье Анатолия Якушевского (ведущий научный сотрудник Института военной истории РАН), опубликованной в приложении "Независимое военное обозрение" к "Независимой газете" 2 апреля 1995 г., читаем: "Среди политиков выделяются две категории. Одни действуют во имя укрепления и совершенствования существующей системы, не выдвигая каких-либо революционных идей и добиваясь, как правило, определенных успехов.

Другие пытаются произвести в обществе радикальные изменения, в основе которых лежат рожденные ими или их предшественниками идеи... Гитлер по характеру своей политической деятельности относится ко второй категории. Причем в отличие от Ленина, претворившего на практике идеи, выдвинутые Марксом, Гитлер был сам творцом национал-социалистической теории и сам добивался ее осуществления".

Для нас важно, что второй риторический тип лидера — "харизматический", отличный от рассмотренного нами в предыдущих лекциях "монархического" риторического типа, чаще всего характеризуется именно тем, что приходит к власти на основе, самостоятельной

социальной и политической программы и деятельности, на основе новой (или хорошо забытой старой) системы идей или умения по-новому, ясно и отчетливо структурировать такую систему. Этим особенностям ментальной и деятельностной организации "претендентов" на харизматический статус сопутствуют и определенные особенности социального поведения таких людей, в том числе поведения речевого. Поведение "харизматического" лидера в общем отличают две особенности: 1) "новизна" — оригинальность, небанальность и 2) четкая оформленность, структурированность этой оригинальности, наличие выраженных ярких деталей облика, манеры, речи, которые служат для социума и "опознавательными сигналами", и "ключами", внешне выражающими важнейшие смысловые "блоки" и элементы структуры взглядов, личности, поведения. Это не случайно. "Новизна", "новая информация" — всегда нечто очень притягательное для ок-

113

ружающих (см. предыдущую лекцию, где указаны основные выводы работы Ф. Эриксона). Не менее привлекательна для человека структура (во всем) как антипод хаоса, беспорядка, расплывчатости. Наличие структуры в новой информации — это уже проделанная за нас работа, это то, что доступно, как доступно готовое блюдо по сравнению с сырой пищей, еще требующей приготовления.

Понятно, что именно эти общие особенности "системы взглядов" ("программы") и "системы фраз" (речевого поведения) — "новизна" и структурность — необходимы "претенденту" на харизму — человеку, который идет к власти, первоначально опираясь только на самого себя и на массу, на социум, которому он должен импонировать, нравиться. (Заметим, что лидер "монархического" типа, как правило, получает "готовое" и не завоевывает популярность самостоятельно, начиная с завоевания успеха у небольшой социальной группы и кончая громадными человеческими толпами. Таков был, например, путь к власти Сталина, который долгое время находился как бы в тени Ленина и Троцкого и, лишь получив реальную власть, вышел из этой тени, причем на протяжении заметного периода продолжал использовать их харизмы.)

"Путь наверх" для харизматического политического лидера типологически близок к тому пути, который проделывает в компании подростков или в уголовной среде претендент на статус лидера (о роли ораторского дара для первых мы уже говорили в связи с исследованием Эриксона, о том же для уголовной среды можно судить по любым лагерным или тюремным запискам или мемуарам (см., например, повести и рассказы Сергея Довлатова). Этот путь осуществляется на улице, и первыми слушателями харизматического оратора закономерно становятся завсегда и улицы (и пивной). Приведем соответствующие сведения о лидерах национал-социализма в Германии. Начальник личной охраны Гитлера Ганс Раттенхубер (здесь и далее цит. по кн.: *Ржевская Е. Геббельс: Портрет на фоне дневника.*—М., 1994) пишет: "Мне часто приходилось при выполнении своих полицейских обязанностей наблюдать за поведением Гитлера в мюнхенских пивных. Шутники тогда говорили, что если бы не было мюнхенского пива, то не было бы и нацио-

114

нал-социализма. Гитлер начал свою политическую деятельность в мюнхенских пивных, где сперва выступал как агитатор-одиночка, а затем как глава созданной им партии. Идеи реванша, воинственные призывы к походам на Запад и на Восток, погромные выкрики, заклинания, начинающиеся словами: "Мы, немцы", или "Мы, солдаты", имели особенный успех в возбужденной атмосфере пивных". Не только эти призывы и выкрики, но и просто драка ("частенько их оружием были пивные кружки") служили средствами воздействия на окружение. Или (из дневника Йозефа Геббельса): "Там я выступаю. Перед порядочными парнями. Это Бавария. Верность и пиво".

Итак, общность речевых ситуаций, которые порождают особенности речевого поведения и риторики, налицо. Именно поэтому все выводы исследования Эриксона справедливы для речи как Гитлера, Геббельса, так и других харизматических лидеров того же толка. Уровень первых слушателей — уровень улицы и пивной — диктует соответствующий выбор средств и приемов риторического воздействия, речевого поведения.

Сформированная модель поведения и риторики далее употребляется в массовой аудитории, перед толпами слушателей и оказывается не менее действенной, так как

ориентирована на примитивное восприятие, на низкий уровень массы, на биологическое в человеке. Такая риторика обращена не к разуму и даже не к чувству, а скорее к инстинкту, не к *Homo sapiens*, человеку разумному, а к *Homo erectus*, человеку прямоходящему. Главный принцип, структурирующий систему взглядов, общее и речевое поведение харизматического лидера, есть борьба. "Как оратор — удивительное триединство жеста, мимики и слова, — пишет Геббельс о Гитлере в дневнике 1926 г. — Прирожденный разжигатель. С ним можно завоевать мир". Последней же фразой Гитлера — фразой, которой кончалось его политическое и личное завещание, продиктованное 29 апреля 1945 г. накануне смерти, была автоцитата из "Майн кампф": "Цель остается все та же — завоевание земель на Востоке для немецкого народа". Данная фраза, сказанная в этих обстоятельствах, выдает истинное лицо автора (начинается завещание с характерного демагогического, утверждения

115

о том, что Гитлер никогда не желал войны и был миротворцем). Речь и риторика Гитлера как лидера и, соответственно, риторического образца логосферы фашизма — это прежде всего риторика борьбы во всех мыслимых формах и проявлениях последней. Принцип борьбы определяет и систему взглядов, и программу, и речь (риторику и речевое поведение) фашизма (не забудем, что название "библии фашизма" — "Майн кампф" — "Моя борьба").

Вероятно, справедливо и более общее суждение: этот принцип борьбы определяет и "риторическое лицо" любого лидера харизматического типа, начиная с акустики его речи и кончая ее смысловой структурой. Об этом подробнее будет сказано ниже.

Вторым структурообразующим принципом речи харизматического лидера, связанным с первым и вытекающим из него, является причудливое и даже парадоксальное сочетание монологичности по содержанию (отношение к адресату — массе, толпе — как к объекту манипулирования, как к вещи) и диалогичности по форме (необходимость для оратора в постоянной поддержке, одобрении со стороны аудитории, имитация в речи отношений равенства со слушателем). Это сочетание — как бы некая "ненависть-любовь", "презрение-зависимость", которыми оратор накрепко прикован к своей аудитории. С одной стороны, он презирает ее как нечто низшее по отношению к себе и использует для манипулирования ей, для подчинения ее себе средства, которые сам осознает как инструменты воздействия. С другой стороны, он полностью зависим от реакции толпы. Образуется двойная связь: лидер властвует над толпой, но и она властвует над ним. Только установление именно этих отношений взаимозависимости в речевом акте и создает подлинного харизматического лидера. Эти отношения, создаваемые именно речью, возникающие в процессе ораторской деятельности, есть отношения эмоциональные, даже чувственные: ОН любит в толпе СЕБЯ, толпа же любит ЕГО в себе. Эти отношения взаимозависимости и борьбы приводят к тому, что ораторское выступление принимает оргиастический характер и даже напоминает половой акт, в котором лидер выполняет мужскую, а масса — женскую роль, в ко-

116

тором эмоциональное возбуждение постоянно нарастает до кульминации — экстаза, победы. Но эта ораторская победа лидера-завоевателя все же никогда не бывает окончательной. Каждый раз все должно повторяться снова.

Лекция 10

РИТОРИКА ФАШИЗМА: ОБЩЕЕ ОПИСАНИЕ

1. ЗНАЧЕНИЕ ОРАТОРСТВА В ЛОГОСФЕРЕ ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ

Как и в среде уличных подростков (вспомним исследование Эриксона), так и для становления харизматического лидера фашизма риторическое, ораторское мастерство представляет собой "особый дар" и имеет ни с чем не сравнимую значимость. Публичная речь — здесь не столько речь в обычном понимании этого слова, сколько *show*, самодемонстрация. *Словулица* и *государство* сталкиваются в самом тексте "Майн кампф": "Мы должны доказать марксизму, что будущий господин улицы — национал-социализм, и точно так же он однажды станет господином государства". В этой фразе обозначены начальная и конечная точки пути нацистского главаря: от "господина улицы"

— к "господину государства". А пройти этот путь можно только с помощью ораторства. Сравните с этим высказывание негритянского подростка-лидера, приведенное в предыдущей лекции из работы Эриксона: "You have to walk that walk and talk that talk" ("Ты должен пройти этот путь и сказать эту речь"). Это путь к господству над улицей. Германские уличные главари пошли дальше. В чем же проявляется это ни с чем не сравнимое значение ораторства в логосфере и политической жизни фашизма? В фашистской Германии речи лидеров продолжаются в течение поразительно длительного времени. Два, три,

117

даже четыре часа — нормальная продолжительность экстатического общения лидера с толпой. Кажется, что, по суждениям самих "фюрерствующих", чем дольше может оратор продержаться аудиторию в состоянии неистового возбуждения, тем выше ценится и его речь, и он сам, тоже оцениваемый по качеству своей речи. Обратимся к дневнику Геббельса.

"22 августа 1924. В Вюрцбурге выступал яростный и фанатичный Юлиус Ш. (Штрейхер). За четыре часа он так взвинтил своей страстностью толпу, что она спонтанно запела германский гимн... Вот так вынуждены мы, апостолы новой идеи, пробуждать народ..." Далее: "Фриц Пранг говорит, что я прирожденный оратор" — этой похвалой после первого же выступления решилось для Геббельса — с чего начать".

"27 сентября 1924. Я сам сотворю свою славу... Моя слава как оратора и политико-культурного писателя распространяется в рядах национал-социалистов всей Рейнской области... Хайль!"

"27 апреля 1925. Я произношу блестящую речь. Эльзе сидит в первом ряду... Она очень любит меня. О, какая радость!"

"13 апреля 1926. Вечером прибытие в Мюнхен... Гитлер уже здесь. Мое сердце стучит, готовое разорваться. В зале. Неистовое приветствие... Штрейхер открывает. И затем я говорю 2 и 1/2 часа. Я выдаю все. Неистовствуют и шумят. В конце меня обнимает Гитлер. Слезы стоят в глазах... После обеда продолжение... Приходит Гитлер... Он говорит 3 часа. Блестяще. Может свести с ума... Мы спрашиваем. Он отвечает блестяще. Я люблю его".

Теперь рассмотрим в текст "Майн кампф".

"Широкие массы покоряются только мощи речи", только "колдовской силе устного слова". Ораторский дар Гитлер открыл у себя, как следует из этого текста, еще в школьные годы. Однако первые опыты — попытки произносить речи против социал-демократов в Вене перед рабочими, со строительных лесов, — не были успешны: рабочие чуть было не сбросили его оттуда. Но время шло, и ораторский талант и мастерство оттачивались на практике. Удач становилось все больше, хотя бывали и неудачи. Так, Геббельс в дневниковой записи 1931 г. отме-

118

чает (после выступления Гитлера в Берлине): "Перекричал самого себя... Он слишком редко выезжает в Берлин. Это должно было ему отомстить. Ах, дорогой Гитлер... Она (Магда) бесконечно любит меня. Бесконечно разочарована в Гитлере". Неудачная речь — и немедленное падение престижа, привлекательности для соратников.

Чем напряженнее ситуация политической борьбы, тем чаще выступления. Записи Геббельса:

"29 февраля 1932. Избирательная война будет вестись в основном плакатами и речами... Будет выпущено 50 000 экземпляров граммофонных пластинок (с записями речей). Эта пластинка так мала, что ее можно послать в обычном конверте".

"18 марта 1932. Решающая новость: фюрер использует для ближайшей предвыборной кампании самолет и будет выступать по три-четыре раза в день, по возможности на открытых площадках, на стадионах. Там он сможет, несмотря на краткость оставшегося времени, охватить около 11 миллионов человек".

Самое, пожалуй, интересное и важное для характеристики ораторской деятельности и истории риторической жизни Третьего рейха — это то, что, даже получив всю полноту власти, германский харизматический лидер не перестает ораторствовать. Проследим главные вехи на этом пути по названной выше книге Елены Ржевской.

"13 февраля 1941. Моя речь во Дворце спорта получила блестящий резонанс. Это не

дает покоя д-ру Дитриху".

"18 марта 1941. Фюрер произносит замечательную речь. Полная уверенность в победе также и над США".

"После сталинградской катастрофы Геббельс выступил в огромном Дворце спорта 18 февраля 1943 г. с пламенной речью, вызвавшей экстаз публики. Он призывал немцев ответить на тяжелые события тотальной войной. Речь имела широкий резонанс в стране и подняла авторитет министра пропаганды, несколько отодвинутого войной в тень". В показаниях Ганны Рейч, фанатичной нацистки, бывшей рядом с Гитлером и Геббельсом в бункере с 26 апреля 1945 г., читаем, что и когда ампулы с ядом уже были розданы, Геббельс, находясь один в кабинете, куда была открыта дверь (Рейч была при этом в смежной комнате), непрерывно ораторствует наедине сам с собой. Он

119

произносил обвинительную речь предателю Герингу, говорил "потенциальному, с усвоенными жестами и ораторскими приемами". "Нервное скакание, смешная картина. А то, обращаясь к миру, он говорил о том, какой исторический пример дают находящиеся в бункере... Казалось, он ведет себя, как всегда, так, будто говорит перед легионом историков, жадно ловящих и записывающих его слово".

И в самом деле жаль, что эта речь осталась не записанной. До превращения оратора в обугленный труп, брошенный в саду фюрербункера, оставалось 5 дней.

Ораторство вошло в плоть и кровь нацистских лидеров. Инструмент победы и власти, нацистская риторика стала и наркотиком, облегчающим гибель, как укол морфия. Обилие речей, подлинная страсть к монологу, чувственное удовлетворение от публичного говорения, ораторства — неотъемлемые характеристики фашистских лидеров. В мемуарах близких к Гитлеру людей — Альберта Шпеера, Отто Дитриха и других — отмечается как одна из важнейших, "структурообразующих" черт личности Гитлера "речевой эгоизм" (Redeegoismus). Как свидетельствует Отто Дитрих в книге "12 лет с Гитлером" (Мюнхен, 1955): "Гитлер был неистощим в речах: говорение было стихией его существования"; "его приверженность к коллективным застольям была выражением его неутолимой жажды к принудительным проповедям" (цит.: Фрадкин И. М. Гитлер: Словесный автопортрет // Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. — М., 1993). Итак, "говорение как стихия существования" — вот принцип устройства личности фашистского лидера. (К тому же выводу приходят и исследователи речевого поведения Муссолини.)

2. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПОЛЯ И КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. СИСТЕМА ФРАЗ КАК ОТРАЖЕНИЕ СИСТЕМЫ ВЗГЛЯДОВ

Рассмотрим ключевые слова, структурирующие логосферу германского фашизма. Ключевые слова, как мы заметили в предыдущих лекциях, могут многое сказать о структуре системы идей и взглядов как социума в целом,

120

так и отдельной личности, если анализируются ключевые слова идиолекта и индивидуального тезауруса. Ключевые слова существуют в логосфере и в идиолекте не поодиночке, но образуют вокруг себя "субсферы", объединения близких по значению слов-понятий. Эти "субсферы" называют семантическими полями. Структура логосферы во многом (в смысловом аспекте) определяется набором и иерархией семантических полей, "стянутых" вокруг центров — ключевых слов.

Важнейшим ключевым словом в риторике фашизма можно считать слово *борьба*. В этом логосфера фашизма сходна с логосферой коммунизма в его марксистском, ленинском и сталинском вариантах. Центр семантического понятия "борьба" образует синонимический ряд слов *война*, *битва*, *насилие*, *драка* и др. В это же семантическое поле входят ряды слов с общим значением "враг", "победа", "нападение", "предатель", "оружие". В логосфере германского фашизма эти понятия представлены часто конкретной лексикой и словами с метафорическим значением. Сравним нацистские лозунги: "Ночь длинных ножей" (ночь кровавой резни, расправы над сотнями людей, учиненной фюрерами С А и штурмовиками, с помощью которых Гитлер пришел к власти); "Меч, занесенный на Москву" (ржевский выступ 1941—43 гг.); "Волчье логово" — ставка Гитлера этого периода: волк — хищник, кровавый и беспощадный; "Отточенным мечом и кровавой борьбой

вернуть территории"; будущее немецкой нации "будет основано победоносным мечом господствующего народа, ставящего весь мир на службу своей культуре" ("Майн кампф") и др. Идеология и риторика нацизма представляют войну (борьбу) как вечное состояние всего живого, в том числе и человека, а мир как подготовку к войне. Ср. лозунг англофашиста в романе Дж. Оруэлла: "Война — это мир".

Второе семантическое поле образовано ключевым словом *раса* и семантическими центрами *народ*, *нация*, *кровь*. Из этой иерархии ключевых слов и семантических полей ясно, что основной "единицей" социальной жизни (т. е. *борьбы*) в идеологии немецкого фашизма является не класс (как в марксизме-ленинизме), а именно *раса* — сообщество близких по крови людей. Кровь, происхождение,

121

раса — понятия биологического, антропологического круга. С полной уверенностью можно сказать поэтому, что идеология немецкого фашизма основана на вульгарно понятом дарвинизме, на основном понятии дарвинской теории — "борьбе за существование", распространенном на человека и человеческое общество. Основным субъектом борьбы в идеологии и риторике нацизма выступает не класс, в отличие от марксизма, не вид, в отличие от дарвинизма, но *раса*, *нация* (ср. термин *национал-социализм*). Ср. фразы в "Майн кампф": "Грех против крови и расы — наследственный грех этого мира и конец предающегося ему человечества". Каждая *раса* "четко определена наружно и внутренне соответственно своей природе". Основатели и носители культуры — только "арийцы".

Семантическое поле, собранное, стянутое вокруг понятия "расы" как кровного единства людей, и семантическое поле, объединенное ключевым словом *борьба* (*война*, *насилие* и пр.) в совокупности определяют необычный интерес нацистских идеологов и практиков к реалии, понятию и слову *кровь* в его прямом значении. Кровь пролитая, кровь льющаяся возбуждает и волнует нацистских лидеров, как хищников, родство с которыми для подлинного арийца постулируется в нацистской идеологии. Ср. записи из "Дневника" Геббельса: "Убийство! Первый признак бури! Семя крови, из которого взойдет новый рейх!" Или: "1 мая 1929. Без кровопролития не обойдется", "2 мая 1929. Еще ночью произошли кровавые события", "23 сентября 1929. Да, пролилась кровь" и т. п. Всякий раз при таких записях в дневнике из контекста следует, что появление крови вызывает у автора удовлетворение и даже радость, хотя на первых порах пути к власти это нередко кровь единомышленников, товарищей по партии.

Третье ключевое слово-понятие в риторике нацизма — *превосходство*. Это слово организует вокруг себя понятия и слова-термины иерархии. Мир людей разделен на *расы*, как мир животных и растений — на виды. Однако Гитлер по-своему поправляет Дарвина: *расы* людей не равноправны. Если хищные и травоядные в мире животных необходимы друг другу и в этом смысле равноправны, то человеческие *расы* делятся на "высшие" и "низ-

122

шие", причем верхние члены этой иерархии вовсе не зависят от нижних. Хищник зависит от жертвы. Высшая *раса* вовсе не нуждается в низшей: даже рабы не так уж необходимы, а если и нужны, то только на первых этапах освоения пространства. Более того, низшая *раса* мешает, даже будучи поработанной. В ней всегда таится угроза, она занимает пространство. Поэтому аналогия с миром животных отнюдь не полна: низшие *расы* обречены на уничтожение, тогда как жертвы в мире зверей необходимы, чтобы жили хищники. К семантическому полю иерархии относятся слова-понятия, выражающие термины иерархии: *господа* и *рабы*, *высший* и *низший* и т. д.

Приведем подтверждающую цитату из дневника Йозефа Геббельса 1924 г.: "Разве природа не чудовищно жестока? Разве борьба за существование — между человеком и человеком, государствами, расами, частями света — не самый жестокий в мире процесс? — Право сильного — мы должны вновь явно увидеть этот закон природы, и тогда вновь разлетятся все фантазии о пацифизме и вечном мире... Нынешний мир заключен за счет Германии. Рассуждайте о мире, когда 60 миллионов живет в рабстве. Неужто 60 миллионов не сломают ваше ярмо, как только почувствуют в себе силы? Что вы болтаете о пацифизме? Разве- мы не хотим вернуться к природе? Проповедуйте пацифизм перед тиграми и львами! (Заметьте ряд слов: *сильный*, *сила*, *львы* — сильные, хищные

животные.) Что ж ты хочешь от меня, если я сильнее?"

В идеологии марксизма-ленинизма-сталинизма борьба классов оправдана иерархией классов. Где у нациста раса, там у марксистов класс. Классы, как и расы в идеологии фашизма, неравноправны, что фиксируется в марксистской идеологии соответствующей иерархией: "диктатура пролетариата" оправдана и необходима, так как именно пролетариат — господствующий класс, имеющий право на господство. Это право — и право сильного, и право "справедливости". Вопрос о праве и справедливости — вопрос особый и тонкий, и различия фашистской и марксистской риторики и идеологии в этом аспекте существенны, о чем скажем несколько позже подробнее, в связи с вопросом об отношении к истине в обеих риториках, марксистской и фашистской. Здесь отметим

123

I. i

только, что единственное право, которым интересуется нацизм, — право сильного и право сильной ("хищной") расы. Вопрос о справедливости в других контекстах — а о правде и вообще — в этой идеологии и в этой риторике не встаёт, и не только не поднимается, но специально и целенаправленно игнорируется. Это объясняется тем, что "зоология" нацизма — идеология "зверочеловека", по словам Е. Н. Трубецкого, не предполагает интереса к истине, правде и подобному, поскольку понятия этого ряда "небиологичны", а принадлежат иному кругу — кругу "собственно человеческого", кругу идей, разума, нравственности, кругу тех понятий, которые объединяются ключевыми словами "добро и зло". Редкие употребления слова *правда* и подобных встречаются в агональных контекстах: "Гитлер произнес прекрасные слова: "Мы — подстрекатели правды".

Четвертое ключевое слово и соответствующее семантическое поле — *территория*.

Борьба за существование между расами людей происходит, по нацистским представлениям, прежде всего за территорию. Отсюда важность близких по значению слов-понятий, образующих смысловое поле: *земля, почва, пространство*. Вспомните в связи с этим последнюю фразу Гитлера — авторскую цитату из "Майн кампф", последние фразы его политического завещания. В них, как заклинание, повторяется слово *земля*: "Завоевание земель на Востоке для немецкого народа".

Пятое и последнее семантическое поле, определяющее смысловую структуру логосферы немецкого фашизма, — *пол*. Это понятие относится к тому же биологическому уровню, что и предыдущие. Человек, как всякое животное, размножается, и это прекрасно, если он представляет сильную (арийскую) расу, и отвратительно и опасно, если он относится к любой иной расе. О специфическом значении слова *любовь* в логосфере фашизма и в идиолекте Гитлера мы говорили в предыдущей лекции. Здесь заметим только, что иерархия — ведущий принцип риторики и идеологии нацизма — распространяется и на отношения полов. Полом вообще нацизм интересуется болезненно. Компенсируя свои физические недостатки, фашистские лидеры акцентировали проблему пола, не-

124

обычайно их волнующую. Геббельс, стремясь, как министр пропаганды, представить образец арийской семьи, стал отцом шестерых детей, в полном соответствии с пропагандируемой им идеологией. Однако и здесь риторика фашизма помогает открыть его идеологию. Пол и размножение, безусловно, важны, но превыше всего все же иерархия, в данном случае — иерархия полов:

"7 октября 1929. Мужчины обабились. Мы, немногие мужчины, можем поэтому принести немало пользы", — пишет в дневнике Геббельс, повторяя расхожие нацистские фразы.

Мужчина есть иерарх: он силен, он зоологический глава — самец и защитник в своей семье и для своей расы, он же — беспощадный враг, "хищник" по отношению к расе чужой. Функция мужчины — умножать свою расу и обеспечивать ей жизненное пространство в боях с чужими (низшими) расами. Свойства мужчины — жестокость, решительность, борьба. Ср. запись Геббельса в дневнике: "29 марта 1932. Фюрер развивает совсем новые мысли о нашем отношении к женщине. Для предстоящих выборов это чрезвычайно важно... Мужчина — организатор жизни, женщина — его помощник и исполнительный орган. Эта точка зрения современна и поднимает нас высоко над сентиментализмом немецких народников". Термины государственного устройства распространяются и на отношения полов.

Терминология пола обильно и вполне естественно, если учесть сказанное об особом отношении оратора и массы в нацистской логосфере, употребляется в нацистских текстах применительно к отношениям лидера и народа (массы), оратора и толпы (аудитории): так, в текстах дневников Геббельса фюрер нередко упоминается в таких контекстах, где трудно отличить страсть к женщине от страсти к самому фюреру.

"6 февраля 1926. На моем столе ряд новых портретов Гитлера. Восхитительно!.. Тоска по сладостной женщине!"

Или из "Майн кампф": "Как женщина, которая... из-за иррациональной, чисто эмоциональной тоски по дополняющей ее силе охотней склонится перед сильным, чем будет господствовать над слабым, так и масса предпочитает господина, а не просителя".
125

Итак, анализ важнейших ключевых слов и семантических полей логосферы фашистской Германии позволяет заключить, что и эта логосфера, и связанная с ней идеология прежде всего представляют систему биологических понятий, заимствованных из примитивно понятой теории дарвинизма и дилетантски осмысленных отрывочных фрагментов зоологического знания. Напротив, идеология марксизма оперирует понятием класса как 'основной единицы социальной системы и субъекта борьбы в человеческом мире, и соответственно, видит все же в человеке нечто человеческое, а точнее, не зоологическое. Именно поэтому столь различны смысловые (семантические) поля и ключевые слова в сопоставляемых ло-госферах. Главное ключевое слово логосферы тоталитарного общества в России — *правильно* — подразумевает аксиологию, истинность идеи и речи и во всяком случае ставит вопрос об отношении речи и содержания сознания к онтологии, существу. В риторике и идеологии фашизма в Германии этого вовсе нет. Разум, истина, а соответственно, правильное и неправильное — это не та терминология и не тот уровень обсуждения, не те семантические поля, которыми оперирует нацистская риторика и фашистский харизматический лидер.

3. РИТОРИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ И ПРИЕМЫ МАНИПУЛИРОВАНИЯ МАССОВОЙ АУДИТОРИЕЙ В НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ

Выделив эти принципы и средства, выстроив их иерархию по значимости в данной конкретной логосфере, мы получим представление и о внутренней структуре, и о внешнем облике, своеобразии этой логосферы. Как мы увидим, наш пример даст возможность некоторых обобщений, так как с его помощью мы сможем получить некое общее представление о системе структурирующих риторических принципов и о системе конкретных риторических средств логосферы "анонимного" тоталитарного агрессивного сообщества, отвлеченного от его реальных исторических проявлений.

1. Упрощенность ("редукция смысла"). В соответствии с общериторическими законами, требование учета

1

126

"фактора адресата" в фашистской риторике, обращающей речь к широким массам слушателей, выполняется в постулировании и практическом выполнении не принципа простоты, но именно упрощенности речи как по смысловому содержанию, так и по форме (образы и структура речи). Принцип упрощенности речи действует как вполне осознанный, отрефлектированный нацистскими пропагандистами. Потому мы говорим о том, что он ПОСТУЛИРУЕТСЯ. Фашистские ораторы не только ОСОЗНАЮТ важность этого принципа для обращения речи в действенное орудие и оружие, но и находят, заново "изобретают" вполне конкретные пути его реального ИСПОЛНЕНИЯ. Потому можно говорить и о "практике упрощенности речи" в нацистской риторике. В самом деле, оратор в речевых ситуациях "проповедования на площади" использует речь как действенное орудие влияния на широкую массу (при массовом адресате аудитория "по определению" разнородна, разнообразна и по возрасту, и по интересам, и по уровню интеллекта и информированности). Сложная по смыслу, образности, структуре речь в этом типе речевых ситуаций не годится: она не будет действенной.

Вспомним запись Йозефа Геббельса в дневнике 1924 г.: "Надо заново найти для всего простые слова, иначе мысли сбиваются..." Нацистский оратор прежде "находит простые слова" в своей внутренней речи, а затем обращает их к массе. В "Майн кампф" читаем,

что масса "в глубине души принимает учение, которое не терпит рядом с собой никакое другое, чем дозволенность либеральной свободы, с которой она не знает, что делать, и легко теряется". Действительно, в речи оратора "либеральная свобода", при которой для рассмотрения и оценки предоставляются разнообразные варианты выбора, для широкой массы, с точки зрения фашистского оратора, неприемлема в первую очередь именно потому, что требует от нее (массы) некоей самостоятельной работы — труда мысли и чувства. Эту работу призван сделать за массу лидер (оратор), "найдя простые слова", а значит, упрощая картину и делая выбор первым и самостоятельно. Масса, в данной риторической и социальной модели, с благодарностью принимает "результаты", так как они избавляют

127

ее от лишних усилий. "Плюрализм" с этой точки зрения приемлем для массы тогда, когда одна из позиций выбирается и навязывается лидером как единственно верная, а значит, неприемлем в принципе. Поэтому Гитлер в "Майн кампф" и пишет: "Способность восприятия масс очень ограничена и слаба. Принимая это во внимание, всякая эффективная пропаганда должна быть сведена к минимуму необходимых понятий, которые должны выражаться несколькими стереотипными формулировками". Итак, первая задача — найти минимальный набор понятий для своей (предлагаемой) идеологии.

Вторая задача — найти для этих понятий стандартные формулы выражения: клише, штампы, стереотипы, легко узнаваемые и опознаваемые в ораторской речи.

Эти задачи построения речи, которая должна служить эффективным средством воздействия на массу, манипулирования ею, совпадают с общими принципами, регулирующими поведение харизматического лидера — дать новую и хорошо структурированную информацию. Однако есть и специфика: и информация (набор понятий), и ее структура (способ представления) должны быть УПРОЩЕНЫ, т. е. а) минимизированы и б) стандартизированы.

Какие же специальные риторические средства используются в этой риторической модели для выполнения задачи упрощения речи, смыслового и формального?

Это, во-первых, фигура антитезы и прием контраста.

Минимизировать набор понятий можно легче всего, выделив в нем две основных смысловых противоположности, "бинарную оппозицию" смысловых величин. Например, в фашистской риторике: *господствующая/ подчиненные расы, арийцы/ неарийцы, сильный/ слабый, здоровый/ больной, нацизм/ коммунизм* и пр. Из ряда понятий, связанных по смыслу, таким образом, выбираются два противопоставленных, а остальные "опускаются", игнорируются.

Продолжим для иллюстрации начатую выше цитату из "Майн кампф": "Самое главное... — окрашивать все вещи контрастно, в черное и белое".

"Плюс-минус", "черное-белое", т. е. бинарные оппозиции, противопоставления — вот основной принцип

128

структурирования идей в риторике тоталитаризма: нет разных мнений, нет полутонов, наличествует простота и определенность. Принцип контраста, антитезы, общий для самых разных риторических систем и моделей воздействия, в рассматриваемой логосфере тоже имеет свою специфику: выделяются не просто антитезы-противопоставления, но каждый из членов бинарной оппозиции обязательно оценивается: один — "плохой" (черное), другой, противоположный, — "хороший" (белое). Таким образом, и здесь доминирует некая иерархия, неравноценность.

То же, впрочем, мы находим и в текстах речей И. Сталина. Например, в "Речи на первом съезде колхозников-ударников": "Стало быть, есть только два пути: либо вперед, на гору — к новому, колхозному строю, либо назад, под гору — к старому, кулацко-капиталистическому строю. Третьего пути нет" (*Сталин И. Соч. — Т. 13. — М., 1951*).

В приведенном фрагменте противопоставлены члены нескольких пар-антонимов: *вперед — назад, на гору — под гору, новый — старый, колхозный — кулацко-капиталистический*. Первые члены противопоставлений выражают положительную оценку, вторые — отрицательную. "Промежуточных" членов нет.

Этот важнейший в риторике фашизма принцип упрощенности смысла речи действует,

однако, не только в логосфере фашизма, но и вообще принят в политическом дискурсе, особенно в речи лидера харизматического типа. Так, немецкий лингвист М. Граффенхаген, директор Института политических наук в Штутгартском университете, в работе 1980 г. приходит к выводу о том, что "большую роль в политической речи играют хорошо сформулированные альтернативы. Они дают возможность исключить из рассмотрения все иные способы решения проблемы, кроме предлагаемого. Все крупные революционные идеологи добивались успеха за счет простых альтернатив, которые легко понимались, хорошо запечатлевались в сознании, служили мотивом деятельности (ср., например, alles oder nichts "все или ничего"... rot oder tot "красный или мертвый")" (Борьба за слова: Политические понятия в дискуссиях (введение) — Мюнхен, Вена, 1980. Цит. по кн.: Язык и идеология. Рефератив-

5 Русский Сократ
129

ный сборник. — М., 1987). Процесс смыслового упрощения в таком дискурсе автор называет "редукцией комплексности".

2. **Повтор.** Характер адресата (массовость) и особенность отношения лидера к адресату (предполагаемая в последнем примитивность восприятия) определяют и необходимость в описываемой риторической модели фигуры повтора. Принцип "бесконечного повторения" одного и того же сформулирован как одна из основ пропаганды в "Майн кампф" и воспринят соратниками Гитлера. Так, Геббельс в дневнике пишет: "3 января 1940. Фриче (руководитель германского радиовещания) до сих пор не понимает необходимость повторения в пропаганде. Надо вечно повторять одно и то же в вечно меняющихся формах. Народ в основе очень консервативен. Его нужно полностью пропитать нашим мировоззрением через постоянное повторение".

Итак, фигура повтора в самых различных ее разновидностях, а также смысловой повтор при изменении формы выражения (перефразирование) — одно из действенных и действующих в тоталитарной риторике средств "обработки" массового сознания.

3. **"Враг"**. Сочетание в фашистской риторике принципов атональности (борьбы) и упрощенности (бинарности представления смыслового содержания, контраста, оценочности) проявляется в неизбежном следствии — необходимости упрощенного, единого "образа врага" и в идеологии, и в порождаемой ею "системе фраз" — в политической речи.

В "Майн кампф" читаем: "Искусство действительно великого народного вождя во все времена состоит в первую очередь в том, чтобы не распылять внимание народа, но постоянно концентрировать его на единственном противнике". "Гениальность великого вождя должна даже противоположных друг другу врагов представлять только как принадлежащих к одной категории... В сознании наших приверженцев борьба должна вестись только против одного врага. Это усиливает веру в собственную правоту и озлобленность против тех, кто на нее покушается".

Таким образом, видно, насколько в риторике фашизма осознанно, отрефлектированно происходит "обработ-

130

ка понятийного содержания идеологии и представляющей ее пропаганды, политической речи: из ряда реальных, потенциальных или воображаемых врагов выбирается один: евреи, марксисты или католическая церковь ("Майн кампф"). Так, в публичном воззвании к национал-социалистам Гитлер, уже рейхсканцлер, перед выборами . в рейхстаг пишет в феврале 1933 г.: "Враг, который 5 марта должен быть низвержен, — это марксизм! На нем должна сосредоточиться вся наша пропаганда и вся наша предвыборная борьба".

4. **Апелляция к чувству и убеждение с помощью веры.** Для риторики фашизма и для речи харизматического нацистского лидера характерна асимметрия в соотношении аргументов ad rem и ad hominem. В этом отношении Гитлер и его соратники как бы полностью принимают позицию софистов, выраженную в риторических взглядах Горгия. Риторика — мастер убеждения с помощью веры, а не знания, с помощью обращения к чувствам, а не к разуму — такова позиция Горгия в одноименном диалоге Платона. В самом деле, Гитлер в "Майн кампф" постоянно напоминает: "Чем скромнее ее (пропаганды) научный балласт, чем исключительнее она принимает во внимание только чувства массы, тем полнее успех", — или подчеркивает, что необходимо учиться даже у

враждебной католической церкви влиять на людей: имеет значение и обстановка, и ритуал, "даже время дня, в которое произносится речь". "Предпочтительнее вечер, — комментирует свои наблюдения над текстом "Майн кампф" Е. Ржевская, поскольку утром человек бодрее, энергичнее, а "речь идет об ослаблении свободной воли людей", которых нужно подчинить "властительной силе сильнейшей воли". Таким образом, манипулирующий характер как софистической, так и фашистской риторики проявляется в воздействии на чувство и волю адресата, тогда как свободная риторика, отказываясь от манипулирования, видит в адресате достойного и в принципе равного партнера — равного, т. е. обладающего разумом и интеллектом. Риторика же фашизма прежде всего стремится достигнуть фидеистического (основанного на вере) согласия массы.

131

Недаром апелляция к чувству и направленность на веру адресата сделала фашизм чем-то родственным религии, постепенно же нацизм как новая вера утвердился прочно и вошел в прямой антагонизм с католичеством и церковью.

"Лишь духом, а не рассудком" призывал Геббельс побеждать. "Худший враг любой пропаганды — интеллектуализм", — пишет Гитлер в "Майн кампф".

"Новая религия" — национал-социализм — требует проповеди. Масса; толпа получает, однако, не просто и не столько проповедь, сколько оргиастическое действие:

пробужденные чувства толпы, которой манипулирует нацистский оратор, доводят обоих — говорящего и массу — до безумия: "10 февраля 1933 г. ... Фюрер был принят неистовой овацией. Он произнес изумительную речь с резкими нападками на марксизм. В конце он впал в редкий, неправдоподобный ораторский пафос и закончил словом "аминь!"

4. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНСТИНКТОВ ТОЛПЫ

,и

Обращение не только и не столько к чувствам, но именно к примитивным инстинктам толпы в риторике нацизма осуществляется при осознанном использовании следующих основных инстинктов "зверчеловека, объединенного в массу".

1. Потребность в социальном сплочении. Человеческий индивид испытывает экстатический восторг, ощущая себя членом группы. Древние механизмы создания этого особого воодушевления — общность ритма движения, песни. В "Майн кампф" Гитлер поэтому утверждает: "Массовые собрания необходимы", чтобы человек ощутил, что он "член и боец всеохватывающей корпорации". На таком собрании человек "захвачен мощным воздействием внушающего гула и воодушевления трех-четырёх тысяч других людей... Он сам подпадает под колдовское влияние того, что мы обозначаем словом "самовнушение" ... Человек, пришедший на такое собрание сомневаясь и колеблясь, покидает его внутренне укрепленным: он стал членом сообщества".

132

Как видим, сама массовость действия, объединяющего толпу единым чувством и единым ритмом, выступает как фактор убеждения.

2. Удовлетворение инстинкта пола в нацистской риторике с помощью отождествления оратора с "мужским", а толпы — с "женским" началом. Это происходит в процессе массового действия — слушания публичной речи политического лидера. Кроме того, лидер, как бы олицетворяющий мужественность, постоянно внушает толпе, что и каждый ее член, объединяясь с ним, выполняет роль "сильного мужчины" или ("сильной женщины"). Все же противники, все враги—"слабые", "бабы".

Парадоксальность этого странного сочетания не делает его менее реальным.

Для "обаяния" харизматического лидера нацизма — Гитлера — характерно не менее парадоксальное сочетание "женского коварства", "капризности", как *бы*

"непредсказуемости" в отношениях со своими ближайшими соратниками, которых он таким образом и привлекал, и держал в постоянном напряжении, подобно кокетливой женщине, с претензиями на роль "сильного мужчины" — социальную и речевую.

"Потрясающая духовная личность, — пишет о Гитлере Геббельс. — Никогда не знаешь, что ждать от его своенравия". "Не одному лишь Геббельсу импонирует своенравие Гитлера, — замечает Е. Ржевская, — оно тоже входит в набор представлений его окружения о диктаторе, который должен быть непознаваем".

"Гитлер был виртуоз власти, — писал М. Штюрмер. — Он умел сочетать ледяное отчуждение и экстатическое объединение. Эта двойственность была инструментом его власти. Он сохранял дистанцию со всеми: с собственной партией, с традицией, с

политикой, с армией, с церковью и промышленностью. Никто из помощников и сообщников не знал, как он его встретит завтра: ни старые товарищи, ни черные паладины, ни дамы из общества, ни генералы". Сравним это наблюдение с выводом Ф. Эрик-сона о стратегиях риторического (речевого) поведения лидера группы подростков: в воздействии на слушателей он тоже использует две стратегии — "стратегию отстранения", "холодного манипулирования" и (или) стратегию

133

"искреннего", "доверительного" самораскрытия ("стратегию близости"). Такое сочетание противоположных стратегий характерно для обаяния и кокетливой женщины, и харизматического лидера.

3. Потребность в доминировании и власти. Люди толпы, массы, собираясь для слушания речей нацистских лидеров, кроме всего перечисленного, упивались также и иллюзией "приобщения к власти", которую умело создавали у них фашистские главари-ораторы. С помощью "формул идентификации" (*Мы, немцы... Мы, солдаты*, пр.) и других приемов оратор как бы "делился" своей властью с толпой или приобщал ее к своему желанию завоевать власть. Обещания господства над миром, постоянные напоминания в речи о том, что слушающие принадлежат к "сильной" расе, арийцам, призванным властвовать и имеющим естественное право властвовать, что они господа "по праву" крови, прирожденные властители, постоянные указания на "низшие" расы как на рабов, настоящих и будущих, непрерывное внушение превосходства — все это было сильнейшим соблазном для "маленького человека" с неудовлетворенной потребностью власти. Для удовлетворения именно этой потребности и служили преимущественно те термины иерархии, на которых мы останавливались в прошлой лекции, анализируя семантические поля и ключевые слова нацистской риторики.

Итак, можно заключить, что риторика фашизма "убеждает с помощью веры" (*Платон*. Горгий) и манипулирует адресатом, апеллируя не к разуму, а прежде всего и почти исключительно к чувствам и примитивным инстинктам. В связи с этим выводом отметим, что средства убеждения в речах И. Сталина значительно отличаются: в них используются как раз прежде всего рациональные аргументы, правда, довольно примитивные и во всяком случае всегда упрощенные, чтобы быть понятыми широкой массой.

5. ДЕМАГОГИЯ

Демагогия для фашистской риторики, как и вообще в тоталитарной риторической модели, не исключение, а правило. Сравните хотя бы начало и конец "завещания"

134

Гитлера, о котором говорилось в прошлой лекции: начинается оно с утверждения о миротворческой цели и роли автора, а кончается цитатой из "Майн кампф", вновь призывающей к завоеванию земель на Востоке для Германии.

Лекция 11

СТРУКТУРА РИТОРИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ФАШИЗМА

1. РИТОРИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ГИТЛЕРА

О многих особенностях риторического стиля Гитлера мы уже упоминали в предшествующем изложении. Остановимся теперь на тех, которые остались пока вне нашего внимания.

1. Акустика речи, мимика и жестикация. Как верно заметил Геббельс, Гитлер являл собой "удивительное триединство жеста, мимики и слова". Все основные признаки акустики речи и кинесики у Гитлера можно охарактеризовать как "преувеличенные", "гипертрофированные" черты речевого поведения лидера харизматического типа. Впрочем, можно согласиться с Е. Ржевской, что "утрированность — в самой природе фашизма, как, впрочем, и любой тоталитарной системы". Именно утрированность, "контрастность", "резкость" характеризуют речевое поведение ее лидеров, причем на всех уровнях и во всех компонентах этого процесса.

Первое, что обращает на себя внимание, — это эмоциональность речевого поведения, доходящая к концу речевого события "по нарастающей" до неистовства, которое трудно

даже назвать пафосом.

Акустику речи Гитлера отличают "резкие фронты" — резкие перепады интенсивности (громкости) и частоты (тона) голоса. (Это воспринимается слушателем как выкрики.)
135

Интенсивность (громкость) голоса вообще очень велика (оратор не говорит, а прямо кричит, вспомним замечание Геббельса после неудачной речи Гитлера в Берлине "Перекричал самого себя"). Голос оратора поднимается до вопля, причем пронзительность увеличивается по мере возбуждения. Значительная громкость и высокая частота звука голоса в речевом общении человека являются сигналами не только эмоционального возбуждения, но и агрессивности. Речь, агрессивная по смыслу, таким образом, и звучит агрессивно.

Звуковой рисунок речи фашистского главаря неровен, неспокоен, даже ритмичность то и дело сменяется перебивами ритма, образуя и тут эффект контраста.

Удивительно интересно сообщение, которое сделал Е. Ржевской директор Берлинского городского архива Шмидт, передавая свое впечатление от звучания голоса Гитлера: "Он говорил со странным акцентом, словно пришелец с баварских гор. И эта окраска голоса сообщала какую-то горную отдаленность фюрера от привычного, обыденного, словно он обращался из какого-то иного мира, внушала нечто мистическое".

"Так поддаться немцы могли только человеку из Ниоткуда", — пишет Голо Манн, историк, сын Томаса Манна. — Я подумала: и нам есть что вспомнить о произношении нашего горца, усиливавшем дистанцию непознаваемого, которая нужна диктатору", — рассуждает Е. Ржевская. И так, даже акцент речи, ее звучание — иное, не такое, как у всех, "работали" на становление харизмы у Гитлера.

2. Кинесика — движения в процессе речи — у лидеров нацизма отличается утрированностью, резкостью, неровностью. Преобладающие жесты либо носят ритуальный характер и соответствуют принятой агрессивной "символике власти", либо относятся к "общечеловеческим" агрессивным жестам: рука, сжимающаяся в кулак, жестикация рукой, сжатой в кулак, и пр. Ср. одну из метафор, употребленную Гитлером в "Майн кампф". "Кулак судьбы открыл мне глаза". И далее: "Я решил стать политиком". Агрессивные значимые жесты вполне соответствуют смыслу и звучанию речи.

Общее представление о движениях и манере поведения Гитлера можно пополнить, если учесть, что, по вос-

136

поминаниям современников, Гитлеру не показывали фильмов с участием Чарли Чаплина, дабы он не усмотрел в них пародию на себя.

3. Процедура публичной речи Гитлера. В бункере Гитлера в дни падения Берлина была обнаружена директива из мюнхенской частной канцелярии фюрера, рассылавшаяся по стране в 1932 г., когда Гитлер боролся за власть с Гинденбургом. Из директивы следует, что "было строго регламентировано все: церемониал встречи Гитлера, поведение председательствующего и пр.". Не было упущено ни одной детали, чтобы процедура выступления стала максимально эффективной. Обратимся к тексту этой директивы: "Адольф Гитлер не говорит с кафедры. Кафедра поэтому убирается...", "Во время речи держать наготове лед, который в случае нужды Адольф Гитлер употребляет для охлаждения рук". (Вспомним наши заключения о взаимном эмоциональном стимулировании харизматического оратора и толпы, которое в ораторской практике Гитлера достигало истерического накала.) "Председательствующему вменялось не сопровождать своим заключительным словом вечер, так как любые слова после окончания речи Адольфа Гитлера только ослабляют ее. Вменялось также пресечь попытку присутствующих затянуть по окончании речи песню "Германия" или другую, потому что обычно большинство присутствующих не знает текста песни. Председательствующий должен крикнуть: "Хайль!" — и, прервав пение, прекратить собрание".

2. ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

Наши наблюдения позволяют сделать общие заключения о структуре риторической модели фашизма, которую в силу ее абсолютной безнравственности и социальной опасности не следует даже, с нашей точки зрения, называть риторическим идеалом.

1. Эта модель манипулирующая: она строится на принципе монологичности по

содержанию (говорящий воспринимает адресата, здесь всегда массового, так как аудитория в речи оратора "расширяется" даже до всей нации, 137

целого народа, как объект воздействия — "убеждения с помощью веры", а не разума, и путем апелляции к чувству, низведенному до примитивного животного инстинкта). Речь фашистского лидера превращается в монолог, так как именно таким путем происходит и "захват речи", и "захват власти" — как власти политической, силовой, так и власти любимого народом фюрера — харизматического лидера.

2. Эта модель строится на принципе сочетания монологичности по содержанию с принципом диалогичности по форме: речь фашистского лидера есть процесс борьбы с аудиторией, стремление осуществить победу над ней, подчинить ее себе, но вместе с тем и оратор зависит от аудитории и нуждается в ней — в ее поддержке, одобрении, любви. Отождествляя себя с аудиторией, оратор в своей речи имитирует равенство между собой и ею.

3. Эта модель организована принципом борьбы, потому она безусловно и во всем агональна. Лучшее доказательство важности принципа борьбы в фашистской риторической модели — само название "библии" нацизма — "Майн кампф" ("Моя борьба"). Особенно важно, что риторика фашизма не только агональна, но и прямо агрессивна.

4. Эта модель абсолютно и принципиально разрывает связи слова и реальности, слова и истины. Пренебрежение истиной и даже открытое отрицание истинности речи (демагогия) — неотъемлемая и существенная черта риторики фашизма.

IV. РИТОРИЧЕСКИЕ

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Лекция 12 РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПОЛИТИКА

В СОВРЕМЕННОМ ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ СООБЩЕСТВЕ

1. ВАЖНОСТЬ ВЛАДЕНИЯ МАСТЕРСТВОМ ПУБЛИЧНОГО ДИАЛОГА

Современные исследования речи и речевого поведения видных политиков в странах с устойчивой и старой традицией демократии, в первую очередь в Великобритании, приводят к следующему общему выводу.

Если для политиков предшествующих эпох необходимо было в первую очередь владение искусством монологического публичного выступления (оратории), то для современного политического лидера этого недостаточно. Требуется также, а возможно, и в первую очередь, мастерство публичного диалога.

Так, создание и поддержание имиджа политика нуждается в том, например, чтобы лидер владел навыками

139

и даже искусством правильного, эффективного речевого поведения в интервью — основном в средствах массовой информации виде речевых ситуаций публичной беседы.

2. ВЛАСТЬ И ПРЕССА: РИТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ И ВЗАИМОЗАВИСИМОСТИ

В демократическом сообществе современного мира особую роль в формировании имиджа политического лидера играют средства массовой информации. В странах современной западной демократии они достаточно самостоятельны и в своей деятельности руководствуются собственными интересами, преследуя эти интересы упорно и последовательно.

Интересы политических партий и деятелей в некоторой части совпадают с интересами прессы, радио и телевидения, но также и существенно от них отличаются, а нередко и находятся с ними в противоречии. Вот почему отнюдь не случайно, например, название статьи сэра Бернарда Ингхема, пресс-секретаря Маргарет Тэтчер, в основу которой легла его лекция об отношениях политика и прессы, прочитанная в 1994 г. на семинаре Московской школы политических наук — "Власть и пресса: Батальный этюд".

"Такое название я выбрал потому, — пишет автор, — что считаю столкновение интересов правительства и прессы в здоровой демократии вещь нормальной, неизбежной и даже желательной". (Газета "Сегодня", 10 сентября 1994 г.)

В этой статье приводятся четко сформулированные выводы относительно принципов взаимодействия власти и прессы, а также лаконичные и емкие характеристики интересов

средств массовой информации с одной стороны, а политиков — с другой, в стране старейшей демократии — Британии.

Остановимся на этих выводах, так как они будут полезны нам не только для того, чтобы отметить особенности речевого поведения демократических политических лидеров, обусловленные в основном именно результатами столкновения и взаимодействия интересов

140

средств массовой информации и интересов самих политиков, но и для последующего анализа особенностей риторики современных средств массовой информации и политического дискурса, которые мы рассмотрим в следующей лекции.

Итак, каковы же в общем интересы средств массовой информации?

Приведем основные тезисы Б. Ингхема.

1. Пресса и вообще средства массовой информации, адресатом которых являются конкретные живые люди — личности, индивиды — заинтересованы в том, чтобы представить правительство, а также отдельных лидеров прежде всего как личностей, живых людей. "Для живых людей существует и пресса, — пишет Ингхем, — поэтому и политики для журналистов — просто люди. Итак, отношения носят сугубо личностный характер". Ингхем говорит даже о "зацикленности журналистов на личных качествах политиков". "Итак, — заключает он, — журналисты все рассматривают "в человеческом измерении". Чего же хотят они от политиков? Ответ можно дать одним словом — историй, которые заинтересовали бы читателя!".

2. Посмотрим теперь, что это за "истории". В соответствии с общериторическими законами, "истории", которые призваны заинтересовать читателя, слушателя, зрителя — массовую, неоднородную аудиторию — должны характеризоваться следующими особенностями. Они прежде всего должны являть собой "заманчивые хроники человеческих успехов и неудач", т. е. рассказывать нечто, типологически родственное "вечным" историям, которые, например, рассказываются в телесериале. Общее для такого типа повествований состоит в следующей смысловой структуре: это некая "сказка" или "миф" о добре и зле, о герое (его трудолюбии, стойкости и добродетели), преодолевающем преграды на пути к успеху и о пороке в образе врагов, терпящих неудачу и получающих наказание.

Однако есть и существенные отличия "историй" о политиках и политической жизни вообще, которые используют средства массовой информации в странах демократии. "Заманчивые хроники человеческих успехов и неудач" должны иметь следующие особенности.

141

Главная из них та, что "истории, удовлетворяющие средства массовой информации, должны быть "сенсационными", а слово *сенсация* происходит от франц. "sensation" (от лат. *sens* чувство, ощущение). Сенсация — это событие или известие, которое производит необычайно сильное впечатление. Что же нужно, чтобы "история" произвела такое впечатление? Из этого требования вытекают две следующие особенности таких "историй".

Для этого "история" должна содержать новые, желательно неожиданные факты. Степень их достоверности при этом отступает на второй план.

Кроме того, и сам "герой истории" политического типа в средствах массовой информации, и приводимые факты должны быть либо поданы "со знаком минус", либо специально отобраны, чтобы соответствовать необходимости подачи преимущественно "отрицательного" материала.

"Движущаяся сила британской, да и всей западной прессы, — утверждает Б. Ингхем, — система ценностей новостей. Главная ценность звучит так: плохая новость — хорошая новость, а хорошая новость — это вообще не новость. Из этого следует, что хорошая журналистика — это та, которая свергает правительства, смешивает с грязью политиков и подрывает авторитет власти. Такая журналистика разоблачает власть предрержащих как лицемеров, взяточников, притом еще и совершенно некомпетентных людей".

Итак, "история", продуцируемая средствами массовой информации и удовлетворяющая их, представляет в виде главного "положительного" героя — борца за правду и добро, разоблачителя зла — прессу, журналиста. Лицами, персонифицирующими зло,

выступают политики. Действие "истории" протекает на фоне опасных, трудных и прямо катастрофических обстоятельств — природных и экологических катаклизмов, экономических и социальных бедствий и пр. Налицо типичная мифологическая или "сказочная" структура, в которую политический лидер, добившийся власти, и само государство "встроены" в качестве "антагонистов" к "протагонистам" — журналисту и средствам массовой информации.

Чего же ждут от средств массовой информации политики и как эта ситуация определяет "риторический статус и задачи" последних в демократическом сообществе?

142

Главный интерес политиков Б. Ингхем определяет двумя словами: "хорошее паблисити". Поэтому политики "изо всех сил стараются ублажить прессу, часто остаются разочарованными результатами своих усилий, но это никогда не останавливает их. Они продолжают добиваться известности вновь и вновь, считая, что чем лучше о них пишут, тем прочнее они держатся в креслах".

3. СПЕЦИФИКА РИТОРИЧЕСКИХ СИТУАЦИЙ И ПРОБЛЕМА ИМИДЖА ПОЛИТИКА

Из всего изложенного естественно заключить, что риторическая ситуация, в которой оказывается современный "демократический" лидер, совершенно иная по сравнению с прошедшими эпохами и по сравнению с теми, в которых участвуют лидеры тоталитарных сообществ.

Между политическим лидером и массовой аудиторией, народом его страны, появляется "третье", опосредующее звено: средства массовой информации с их специфическими интересами и самостоятельностью.

Поэтому, если политический оратор прошлого обращался непосредственно к адресату — народу или (позже) делал это, используя также прессу или радио, не имевших столь очевидного статуса "четвертой власти", то сегодня его положение и риторическая задача иная: ему нужно "ублажить" не только и не столько народ, сколько средства массовой информации. В силу специфики их интересов и в силу особенностей необходимых средств массовой информации "историй" это нелегко и даже отнюдь не всегда возможно.

Кроме того, большая часть ситуаций публичной речи политика сейчас требует от него умения говорить не непосредственно с адресатом, а выступать перед микрофоном, в теле- или радиостудии. Такая речь требует специальной подготовки и сильно отличается от речи, обращенной непосредственно к слушателю. Вот почему в курсы современного речевого мастерства включаются нередко соответствующие разделы (см., например: *Сопер П. Основы искусства речи.* — М., 1992).

Итак, мы подходим к проблеме имиджа политического лидера рассматриваемого типа. Этот имидж во многом

143

создается именно с помощью риторических средств и умений, так как речевое поведение лидера — его черта, которая может оцениваться непосредственно адресатом, наблюдающим его в беседе с журналистом в ходе телевизионного интервью, слушающего интервью по радио, читающего его в прессе.

В ходе таких интервью журналист часто "нападает" — стремится к разоблачению, лидер же вынужден уметь противостоять этому "нападению", спокойно, уверенно, аргументированно, достойно представляя и доказывая свою позицию. Здесь абсолютно необходимо мастерство публичной беседы — диалога.

4. РИТОРИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ И ИМИДЖ МАРГАРЕТ ТЭТЧЕР

Главное, к чему должен в общении со средствами массовой информации стремиться перспективный политик, по мнению Б. Ингхема — это уважение. Маргарет Тэтчер, имидж которой он создавал и сохранял на протяжении 11 лет, "обожали в некоторой части британской прессы, но ненавидели в другой. Но уважали ее все, даже злейшие враги". Уважение к этому политику как к лидеру, считает пресс-секретарь, прежде всего обуславливалось личными качествами и умениями Тэтчер. Прежде чем стать премьер-министром, она прошла длительный путь и немало труда на этом пути посвятила овладению искусством публичной речи, выступая перед избирателями на всех этапах своей карьеры и участвуя в публичных дискуссиях со своими конкурентами и оппонентами.

"Решительность и постоянство" — вот качества Тэтчер, которые, как считает ее пресс-

секретарь, помогли ему в его работе: "Решительность и постоянство Маргарет Тэтчер позволяли мне выступать от ее имени с такой уверенностью, что мне удавалось выгодно подчеркнуть ее мощный имидж".

Б. Ингхем решительно заявляет: "Я считаю исключительным нахальством заявления специалистов по "публичному рилейшнз", что они могут создать имидж любому политику, независимо от того, что он собой представляет..."

144

Можно отточить умение политика выступать перед микрофоном на радио, телевидении или пресс-конференциях. Можно научить их более выгодно говорить о своей деятельности. Этим я, например, занимался с ныне покойным Гарольдом Макмилланом, который... всегда терялся при встрече с журналистами. К каждому выступлению я готовил ему краткую памятку с основными мыслями, которые он должен был осветить в ходе интервью. Могу вас заверить, что шелкового кошелька из свиного ушка все же сделать не удастся. Имидж — функция внешности, манер, жестикологии, стиля поведения, личных качеств, убеждений, прошлой деятельности и профессиональной компетентности, а также ясности и убежденности в подаче их на публике, да и в личной жизни, так как журналисты все глубже проникают в личную жизнь политика".

Посмотрим теперь, что именно в речевом поведении Тэтчер служило созданию ее имиджа как "жесткого политика", вызывающего притом уважение, какие особенности ее "индивидуального риторического стиля" формировали ее имидж "доминирующего политического партнера".

Обратимся к работе Джеффри В. Бити — психолога, специалиста по речевому поведению, в которой сопоставляется речевое поведение в ситуации интервью с журналистом М. Тэтчер, имевшей имидж "жесткого политика", и Дж. Каллагана, бывшего в то время премьер-министром, лидером лейбористов и обладавшего имиджем "мягкого" политика. Интервью проводились перед выборами, после которых Тэтчер, лидер консерваторов, стала премьер-министром (см.: *Beattie G.W. Turn-taking and interruption in political interviews: Margaret Thatcher a. Jim Kallaghan compared a. contrasted.* — *Semiotics, The Hague, 1982, a. 39, № 1/2*).

Речевое поведение обоих лидеров изучалось прежде всего по отношению к немногим, но весьма существенным именно для диалогической речи параметрам. Все эти параметры суммарно определяют одну характеристику речевого поведения людей в диалоге: то, как они перебивают друг друга. Вот каковы эти параметры: 1) "наличие/ отсутствие синхронных реплик" (собеседники говорят одновременно); 2) "ожидание конца реплики собесед-

145

ника/ перерыв ее", 3) "смена ролей (говорение/ слушание)", 4) "начало реплики, наложенное на незаконченную реплику собеседника ("перекрывание") и др.

Перебивание собеседника — яркая и существенная характеристика манеры вести диалог, так как очередность реплик — один из важнейших параметров диалога, основанный на свойствах человеческой психики: человек не может одновременно говорить и слушать.

Тенденция перебить собеседника, по наблюдениям многих исследователей, связана с социальным статусом говорящего. Самый распространенный способ перебить состоит в том, что собеседник начинает говорить, не дождавшись конца реплики партнера. Такое поведение и связывают с социальным статусом. В частности, известно, что мужчины чаще перебивают женщин, самоуверенные люди — не уверенных в себе.

Вместе с тем очевидно, что перебивают собеседника нередко также люди эмоциональные, способные глубоко "войти" в диалог и "быть поглощенным" разговором.

Оба 25-минутных телеинтервью показали, что по сравнению с обычными (не политическими) беседами доля обрывов реплик собеседника лидерами была значительно выше. Это соответствует общей закономерности: в политических выступлениях интервьюируемый чаще перебивает партнера, чем в "обычной речи".

Возможно, что это можно связать со спецификой отношений журналиста-представителя интересов современных средств массовой информации и политика.

Тэтчер перебивала журналиста почти в два раза реже, чем он ее, тогда как Каллаган перебивал партнера чаще, чем он его. Этот результат может показаться парадоксальным: "мягкий" лидер Каллаган перебивает партнера чаще, а попытки

перебить Тэтчер — "жесткого политика" — более часты со стороны ее партнера. Все дело, оказывается, в том, что эти попытки так и остаются попытками: Тэтчер продолжает начатую реплику, не обращая внимание на попытки перебить ее. Часто это приводит к тому, что ее собеседник "отступает". Автор работы считает, что именно эта черта речевого поведения Тэтчер и заставляет воспринимать ее как "доминирующего политического партнера".

146

Итак, стратегия поведения в диалоге у лидера, "вызывающего уважение" и пользующегося репутацией "жесткого политика", определяется тем, что он (она) и сам не стремится перебить партнера-собеседника, и ему не дает сделать это. Таким образом, такой лидер не кажется излишне напористым и эмоционально "неустойчивым", а представляется спокойным, уверенным, демонстрируя при этом еще и внимание и уважение к собеседнику.

Лекция 13

ВЕРБАЛЬНЫЕ И РИТОРИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

1. РИТОРИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА И СТРАТЕГИИ ДОСТИЖЕНИЯ ОСНОВАННОГО НА ВЕРЕ (ФИДЕИСТИЧЕСКОГО) СОГЛАСИЯ

Деятельность политика, как и политических партий и групп, в числе других имеет одну важную задачу — завоевать и удержать симпатии населения, его доверие, распространяя в широких массах именно те убеждения и мнения, которые соответствуют собственным интересам, однако делая это так, чтобы массы воспринимали эти мнения и убеждения как соответствующие интересам народа. Поскольку отнюдь не всегда эта задача может быть решена с помощью "корректного" рационального убеждения, основанного на логическом доказательстве, естественно, что заинтересованные лица или социальные и политические группы прибегают к иным способам воздействия — "риторике" в узком, современном, "расхожем" смысле этого слова — к стратегиям и средствам речевого воздействия на чувства, эмоции, подсознание адресата.

147

Рассмотрим основные стратегии использования языка и речи, а также основные риторические средства, с помощью которых эта задача достижения "фидеистического согласия" адресата выполняется.

1. Идентификационные формулы. Это языковые обороты, с помощью которых адресат побуждается говорящим идентифицировать, отождествлять себя с ним, его партией или политической группой. Особенно продуктивно в этом и особенно широко распространено употребление местоимений *мы, наш*. Так, слово президента "МММ" С. Мавроди, обращенное им к народу из "Матросской тишины" в сентябре 1994 г., начинается с использования формул идентификации и кончается ими: "Скандал с "МММ" всколыхнул буквально все слои российского общества. Сейчас, когда страсти несколько поутихли, есть, вероятно, смысл подвести в этой истории некоторые итоги. Итак, что же **Мы** имеем?" Ср. конец текста: "Что ж, подведем итоги. Как **Мы** с Вами только что выяснили..." (Сохранено написание *Вы* с заглавной буквы, долженствующее в оригинале подчеркнуть уважение автора к адресату — форма "похвалы аудитории" — приема *exhortatio*.)

2. Употребление слов-эпистемиков. Это слова с общим значением "знать", "понимать": *как известно, совершенно очевидно, как мы все знаем, нет сомнения в том, что* и пр. Эти слова придают высказыванию характер безусловной истины, не подлежащей сомнениям. Приведем пример из "Обращения президента "МММ" С. Мавроди к акционерам" в августе 1994 г.: "Руководство "МММ" делало все от него зависящее для стабилизации ситуации, в частности, не прекращало скупку акций, насколько это было возможно. Впрочем, вы и сами это ПРЕКРАСНО ЗНАЕТЕ".

Тот же прием в статье, разоблачающей "МММ": "То, что "МММ" работает по принципу

"пирамиды" — в этом вряд ли кто сомневается даже среди пылких защитников опального АО" (Ловковский Д. Герасим делает свое дело. — Экстра-М, 27 августа 1994 г.). Ср.: "Если отвлечься от деталей, то суть обвинений в адрес "МММ" сводится к тому, что "МММ" — это финансовая афера, по терминологии властей — финансовая пирамида..." (Мавроди С. Горе от ума. — Вечерняя Москва, 12 сентября 1994 г.), а также: "Таким образом, налоговые органы сами развеяли миф о так называемой пирамиде, ибо в случае пирамиды нет никакой прибыли и, соответственно, никаких налогов быть не может" (Обращение президента "МММ" С. Мавроди к акционерам. — Центр-plus. Август 1994. — №.30. — Вып. 3).

148

3. Представление субъективного мнения в виде объективного факта или истины, не требующих доказательств, в форме категорического суждения. Этот прием в смысловом отношении весьма близок к предыдущему, но обходится без слов-эпистемиков.

Так, в "Словаре древнерусской мифологии" С. Плачин-ды, составленном на основе книги Л. Силенко "Мага Вера" (Нью-Йорк, 1979) читаем: "Этрусски (русины) — древне-украинское племя, переселившееся из Прикарпатья и Галичины в Северную Италию за 1300 лет до н. э. На богатой этрусской (древнеукраинской) культуре выросла античная культура Греции и Рима". Или (там же): "Ории (арии) — наидревнейшее название древних украинцев... Приручили коня, изобрели колесо и плуг" (Цит.: Сабов А. "Ории" против "москалей"? — Литературная газета. — 9 мая 1995 г.).

Ср. также: "По сути, нас приостановили накануне грандиозного прорыва, после которого Россия, по нашим прогнозам, должна была в самом ближайшем будущем стать богатейшей страной мира, практически все россияне, акционеры "МММ" — обеспеченными людьми, а акции "МММ" росли бы теми же темпами в валюте" (Мавроди С. Обращение к акционерам: Центр-plus. Август 1994. — №.30. — Вып. 3).

4. Выражение уверенности говорящего (автора, оратора) в согласии адресата.

"О конфликте "МММ" с государством говорилось и писалось уже очень много, развивался он у всех на глазах, так что каждый, я думаю, давно уже решил для себя, кто здесь прав, кто виноват" (Мавроди С. У "МММ" нет проблем. — Вечерняя Москва, 12 сентября 1994 г.).

5. "Похвала" адресату — exhortatio. Вспомните фрагменты рекламных текстов "МММ":

"Мы — партнеры", —

149

обращается "голос "МММ" за кадром к Лене Голубкову, возвышая, поднимая его до себя; "Правильно, Юля" и пр., и пр. Похвала акционеру или потенциальному акционеру в той или иной форме содержится почти в каждом рекламном тексте.

В тексте подготовленного, безусловно, по заказу "МММ" "письма акционеров" в газеты изобилуют "похвалы самим себе", т. е. на самом деле — похвалы "МММ" людям, доверившимся этой фирме.

Кстати, "письмо" носит характерное название: "Почему мы верим "МММ" и не верим чиновникам?" Именно вера — основа риторических манипуляций с людьми. Напомним: "Поверила!" (Из рекламного текста о Марине Сергеевне.)

Вот почему в статье Д. Ловковского, цитированной выше, справедливо отмечается: "Впрочем, спорить с "МММ" и его пылкими сторонниками бесполезно — это равноценно попыткам доказать верующему человеку, что Бога нет. "Мы верим в честность и солидность своего партнера", — твердят акционеры. Пусть верят — религиозному человеку на свете жить легче".

Приведем фрагменты из текста "письма": "Извините, господа, мы научились маленько считать, видеть и думать, во всяком случае, когда речь идет о судьбе не казенных, а наших собственных, личных денег" (Центр-plus, август 1994. — №.30. — Вып. 3).

Тот же прием, но с "обратным знаком" использован составителями "письма", чтобы заставить вкладчиков НЕ ВЕРИТЬ тем источникам, которые разоблачают деятельность "МММ": внимание людей привлекается к тому, как РУГАЮТ их противники "МММ": "Известия" нас сравнивают с наркоманами, с избирателями Жириновского, величают "партией халявы", друзьями Лени Голубкова — финансовыми спекулянтами". "МК"

обозвал "люмпенами, рвущимися в рантье" и фото дал: старушка сует в объектив огромный кулак".

6. Риторический вопрос (фигура речи) в сочетании с риторическим тропом иронии, направленной против оппонента или противника. "Идут в ход рассуждения о "пирамидальной схеме сбора денег", когда последние вкладчики оплачивают высокие проценты первых, все

150

кончается крахом, и зачинатель сбегает в Цюрих. Простите, а как насчет "презумпции невинности"? Можно ли критиковать... не за то, что фирма делает, а за то, что она, по вашему мнению, может сделать? Если да, то чем вы отличаетесь от незабвенного А. Я. Вышинского?" (Почему мы верим "МММ" и не верим чиновникам?)

7. Риторическая фигура *sermocinatio*. Это включение в текст воображаемой речи оппонента или противника, долженствующей раскрыть его подлинные мысли и интересы. Примером может служить выдержка из того же письма "Почему мы верим "МММ" и не верим чиновникам?": "Если бы государственные финансисты-монополисты и подпевающая им "независимая" пресса имели мужество раскрыть истинные причины беспрецедентной травли "МММ", они сказали бы: "Граждане, заступитесь! Конкуренты обижают, уводят клиентуру! "МММ" первой прорвала нашу монополию, первой показала, что самый эффективный способ привлечения массового вкладчика — это человеческое к нему отношение!"

8. "Редукция комплексности" и контрастные оценочные альтернативы. Об этой риторической стратегии было подробно сказано в предыдущей лекции в связи с анализом общих черт риторической модели тоталитаризма, для которой эта стратегия является абсолютно необходимой и одной из важнейших. Однако в целях достижения фидеистического согласия адресата та же модель используется и в современном политическом дискурсе, и в средствах массовой информации. Модель рассчитана на массового адресата и нацелена на манипулирование им в целях говорящего или представляемой им социальной группы.

9. Особые риторические стратегии, используемые в идеологических текстах — "стратегия мобилизации" и "стратегия демобилизации" общественного мнения.

Первая из них употребляется авторами и ораторами, политическими группами, целью которых является "изменение существующего положения дел". Это характерно для лидеров, ищущих власти, или политических сил, стремящихся изменить status quo. При этой стратегии политические события представляются в драматическом виде, а положение как ужасное, требующее решительных действий. При второй стратегии ситуация подается как нор-

151

мальная, **хотя** и сложная, а события как естественно идущие своим чередом, требующие терпения от членов общества. Первая стратегия использует отрицательно-оценочные слова, выражения, метафоры, "ищет виновных". Вторая использует эвфемизмы (см. ниже) и избегает указания в речи на конкретных "виновников" или "ответственных" за происходящее.

2. ОПЕРАЦИИ СО СМЫСЛАМИ СЛОВ, ВЫРАЖЕНИЙ,
ВЫСКАЗЫВАНИЙ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
И СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПРИ ПРЕДСТАВЛЕНИИ ИНФОРМАЦИИ

Теперь посмотрим, какие операции со словами, выражениями, высказываниями и их смыслами чаще всего используются для представления действительности в том виде, который выгоден говорящему (автору) и соответствует интересам социальной или политической группы, которую он представляет.

1. Приемы "скольжения смысла". Одной из центральных проблем анализа идеологического текста является проблема соотношения "идеологии и истины". Как относится представление действительности в таком тексте к самой действительности, к онтологии — существу?

Для ответа на этот вопрос нужно учитывать лингвистическую теорию. В семантике выработано теоретическое положение о различии между "смыслом" и "референцией" лингвистической единицы — слова, выражения, высказывания.

Под термином *смысл* понимается отношение между означающим (словом, выражением) и

означаемым (понятием, "идеей"). Так, выражения *утренняя звезда* и *вечерняя звезда* имеют разные смыслы: невозможно заменить *вечернюю звезду* на *утреннюю* в предложении *Пастух ложится спать, завидя вечернюю звезду*. Понятия, идеи (означаемые этих выражений) тут разные (пример немецкого лингвиста Фреге). Однако явление (объект) действительности, "онтологии", которое называется этими выражениями, одно — звезда Венера. Это явление (объект) в лингвистической семантике обозначается терми-

152

ном *референт*. Получается, что одно и то же явление (*референт*) может быть названо словами (выражениями), которые имеют разный смысл.

Приведем примеры идеологической "игры" со смыслами и референтами слов и выражений, которая называется "скольжением смысла".

Возьмем один референт — французское население Квебека. В идеологических текстах, произведенных федералистами, позиция которых состоит в признании Канады своей родиной, этот референт назван выражением *французские канадцы*, а в текстах сепаратистов, стремящихся к отделению Квебека, тот же референт называется словом *квебекцы*. Аналогичные примеры "скольжения смысла" можно легко обнаружить в любых идеологических текстах, ср.: "Обвинения прессе, мол, мы занимаем прочеченскую и, значит, антироссийскую позицию — жульничество. Прочеченская — это пророссийская. Ибо Чечня — это Россия. Если власть уничтожает часть России, быть на стороне уничтожаемых — не значит быть против России" (*Минкин А. Борис, Борис! Чеченцы Грачева обижают!* — МК, 7 мая 1995 г.).

В этом фрагменте автор доказывает свой патриотизм с помощью критики неудачной формулировки, использованной в правительственной аргументации. В самом деле, если позиция правительства состоит в признании Чечни частью России, то нельзя употреблять выражение *прочеченская позиция* для доказательства антипатриотизма. Такое выражение было бы естественно, напротив, в речи тех, кто считает Чечню самостоятельным государством или самостоятельной воюющей стороной. Если исходить из того, что Чечня — часть России, а воюющая сторона — "незаконные бандформирования", то тогда уж следовало бы назвать позицию части прессы *продудаевской, пробандитской* или иначе. "Скольжение смысла" — мощный и наиболее частотный прием представления действительности в нужных целях, и относиться к его возможностям нужно очень внимательно.

Ср. также: "Свободный мир против стран с тоталитарным режимом" и "Американский империализм против социалистических стран", "Израильяне против арабов" и "Сионисты против палестинцев" и мн. др.

153

Рассмотрим отдельно весьма распространенные оценочные разновидности "скольжения смысла" в идеологических текстах.

1) Эвфемизмы. Слово *эвфемизм* греческого происхождения (*euphemismos*, от *euphemia* — благоговейное молчание, добрая слава) и обозначает использование более "мягкого", "приемлемого" слова или выражения для обозначения явления или объекта. С помощью эвфемизма такой объект представляется адресату более "приятным" или не столь опасным.

Саллюстий приводит удивительно пронизательные и вместе с тем горькие слова Катона в сенате: "К сожалению, мы давно потеряли верные названия вещей и потому то, что касается раздела чужого имущества, именуется щедростью, а способная к дурным выходкам наглость — смелостью, именно потому государство стоит на грани катастрофы" (цит.: *Gauger H.-M. Unwahre Worter?* — Stuttgart, 1985).

Характерно в связи с явлением эвфемизации "скольжение смысла" таких слов, как *бизнес, бизнесмен, дело, деловой человек* и других слов того же семантического поля в отечественной логосфере после перестройки, когда эти слова стали часто употребляться для обозначения сомнительных махинаций, не имеющих ни к *бизнесу*, ни к *делу* в первоначальных значениях этих слов никакого отношения.

Приведем другие примеры. Реферируя книгу О. Ре-буля "Язык и идеология", Н. А. Безменова пишет: "Во время алжирской войны 1954—1962 гг. во французских официальных выступлениях было табуировано само слово *война*, имплицитное

(подразумевающее) алжирцев нацией. В других случаях эвфемизм призван камуфлировать существование не борьбы, а самого противника: *горстка партизан, клика, марионетка* и т. д. уничтожает врага количественно" (Язык и идеология. — М., 1987).

Во время войны во Вьетнаме в газетных выпусках администрации Никсона *концентрационные лагеря* назывались *лагерями для беженцев*, разбомбленный жилой дом обозначался как *военный объект*, а бомбардировка как *защитная мера*.

154

2) **Отрицательно-оценочные, или пейоративные, выражения.** Название термина происходит от лат. *peior* — худший. Это как бы "эвфемизм с обратным знаком" — референт называется словом или выражением, заведомо имеющим отрицательно-оценочное значение. Так, палестинцев в США на протяжении многих лет именуют не иначе как *террористами*. Это формирует общественное мнение необходимым образом: в сознании масс понятие "палестинец" полностью перекрывается понятием "террорист". Примеры использования эвфемизмов и пейоративных слов можно легко найти в текстах, представляющих действия российской армии в Чечне и составленных официальными источниками: говорится не о войне, а о вооруженных столкновениях, противник назван *вооруженными бандформированиями* и пр. Оппозиционная этим действиям пресса говорит, напротив о войне, о вооруженном народе как противнике и пр. На этих примерах видно, что различные цели представления действительности определяют соответствующий отбор слов и выражений для называния одного и того же референта, имеющих разный смысл и формирующих в совокупности более "приемлемую" картину в восприятии адресата. Ср. также: *разведка* — *шпионаж*, *информация* — *пропаганда*, *союз* — *пакт*, *патриотический* — *шовинистический* и пр.: каждое первое из слов пары употребляется для описания "своей" деятельности, каждое второе — для описания деятельности противников или оппонентов.

2. Приемы "размывания смысла". Так можно назвать специфическое для идеологических текстов нарочитое использование слов без точного понятийно-логического содержания, слов, которые каждым могут быть поняты по-своему, и тем более различаются по значению в различных идеологиях. К ним могут быть отнесены так называемые "лозунговые слова" и "пустые формулы".

"Лозунговые слова" имеют особенно большое значение для идеологизации текста, создания его фидеистической функции (т. е. убеждающей силы, воздействующей не на разум и не на чувство, а только на чувство для формирования веры). Это в первую очередь такие слова, как *свобода, равенство, справедливость*,

155

демократия, мир и др. Для таких слов характерна положительная окраска: каждый чувствует, что *свобода* и *демократия* — это хорошо, поэтому склонен положительно воспринимать и текст, в котором постоянно эти слова повторяются, и его автора (ср. у нас — *реформы*).

Так, Ф. Миттеран, формируя в 1981 г. свою политическую стратегию, особенно внимательно относился к использованию слов *демократия* и *левые*. Закончил он свою речь тем, что сам назвал "гимном свободе". "Лозунговые" слова называют также "символическими", так как в идеологических текстах их значения намеренно не определяются: как бы предполагается, что они не нуждаются в определении. Вместе с тем отличительной особенностью политической и идеологической словесной борьбы является то, что оппоненты или противники как бы борются за "правильное" употребление таких слов. Каждая партия стремится доказать, что именно ее словоупотребление истинно, верно, а политические противники этот смысл искажают, намеренно или ненамеренно. Однако точных формулировок практически никогда не дается, о значении таких слов "не договариваются", но обвиняют противника в неверном их понимании. Таким образом, каждый из оппонентов как бы претендует на единственно истинное понимание, а в конечном счете — на "монопольное" обладание истиной вообще, а не только истиной относительно понимания "символических слов". Это и понятно: слова *лир, свобода, демократия, безопасность* и прочие имеют центральное положение в системе ценностей человека современного мира, так что тот, "кто правильно

понимает их", как бы "правильно понимает все".

"Пустые формулы" отличаются от лозунговых слов тем, что обозначаемые ими понятия не имеют такого центрального положения в системе ценностей. Они не несут выраженной положительной оценки. Вместе с тем они близки к символическим словам тем, что также употребляются в контексте так, как будто имеют в нем какой-то точный смысл, тогда как его нет: их значения так же расплывчаты. Это, например, такое выражение, как *качество жизни*. Каждый вкладывает в это выражение собственный смысл, представление о том, что он хотел бы

156

иметь, но никакого общего для всех говорящих содержания у этого выражения нет, хотя употребляется оно так, как будто им обладает.

3. Избегание прямого названия предметов или явлений. Для этого используется риторический троп метонимии (перенос названия по смежности предметов или явлений) с ее разновидностью — синекдохой (целое называется по его части или часть по целому). Приведем пример С. Ю. Медведевой, реферирующей книгу П. Л. Джелберта "К процедуре анализа новостей": "Белый дом объявил, что 18 транспортных самолетов С-141 помогли проведению французской и бельгийской операции" (Язык и идеология. — М., 1987). Здесь название *Белый дом* использовано вместо *президент*, чтобы, как считает автор книги, избавить президента от личной ответственности.

Или: в 1979 г. в Иране студенты взяли заложников-американцев, сотрудников посольства США. В теленовостях появился заголовок: "Кризис в Иране: Америка взята заложницей". Этот перенос названия целого (страна) на часть (ее нескольких граждан) — намеренное преувеличение с целью оправдать любые действия, направленные на освобождение заложников или "наказание" виновных. Заметим, что слово *заложник* — слово оценочное, оно подразумевает невиновность и случайность жертвы, тогда как было известно, что американское посольство в этой стране было центром шпионажа. Все это освобождает от ответственности тех, кто примет решение о силовых способах воздействия на ситуацию.

4. Операции со смыслами и референцией, осуществляемые на уровне высказываний. В идеологическом дискурсе часто используется риторическая стратегия, которую можно назвать "затемнением истинности высказывания". Эта стратегия состоит в том, что при сообщении автор информации представляет адресату "версию" описания "якобы реальной" ситуации, т. е. такой, которая 1) описывается им "с чужих слов" или 2) в описании которой он привнес субъективные суждения. Приведем примеры обеих ситуаций:

1) "Как стало известно "МК" из достоверных источников, Степашин подготовил к возвращению Бориса Ель-

157

цина из отпуска проект указа президента о возврате "Лефортово" его ведомству. Правда, неизвестно, подпишет ли этот указ президент" (Ерин и Степашин никак не поделят тюрьму. — МК, 12 апреля 1995 г.).

Такое представление событий называется "модальность de dicto": информация дается не о реальности, а о том, что сказано о реальности. В информационных идеологизированных текстах делается расчет на то, что некритически воспринимающий текст адресат "перестает замечать", что получает "опосредованную" информацию — высказывание с "затемненной истинностью".

2) "Однако итальянцам так хотелось получить Солженицына в качестве лауреата, что они согласились приехать ради этого в Москву. Церемония вручения (премии Бран-кати), задуманная, по всей вероятности, как ослепительное торжество, потихоньку превращалась в фарс. Организованная в лучших провинциальных традициях, она обладала всеми атрибутами праздника маленького городка..." (Ковалева А. Солженицыну рассказали о Солженицыне, или Как ему вручали премию. — МК, 12 апреля 1995 г.). Этот фрагмент, как и вся статья, представляющая описание события — процедуры вручения А. И. Солженицыну премии Бранкати — изобилует оценочными словами, выражающими субъективное восприятие автора и в совокупности служащими для того, чтобы создать у адресата впечатление о незначительности всего происходящего. Это "модальность de re" (об объекте), однако автор вносит столько субъективных оценок, что истинность высказывания (текста) явно намеренно "затемнена".

Итак, анализируя идеологический текст или текст, представляющий информацию в средствах массовой информации, адресат должен научиться задавать себе вопрос: что есть истина и что кажется истиной в тексте? Какие компоненты описания идут от реальности, а какие — от автора (источника)? Как согласуются эти компоненты и согласуются ли они вообще? Потребитель массовой информации, не говоря уже о профессионале-гуманитарии, должен избирательно, критически подходить к "идеологически-ориентированной речевой продукции", а не пассивно "проглатывать" ее, на что, впрочем, она как * раз и рассчитана.

V. РЕЧЕВАЯ АГРЕССИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЛОГОСФЕРЕ

Лекция 14

РЕЧЕВАЯ АГРЕССИЯ: ОБЛАСТИ И ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ

1. ПОНЯТИЕ РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ

"Небратские состояния" общества, по выражению философа XIX столетия Н. Ф. Федорова в работе "Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т. е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства", проявляются прежде всего в могущественном, обнимающем иногда все сферы жизни общества, пронизывающем всю его логосферу явлении — феномене речевой агрессии (см.: Федоров Н.Ф. Соч.— М., 1994.)

Вербальная (словесная, речевая) агрессия в современном мире оценивается общественным сознанием как менее опасная и разрушительная, чем агрессия физическая. Так, реферируя книгу Ф. Кинера "Слово как оружие", В. С. Чулкова пишет: "Акты вербальной агрессии... начинают повсеместно восприниматься как не вполне реальные и не несущие конкретной угрозы обществу" (Язык и идеология. — М., 1987).
159

Очевидно, что эта оценка не учитывает реальной социальной опасности речевой агрессии как первого шага на пути к агрессии физической, а также, что особенно важно, как явления, создающего у членов общества "агрессивный подход к действительности", а тем самым — агрессивную социальную среду. "Агрессивная логосфера" — не только продукт общества. Она сама активно формирует социум, воздействуя на него.

Большинство теорий, направленных на поиски истоков агрессивного поведения человека, основаны на признании имманентности агрессии и считают агрессивность врожденным свойством человека, формой его поведения, обусловленной его биологической природой. Такова, например, позиция Конрада Лоренца, нобелевского лауреата, этолога, о котором мы уже говорили в предыдущих лекциях. "Оно (человечество), — пишет Лоренц, — не потому агрессивно и постоянно готово к борьбе, что разделено на партии, враждебно противостоящие друг другу, оно структурировано именно таким образом потому, что это представляет раздражающую ситуацию (к этому термину мы еще вернемся— А.М.), необходимую для разрядки социальной агрессии". И далее: "Если бы какое-то вероучение на самом деле охватило весь мир, оно бы тотчас же расколосось по меньшей мере на два резко враждебных толкования (одно истинное, другое еретическое), и вражда и борьба процветали бы, как и раньше, ибо человечество, к сожалению, таково, как оно есть" (Лоренц К. Агрессия. — М., 1994).

Однако признание имманентности агрессии человеку, "биологичности" ее природы, вовсе не вынуждает, вопреки расхожему мнению, признавать также и бессилие человека справиться с агрессией, обуздать ее в себе и в обществе.

Так, Конрад Лоренц уверен: "Вновь возникшие сегодня условия жизни человечества категорически требуют появления такого тормозящего механизма, который запрещал бы проявления агрессии не только по отношению к нашим личным друзьям, но и по отношению ко всем людям вообще".

Чем больше мы знаем о природе человека и его поведения, в частности, поведения

речевого, тем более осознаем перспективы гуманизации общества и жизни.

160

Вовсе не странно поэтому совпадение мировоззренческих позиций таких разных, казалось бы, далеких друг от друга мыслителей, как, например, философ XIX в. Н. Ф. Федоров и австриец Конрад Лоренц, ученый, наш современник. Сравните: "Нет вражды вечной, устранение же вражды временной составляет нашу задачу", — пишет Н. Ф. Федоров.

"Я вовсе не думаю, что Великие Конструкторы эволюции (изменчивость и отбор — А. М.) решат проблему человечества таким образом, чтобы полностью ликвидировать его внутривидовую агрессию... Истинные, теплые чувства любви и дружбы мы в состоянии испытывать лишь к отдельным людям, и самые благие наши намерения ничего здесь не могут изменить. Но Великие Конструкторы — могут. Я верю, что они это сделают, ибо верю в силу человеческого разума, верю в силу отбора — и верю, что разум приведет в движение разумный отбор. Я верю, что наши потомки — не в таком уж далеком будущем — станут способны выполнять это величайшее и прекрасное требование подлинной Человечности", — рассуждает К. Лоренц.

Возможно, что интеллигенция в подлинном смысле этого слова — это и есть именно люди, созданные "Великими Конструкторами эволюции" (если использовать метафору Лоренца), чтобы выполнить задачу "устранения вражды временной", о которой как о главной задаче человечества говорил Николай Федоров более ста лет назад.

Итак, какие же "тормозящие механизмы" речевой агрессии могут возникнуть? На какие — уже существующие — можно надеяться? Что в речевой агрессии остается особенно опасным?

2. ОТНОШЕНИЕ ОБЩЕСТВА К РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ

В современных логосферах речевая агрессия сдерживается не только явно недостаточно, но и вообще слабо. Некоторые следы более ранней общей тенденции — стремления властных групп, правящих классов избежать бранных слов и других ярких и грубых форм речевой агрес-

6 Русский Сократ

161

сии — еще остаются. Однако характерно, что, например, при прослушивании магнитофонных записей Уотергейтского дела, по данным Ф. Кинера в работе "Слово как оружие: К проблеме психологии вербальной агрессии" (Геттинген, 1983), были опущены все непристойные слова, использованные президентом и его собеседниками, и таких слов оказалось отнюдь не мало.

Эта общественная оценка речевой агрессии, в частности брани, как социально приемлемой и лишь "фиктивно" опасной, приводит и к изменению в законодательстве: так, в США отменены штрафы за богохульство и сквернословие в общественных местах. Прежде приверженность пуританской морали ограничивала такие действия судебным преследованием.

Как известно, в русской традиционной культуре существовали механизмы охраны от речевой агрессии, различные для разных социальных групп. Так, в среде дворянства такую роль играла категория "честь" и связанный с нею механизм дуэли. Дуэль как ритуальная система действий служила именно для разрешения и прекращения конфликтов, затрагивающих личную честь дворянина, и состояла из "оскорбления, вызова и его принятия, боя и примирения (прекращения дела). Кульминацией дела чести является поединок — бой между двумя соперниками на благородном смертоносном оружии, проходящий в присутствии секундантов по заранее установленным правилам, составленным в соответствии с кодексом или традицией" (*Востриков А. В.* Убийство и самоубийство в деле чести. — В сб.: Смерть как феномен культуры. — Сыктывкар, 1994). Механизм дуэли своим существованием делал речевую агрессию в сфере, где действовало понятие "честь", настолько опасной (т. е. прямо связанной с необходимостью убить или быть убитым, со смертельной угрозой), что в общем грубые и открытые формы речевой агрессии использовались ограниченно. Ср. факт, описанный в цитированной работе по источнику — рассказу М. С. Рацаковского: "Знаете эту историю с государем Александром Третьим, когда он еще наследником был? Под горячую руку, на параде, где он командовал, выматерил одного поручика. Тот ему письмо: дескать, так как

162

я наследника престола на дуэль вызвать не могу, то требую, чтобы вы письменно извинились передо мною. Если к такому-то часу не получу извинения — покончу самоубийством. Ну, как известно, Александр был царь умный и толковый, но грубоватый человек. Не извинился. И офицер этот, конечно, застрелился. Так Александр Николаевич заставил сына идти за гробом этого офицера, которого хоронила вся гвардия, пешком через весь Петербург!"

Применение грубых, открытых форм речевой агрессии в этой среде могло быть только приурочено к "оскорблению" как первому речевому акту в системе поступков, составляющих механизм дуэли.

Как видим, и традиционные ритуализированные поведенческие механизмы сдерживания речевой агрессии, и юридический контроль за нею общества, и ограниченность сфер ее широкого применения низшими социальными группами общества — все это с ходом времени ослабевает. Каковы же перспективы? Посмотрим, остановившись сначала на кратком анализе самого явления речевой агрессии.

3. СИТУАЦИЯ РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ

Участники ситуации речевой агрессии в общем случае делятся на две группы: агрессор (нападающий) и объект агрессии (жертва). Как видим, эта ситуация складывается строго по субъект-объектной модели S—O, где S — активный, а O — пассивный партнер (в нашей терминологии, это отношение монологическое по содержанию). Вместе с тем в некоторых очень важных ситуациях речевой агрессии, в которых участвуют массы людей под руководством лидера (назовем их ситуациями массовой агрессии), все участники объединяются в акте речевой агрессии против некоего общего "врага", не представленного в ситуации конкретным лицом или лицами. Такие ситуации отличаются также тем, что лидер направленно и намеренно воздействует на особый инстинкт, который К. Лоренц, например, применительно к человеку называет "воодушевлением": "Воодушевление — это настоящий автономный инстинкт

163

человека, как, скажем, инстинкт триумфального крика серых гусей. Оно обладает своим собственным поисковым поведением, своими собственными вызывающими стимулами и доставляет, как каждый знает по собственному опыту, настолько сильное удовлетворение, что противиться его заманчивому действию почти невозможно. Как триумфальный крик очень существенно влияет на социальную структуру диких гусей, даже господствует в ней, так и инстинкт воодушевленного боевого порыва в значительной степени определяет общественную и политическую структуру человечества".

Этот инстинкт "воодушевляющего боевого порыва" требует для своего проявления особой ситуации — "раздражающей ситуации" (по Лоренцу), которая и является ситуацией массовой речевой агрессии. Вот какова ее структура: "В раздражающих ситуациях, которые наилучшим образом вызывают воодушевление и целенаправленно создаются демагогами, прежде всего должна присутствовать угроза высоко почитаемым ценностям. Враг, или его муляж, могут быть выбраны почти произвольно, и подобно угрожаемым ценностям, могут быть конкретными или абстрактными. "Эти" евреи, боши, гунны, эксплуататоры, тираны годятся так же, как мировой капитализм, большевизм, фашизм, империализм и многие другие "измы". Во-вторых, к раздражающей ситуации такого рода относится и по возможности увлекающая за собой фигура вождя, без которой, как известно, не могут обойтись даже самые антифашистски настроенные демагоги, ибо вообще одни и те же методы самых разных политических течений обращены к инстинктивной природе человеческой реакции воодушевления, которую можно использовать в своих целях. Третьим, и почти самым важным фактором воодушевления является еще и по возможности наибольшее количество увлеченных. Закономерности воодушевления в этом пункте совершенно идентичны закономерностям образования анонимных стай... Увлекающее действие стай растет, по-видимому, в геометрической прогрессии при увеличении количества индивидов в ней", — пишет К. Лоренц.

Итак, раздражающая ситуация в случае массовой речевой агрессии имеет следующие особенности общей

164

структуры: в ней необходимо присутствие трех элементов: "врага" (объект агрессии, отсутствующий, т. е. "вынесенный за скобки" речевой ситуации, или реально представленный, конкретный или абстрактный), активного элемента (нападающего, здесь лидера) и пассивного элемента (массы, ведомой лидером).

Сравните эти факторы "воодушевления" (по Лоренцу), или эти три элемента раздражающей ситуации массовой речевой агрессии, выделенные выше, с выводами из нашего анализа риторической модели фашизма, проведенного в предыдущих лекциях. Совершенно ясно, что выводы этолога вполне сопоставимы и даже структурно тождественны нашим. Действительно, "образ врага", фигура "харизматического лидера", инстинкт группы, при котором сама массовость сборища функционирует как средство убеждения, основанного на вере, — эти три компонента модели фашистской агрессивной риторики соответствуют общей структуре раздражающей ситуации в акте массовой речевой агрессии.

Рассмотрим теперь кратко мотивы и цели агрессора при акте речевой агрессии, если взаимодействие происходит в диаде. Агрессивность возникает чаще всего при контактах партнеров различного социального статуса и служит для манифестации или установления социальной асимметрии. В нашей терминологии это отношения монологические по форме. При различии в социальном статусе агрессора и жертвы первый прибегает к агрессивным речевым актам для "самоутверждения" и для того, чтобы добиться от жертвы подчинения (выраженного в форме раскаяния, повиновения и пр.). Это значит, что агрессивный речевой акт есть прежде всего инструмент создания и поддержания социальной иерархии.

Кроме чисто социального предназначения, у речевой агрессии есть и функция эмоциональная. Нередко акт речевой агрессии служит для "выплескивания" эмоций и снятия таким образом эмоциональной напряженности. Достигается некий "катарсис" — "очищение". Ф. Кинер в упомянутой выше работе, реферат которой сделан В. С. Чулковой, указывает: "Большинство случаев вербальной агрессии возникает именно на основе подавленного агрессивного импульса. Невозможность приме-

165

нения физического насилия заставляет индивида прибегать к менее наказуемым формам агрессии, в том числе и к вербальным".

4. ВАЖНЕЙШИЕ ФОРМЫ РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ

Проявления речевой агрессии можно классифицировать на разных основаниях.

1) Понятно, что все агрессивные речевые акты можно расположить по шкале интенсивности, или выраженности проявлений, выстроив ряд от так называемых "стертых" (слабых) форм к самым сильным (брань). "Стертыми" формами называют, например, скрытый упрек, косвенное осуждение. С нашей точки зрения, такие речевые акты трудно вообще считать агрессивными, так как вовсе не всякая хула или порицание суть агрессия. Тем более, такие акты нередко и не воспринимаются как агрессивные партнерами, не оцениваются ими как таковые. Противоположный полюс той же шкалы — брань, ругань, эмоционально и экспрессивно выраженное прямое порицание ("крик"). Это "открытая", "сильная" агрессия.

2) Однако, по нашему убеждению, важнее различать и классифицировать речевые акты агрессии по степени их осознанности агрессором (рефлектированности) и их целенаправленности. Если человек, демонстрируя выраженную ("сильную") форму агрессии, например, "крик" и (или) брань, одновременно показывает, что его речевые действия не должны быть приняты всерьез, т. е. если имеет место косвенное сообщение, то такая ситуация, а следовательно, и такая форма агрессии уже сильно отклоняется от типичных явлений подлинной речевой агрессии, несмотря на выраженность проявлений. Тогда это скорее имитация, чем настоящая агрессия, тогда это косвенный, а не прямой речевой акт.

Другое дело, когда мы наблюдаем принципиально иную ситуацию — активный партнер (агрессор) вполне серьезен, прибегает к агрессии осознанно и целенаправленно. Тогда его речевое намерение может совпадать с достигаемым эффектом (результатом). Если речевое действие осо-

166

знанно совершается как агрессивное, а цель говорящего в том и состоит, чтобы адресат понял это действие как агрессивное, то мы имеем особый и "чистый" вид речевой агрессии, так сказать, "речевую агрессию per se". В обиходе такой вид речевой агрессии называют просто "хамство".

3) Существенно, как мы показали выше, также различие видов агрессии по числу участников раздражающей ситуации и ее особенностям (массовая и социально замкнутая формы).

4) Очевидно также, что существуют принципиальные различия между речевой агрессией по отношению к участнику ситуации, реально и конкретно представленному в ней, и речевой агрессией, направленной на отсутствующего "врага". Эти два вида речевой агрессии называют "переходной" и "непереходной" агрессией. Непереходную агрессию имеем, например, в случае, когда человек бранит и ругает "жизнь вообще"; переходную — когда объектом служит политика правительства, или, скажем, на экране появляется президент, и телезритель обращает свою гневную речь непосредственно к нему, как к присутствующему в комнате лицу. Во многом различны и проявления речевой агрессии, объектами которой служит лицо (лица) или, напротив, абстрактные предметы (идеи, взгляды и проч.). Ясно, что логичнее было бы различать виды речевой агрессии по трем различным основаниям: 1) наличие или отсутствие определенного объекта агрессии; 2) представленность или непредставленность объекта агрессии в данной речевой ситуации и 3) конкретность или абстрактность объекта агрессии. Во всяком случае, о переходной брани говорят в том случае, если объект четко определен, тогда как при непереходной брани агрессия направлена "вокруг", на все окружающее, как бы "рассеяна". Причина непереходной брани — и ухудшение эмоционального состояния, и общее недовольство жизнью, и ощущение постоянной и серьезной угрозы, исходящей от общества, неверие ему. Таким образом, непереходная брань выражает общую негативную позицию по отношению к обществу и жизни. Однако и она несет угрозу для окружающих: хотя недовольство человека жизнью и выражается якобы в "рассеянной" агрес-

167
сии, она, тем не менее, как бы "переадресуется" конкретным окружающим людям, никак лично не повинным в состоянии агрессора. Последние и становятся жертвами агрессии, естественно смещенной с абстрактного и (или) неопределенного объекта на конкретный и (или) непосредственно представленный в речевой ситуации.

5. КУЛЬТУРОСПЕЦИФИЧНОСТЬ ПРОЯВЛЕНИЙ РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ

Речевая агрессия, как и другие формы речевого поведения, обнаруживает четкую специфику в различных культурах. То, что в логосфере одной культуры "прочитывается" как агрессия, может вовсе не восприниматься как таковая в других культурных логосферах. Эта куль-туроспецифичность речевой агрессии и ее проявлений обнаруживается при анализе культур глубокой древности и сохраняет свою актуальность и в современном мире.

Так, в книге Ф. Кинера сопоставляются, например, сведения о распространении проклятий у франкских и баварских племен древности. Автор заключает, что "при сходных условиях существования баварцы были более склонны к вербальной агрессии, чем франки, а те проклятия, которые использовались франками, нередко вообще не воспринимались баварцами как таковые. Причина этого в религиозности франков, существенно влиявшей на число использовавшихся в то время для создания бранных слов богохульств".

Очень важно, что причиной речевой агрессии при межкультурных контактах может служить (и это нередко происходит) нарушение понимания, возникающее на основе общих различий и специфики речевого поведения. Так, К. Лоренц пишет: "Значительная часть привычек, определяемых хорошими манерами, представляет собой ритуализированное в культуре утрирование жестов покорности, большинство из которых, вероятно, восходит к филогенетически ритуализованному поведению, имевшему тот же смысл. Местные понятия о хороших манерах в различных культурных подгруппах требуют количественно различного подчеркивания этих выразитель-

168
ных движений... Разумеется, значение таких жестов учтивости определяется исключительно соглашением между передатчиком и приемником в одной и той же

системе связи. При общении культур, в которых эти соглашения различны, неизбежно возникают недоразумения. Если измерять жест японца, "подставляющего ухо", восточно-прусским масштабом, то его можно расценить как проявление жалкого раболепия; на японца же вежливое внимание прусской дамы произведет впечатление непримиримой враждебности... В хорошем американском обществе я наверняка часто казался грубым просто потому, что мне было трудно улыбаться так часто, как это предписывают американские манеры. Несомненно, что эти мелкие недоразумения весьма способствуют взаимной неприязни разных культурных групп. Человек, неправильно понявший, как это описано выше, социальные жесты представителей другой культуры, чувствует себя предательски обманутым и оскорбленным. Уже простая неспособность понять выразительные жесты и ритуалы другой культуры возбуждает такое недоверие и страх, что это легко может привести к открытой агрессии".

Таким образом, при межкультурных контактах особенно важно учитывать результаты работ исследователей — этологов и этнолингвистов, чтобы успешно противостоять речевой агрессии.

6. СФЕРЫ БЫТОВАНИЯ РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ

Основываясь на выводах Ф. Кинера, укажем следующие сферы жизни и деятельности, которые наиболее "благоприятны" для проявлений речевой агрессии. Это: 1) семья; 2) школа и другие учреждения образования; 3) армия; 4) сфера хозяйства, в которой заняты работники низкой квалификации и используется преимущественно физический труд; 5) контакты продавцов и покупателей; 6) парламентская борьба.

Особенно важны проявления речевой агрессии в школе. Они имеют фундаментальные и весьма опасные общие социальные последствия. Агрессор (учитель), применяя агрессивные речевые акты, достигает своих сию-

169

минутных целей — послушания, подчинения, страха. Однако при этом у детей — жертв агрессии — создается негативное отношение сначала к самому агрессору, а затем это негативное отношение переносится на все общество, которое учитель представляет, "от лица которого" оно выступает со своими требованиями.

Вот как об этом говорится в реферате В. С. Чулко-вой по работе Ф. Кинера: "Дети перенимают и копируют агрессивные речевые действия". Это означает, что формируется не только негативная социальная установка, но и агрессивная модель поведения.

"Искоренить привычку к сквернословию можно лишь очень длительной работой по введению позитивных оценок во все высказывания взрослых".

Итак, общий принцип противостояния сформированной агрессивной поведенческой модели и социальной позиции, принцип "профилактики" речевой агрессии состоит в том, чтобы в речи учителя были уравновешены "хвала" и "хула", гармонизировано "отрицательное" и "положительное" в оценках.

Ни одно высказывание взрослого не должно содержать только "хулу", а если порицание необходимо, оно должно уравновешиваться "хвалой" в границах того же высказывания. Чаши весов, на которых лежат положительные и отрицательные оценки, могут и должны находиться в равновесии. Это позволит уравновесить, гармонизировать эмоциональное состояние и картину мира ребенка, верно формировать его социальную позицию.

Порицание не может при этом переходить в агрессию.

К тому же исследования показывают, что агрессивные речевые акты учителя воспринимаются учащимися вовсе не так, "как было задумано": ученики считают, что причиной недовольства и агрессивного поведения (брани) педагога служит не желание исправить их недостатки, а, напротив, беспомощность и некомпетентность учителя, его неуверенность в себе, плохое настроение, т. е. не недостатки учеников, а недостатки преподавателя. Учитель, склонный к речевой агрессии, быстро теряет авторитет, а его брань утрачивает действенность, становясь привычной.

170

В заключение нельзя не отметить малую изученность проблемы речевой агрессии в отечественной науке и на отечественном материале.

Исследования этой важнейшей в социальном отношении проблематики особенно необходимы именно на материале нашей логосферы, так как механизмы, традиционно сдерживавшие проявления речевой агрессии, при нарушении отечественной логосферы в

связи с длительными социальными потрясениями и прямо катаклизмами, почти (если не целиком) утрачены. Любая же регулирующая и рекомендательная работа в этой области, чтобы быть действенной, должна прежде всего опираться на адекватное научное основание.

VI. ПЕРСПЕКТИВЫ ГУМАНИЗАЦИИ ЛОГОСФЕРЫ: ТРАДИЦИЯ И МЕЧТА

Лекция 15

ОСОБЕННОСТИ РУССКОГО РИТОРИЧЕСКОГО ИДЕАЛА И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

В заключительной лекции нашего курса попытаемся определить основные характерные признаки отечественного риторического идеала, а соответственно этим признакам найти место русской риторической традиции в мировой логосфере и представить ее роль в логосфере будущего.

Русский риторический идеал, как мы видели в предыдущем изложении, восходит к риторическому идеалу сократического типа и имеет одним из своих важнейших источников традицию Платона и Сократа.

Неудивительно поэтому, что для отечественного риторического идеала характерны следующие особенности, отличавшие его с древности и присущие ему и сегодня, хотя в наши дни скорее действительно "идеальные", чем реально бытующие.

172

1. ДИАЛОГИЧНОСТЬ ПО СОДЕРЖАНИЮ

Первой из этих особенностей назовем диалогичность по содержанию: прекрасной речью считалась и считается такая, в которой между говорящим и адресатом реализуются подлинные субъект-субъектные равноправные отношения.

Научное и лингвофилософское осознание эта особенность русского речевого идеала получила, например, в трудах замечательного русского лингвиста А. А. Потебни.

Основывая свою концепцию феномена понимания на лингвистической философии В. Гумбольдта, А. А. Потебня особенно внимателен к следующей позиции немецкого мыслителя: "Из соответствия антиномий речи и понимания, с одной стороны, и субъективного и объективного — с другой, не следует, что речь субъективна и самодеятельна, а понимание — объективно и страдательно, — комментирует Потебня Гумбольдта, — все, что ни есть в душе, может быть добыто только ее собственной деятельностью; речь и понимание — только различные проявления... одной и той же способности речи". И далее: "Размен речи и понимания не есть передача данного содержания "с рук на руки": в понимающем, как и в говорящем, это содержание должно развиваться из собственной внутренней силы" (*Потебня А. А. Мысль и язык. — В кн.: Потебня АА. Слово и миф. — М., 1989*). Великолепную формулировку той же мысли у В. Ф. Одоевского ("Говорить есть не иное что, как возбуждать в слушателе его собственное внутреннее слово") мы уже приводили в предыдущих лекциях.

Из собственно философских работ, трактующих нашу проблему и фиксирующих основания отношения к речи и ее оценки, т. е. общекультурный базис риторического идеала, упомянем, например, труды И. В. Киреевского. Действительно, в размышлениях философа тема различий "западного" и "восточного" восприятия мира, восточно-православной и западно-католической культур, нередко разрабатывается именно как тема различий речемысле-тельной культуры Запада и Востока.

Так, западный тип культуры характеризуется индивидуальной отъединенностью и соревновательностью су-

173

западного — "героического", — С. Булгаков характеризует как "подвижнический".) Максимализм, "непригодный для выработки устойчивой, дисциплинированной, работоспособной личности", — вот выбор русской интеллигенции, отлучивший ее от родной духовной традиции и приведший к роковому исходу. То же противопоставление, ту же оппозицию находим у Н. Лосского в его работе "Характер русского народа". У этого философа речь идет о "прометеевском" ("героическом"), западном и "иоанновском" ("подвижническом"), восточно-православном человеке. Если "прометеевский" человек ищет подвига, борьбы и набрасывается на мир как на добычу, которой надо овладеть (субъект-объектный тип отношений), то "иоанновский" человек видит мир как нечто, что нужно освятить и осветить, восстановив вокруг ту гармонию, которую он чувствует в себе.

2. ГАРМОНИЗИРУЮЩИЙ ХАРАКТЕР

Отсюда прямо вытекает следующий признак русского риторического идеала — его гармонизирующий характер. Гармония в русской общеэстетической и собственно риторической традиции проявляется в категориях порядка, меры, мерности, ровности (уравновешенности), симметрии, т. е. в тех же частных категориях, что и в классической античной эстетике. С. Булгаков также замечает: "Если для героизма характерны вспышки, искания великих деяний, то здесь (в идеале христианского подвижничества), напротив, нормой является ровность течения, "мерность", выдержка, неослабная самодисциплина, терпение и выносливость" (*Булгаков С. Героизм и подвижничество. — Вехи: Интеллигенция в России/ Сб. статей 1909—1910 гг. — М., 1991*). В риторическом идеале гармония воплощается и в этических категориях смирения, скромности, кротости в речи и в речевом поведении. Не борьба и победа, но гармонизация и примирение, не самодемонстрация, но согласие голосов в хоре жизни, не вопли и крики, но ровность и выдержанность, не "Закон" и "право", но долг и "Благодать", не замыкание в себе, но открытость миру и единство с ним, не примат логики

176

и ratio, но примат интуиции, не анализ, но синтез — вот основы русского риторического идеала, его гармонизирующей сущности.

Еще в XII в. на Руси была переведена "Лествица" Св. Иоанна, игумена Синайской горы, текст которой, состоящий из 30 Слов-поучений, призванных описать восхождение по тридцати ступеням духовного совершенствования, стал авторитетным и любимым источником мудрости для русского человека, общеизвестным и почитаемым в широких народных массах на протяжении столетий. Чтобы убедиться в этом, читатель может обратиться, например, к эпосе П. И. Мельникова-Печерского "В лесах" и "На горах", в которой описана жизнь старообрядческого купечества середины прошлого века.

Общеэтические заповеди кротости, смирения, смиренномудрия, простоты, уравновешенности, "незлобия", миротворческой гармонизирующей устремленности внутреннего и внешнего бытия — вот принципы, которыми в "Леетвице" определены и требования к речевому поведению достойного человека, правила речевого поведения христианина. Приветливость, веселость, непритворность в словах, непринужденность и простота в речах — вот каким предстает в "Леетвице" образец поведения. "Обучайся умному безмолвию, связывай язык твой, неистово стремящийся на прекословия" — вот способ достижения этого идеала. Греховны хула на ближнего, всякий словесный суд (осуждение), многоречивость и пустословие. В случае же, если человек сам подвергается укоризнам и упрекам, словесной хуле, достойно переносить хулу терпеливо и кротко. "Если кто-нибудь из них (братии) начинал распрю с ближним, то другой брат, тут случившийся, делал поклон и тем укрощал их гнев... Старцы, как дети,... имели величайшею похвалою свое смирение... одни из них говорили, что низошли в бездну смиренномудрия, которым на век всякую брань отразили, а другие сказывали, что достигли совершенного неощущения и безболезненности в укоризнах и досадах", — читаем в Слове "О послушании". А вот каковы правила поведения в беседе: "Кто в беседе упорно желает настоять на своем мнении, хотя бы оно было и справедливо, тот да знает, что он одержим диавольским недугом и если он так поступает в беседе с

177

равными, то может быть, обличение старших и исцелит его; если же обращается так с большими себе и мудрейшими, то этот недуг от людей не исцелим". В "Лествице" находим и тончайше разработанные глубокие суждения о сущности, мы бы даже сказали,

о смысловой структуре тех добродетелей, которые определяют гармонизирующий характер риторического идеала: так, о кротости сказано, например, следующее: это "недвижимое устройство души, в бесчестии и в чести пребывающее одинаковым"; о безгневи: "Начало безгневия есть молчание уст при смущении сердца; середина — молчание помыслов при тонком смущении души; а конец — непоколебимая тишина при дыхании нечистых ветров". Говорится и о внешних ("поведенческих") проявлениях добродетелей и грехов: "Если признак крайней кротости состоит в том, чтобы и в присутствии раздражающего сохранять тишину сердечную и залог любви к нему, то, без сомнения, крайняя степень гневливости обнаруживается тем, что человек наедине сам с собою, словами и телодвижениями как бы с оскорбившим препирается и ярится". Особое внимание в "Лестнице" уделено той проблеме, которую в предыдущей лекции мы назвали проблемой противостояния речевой агрессии. Отдельное Слово 10 ("О злословии и клевете") подробно трактует причины и корни этих явлений в человеческой душе и предлагает способы борьбы с ними: "Никогда не стыдись того, кто пред тобою злословит ближнего; но лучше скажи ему: перестань, брат, я ежедневно впадаю в лютейшие грехи, и как могу я его осуждать? Ты сделаешь таким образом два добра, и одним пластырем исцелишь и себя, и ближнего". К сожалению, мы не можем специально остановиться на сущности и проявлениях в речевом идеале такой важнейшей христианской этико-речевой категории, как категория молчания, безмолвия, которая на русской почве получила своеобразное и интереснейшее осознание и разработку при сохранении святоотеческой традиции, отраженной, например, в следующем тексте: "Не в том состоит молчание, чтобы молчать устами; ибо один человек говорит тысячи сл"ов полезных, и сие вменяется ему в молчание, а другой скажет одно праздное слово, и оно
178

вменяется ему в поправление учений спасителя" (*Сев. Вар-сонуфий и Иоанн.* — В кн.: Монашеское делание: Сб. поучений святых отцов и подвижников благочестия/ Сост. священник Вл. Емеличев. — Святс-Данилов монастырь. — М., 1991).

Отметим также, что в русской речевой традиции издревле было установлено, что как хвала всегда предпочтительней хулы (последняя почти всегда греховна, и безусловна греховна, если никак не уравновешена хвалой и если выступает как злословие, как ложь и особенно как клевета), так и безмолвие предпочтительней речи (однако последняя понимается как грех при нарушении в ней принципов речевого идеала, а в случае соответствия ему, как прекрасная речь, может быть и бывает добродетелью и благом). Заметим, что безусловно греховно многословие в речи: так, в Слове 11 "Лестницы" "О многоглаголании и молчании" находим:

"Многоглаголание есть признак неразумия, дверь злословия, руководитель к смехотворству, слуга лжи, истребление сердечного умиления, призывание уныния, предтеча сна, расточение внимания, истребление сердечного хранения, охлаждение святой теплоты, помрачение молитвы". Всего из 30 Слов в "Лестнице" специально посвящены требованиям к речевому поведению христианина три Слова, но и в большинстве прочих большое внимание уделяется этике речевого общения, характеризуются отдельные черты и общий "облик" речевого идеала.

Позволим себе не подтверждать цитатами из текстов памятников литературы Древней Руси наши выводы о составе и иерархии признаков в парадигме отечественного речевого идеала, которые будут обобщены ниже.

Пусть читатель обратится к работе: *Михальская А. К. Практическая риторика и ее теоретические основания* (М., 1992) и самостоятельно прочтет с мыслью о риторическом идеале Руси такие, например, памятники, как "Повесть об Акире Премудром", "Киево-Печерский патерик", "Моление Даниила Заточника", "Житие Феодосия Печерского" (XII в.), "Поучение Владимира Мономаха" и, например, переводной греческий сборник "Пчела" (Melissa), популярный на Руси со времени появления

179

здесь в конце XII — начале XIII в.), "Похвала роду рязанских князей" (XIII в.) и "Наставление отца к сыну" (XV в.).

В этих текстах, как и в русской философской и художественной литературе нового времени, отражен гармонизирующий характер русского риторического идеала.

Обратимся теперь к наиболее заметным явлениям отечественной философии и

литературы прошлого и начала нынешнего столетия, существенным для нашей проблематики.

"Русские ночи" В. Ф. Одоевского дают необыкновенно интересный материал для наблюдений. Можно думать, что этот философ глубоко проник в тайны человеческого общения и в этом намного опередил не только свое, но и наше время. В центре внимания его — проблема понимания. Все богатства человеческой речи, по Одоевскому, ничто, если она не возбуждает некоего "поэтического резонанса", и идеалом для речи служит в этом отношении искусство. Цельность человека, внутренняя гармония в нем и гармония между людьми воцаряются лишь через торжество эстетического начала, утверждает Одоевский. Важность этого эстетического, синтезирующего и интуитивно-творческого и даже мистического начала в человеке, доверие к нему — глубочайшие прозрения философа.

Весьма созвучны прозрениям Одоевского и мысли о понимании, положенные в основу научной концепции А. А. Потебни. "Все, что получает первый (понимающий, т. е. адресат речи — А. М.), состоит только в гармоническом настраивающем его возбуждении (со стороны говорящего — А. М.)", и далее: "Язык посредством свойственной сочетаниям звуков ритмической и музыкальной формы возвышает и эстетическое впечатление... природы, перенося в другую (т. е. субъективную) область; но действует и независимо от этого впечатления, известным образом настраивая душу одним течением речи".

Мы позволили себе столь обширную цитату из работы А. А. Потебни "Мысль и язык", так как это, пожалуй, одна из самых лаконичных и вместе полных формулировок сути концепции субъект-субъектного гармонизирующего диалога, основы русского риторического идеала и традиции. В ней разъясняется характер субъект-субъект-

ной модели общения (диалогической), в противоположность модели субъект-объектной (монологической), предполагающей "обмен информацией" между говорящим и адресатом, причем первый выступает как активный, а второй — как пассивный участник общения, "приемник информации", после чего партнеры меняются ролями (именно в последнем многие лингвистические направления видят сущность диалога). Вместе с тем в этой концепции учитывается и роль гармонизации в достижении понимания в диалоге — "настраивание" сознания участников общения "в унисон", в едином ритме, а значит, — эстетическая природа такого взаимодействия, которое приводит к истинному пониманию между партнерами. "Наше слово действует на других, — замечает А. А. Потебня, — но при этом оно уравнивает между замкнутыми в себе личностями связь, не уравнивая содержание этих личностей, а настраивая их гармонически".

Еще И. В. Киреевский стремился показать истоки своеобразия русского логоса, сопоставляя особенности философствования (речи и мысли) у Платона и Аристотеля. "Почти то же отношение, которое мы замечаем между двумя философами древности (Аристотелем и Платоном), существовало и между философией латинского мира, как она вырабатывалась в схоластике, и тою духовною философией, которую находили в писателях церкви восточной, — писал он. — Самый способ мышления Платона представляет более цельности в умственных движениях, более теплоты и гармонии в умозрительной деятельности разума". Вот эти именно особенности — цельность, теплота и гармония — отличительные черты русского философствования. Выражаются они и в специфике идеала риторического, воспринятого русской культурой из источников эллинской мысли и мирозерцания, кристаллизованных влияниями православно-христианского мировоззрения.

Известно, что в истории отечественной словесности самой заметной фигурой, активно выступавшей против риторики как теоретической и учебной дисциплины, был В. Г. Белинский. Однако его "ниспровержение риторики", пожалуй, отнюдь не случайно, а отражает общие мировоззренческие черты "неистового Виссариона", среди ко-

торых немаловажной был индивидуализм. "Для меня теперь человеческая личность выше истории, выше общества, выше человечества", "Общее — это палач человеческой индивидуальности; оно опутало ее страшными узами" — вот позиция Белинского, которой весьма близки в нашем столетии взгляды Н. Бердяева. Впрочем, последние не случайно оцениваются как отход от святоотеческой традиции (В. В. Зеньковский). У Бердяева

понятие "общности в мистическом опыте", где "все во мне, а я во всем", не спасает индивидуума от самозамыкания и, по сути, является вполне мнимым; индивидуум, обреченный на одиночество, находится у Бердяева в постоянном страхе перед реальным общением в реальном мире — перед действительностью, которая для философа есть нестерпимая "обыденщина". "Быть в мире есть уже падение", — пишет Бердяев в работе "Я" и мир объектов" (кстати, название работы весьма характерно).

В русской духовной традиции индивидуализму противопоставлен персонализм. Философский персонализм определяет личность (так, например, у Ю. Ф. Самарина) как "прозрачную среду, сквозь которую проходят лучи вечной истины". Не растворение личности в общем, не принудительное отречение от нее, но развитие ее до того уровня, когда, не теряя собственного голоса, она может соединиться с другими голосами, утверждая и себя, и общность в этом единстве — вот смысл этой концепции. Так и у Л. Н. Толстого. "Не отречься от личности должно человеку, а отречься от блага личности", "Цель жизни есть бесконечное просветление и единение существ мира", — пишет Толстой в трактате "О жизни" (гл. XIX и XXI). Единение же понимается не как слияние, оно не допускает исчезновение личного начала — вот как формулируется смысл категории единения у В. В. Зеньков-ского. Л. Н. Толстой в трилогии "Детство", "Отрочество", "Юность", описывая процесс вхождения личности в социум, процесс социализации индивидуума, делает это во многом с помощью скрупулезного, поразительно точного и детального анализа изменений речевого поведения человека — анализа, структурной четкости которого, сочетающейся с ясностью видения, позавидовал бы любой современный лингвист, специалист по речевому

182

поведению. Процесс вхождения личности в социум, трудности взрослеющей, становящейся души решаются писателем нередко в сфере "бытовой", "прикладной" риторики. И вот что важно: не соответствие речевого поведения этикетным формам и принятым нормам решают дело, но овладение подлинно человеческим словом — чистым в своей искренности, лишенным всякой "соревновательности", всякого личностного самоутверждения и самодемонстрации, — диалогическим словом, выражающим движение души, служащим и ответом на такое же движение души собеседника, и стимулом к возникновению у того новых душевных движений, — короче, овладение словом объединяющим. Таково, по Толстому, условие подлинной социализации человека, состоящей в единении личности и мира.

То же можно сказать и об идеях, выраженных в творчестве Достоевского. В его формуле "все виноваты за всех" выкристаллизовалась идея "таинственного единства человечества", некоего "потенциального подлинного братства" (ср. с концепцией Н. Ф. Федорова, упомянутой в предыдущей лекции). Именно Достоевский, как представляется, с наибольшей ясностью провидел облик культуры новой, культуры диалогической; полифоническая организация его романов, в которой выразилось это провидение, недаром привлекла внимание М. М. Бахтина, ибо она была глубоко созвучна мыслительным переживаниям этого философа и филолога, сумевшего концептуализировать сущность той культуры будущего, контуры которой он нашел в романах Достоевского. М. М. Бахтин в книге "Проблемы поэтики Достоевского" предлагает лингвистам новую дисциплину, новую область филологического знания — металингвистику, которая и должна иметь своим предметом "подлинную жизнь слова" — жизнь слова в диалоге. Это "двуголосое слово", нужно надеяться, когда-нибудь станет предметом современной отечественной риторики.

В истории русской философии на рубеже веков и в начале нашего столетия — в "период построения систем" — наиболее значительные и наиболее вместе с тем особенные, выражающие специфические черты русской духовной жизни и мысли философа Вл. Словьев, Н. Лос-

183

торых немаловажной был индивидуализм. "Для меня теперь человеческая личность выше истории, выше общества, выше человечества", "Общее — это палач человеческой индивидуальности; оно опутало ее страшными узами" — вот позиция Белинского, которой весьма близки в нашем столетии взгляды Н. Бердяева. Впрочем, последние не случайно оцениваются как отход от святоотеческой традиции (В. В. Зеньковский). У Бердяева

понятие "общности в мистическом опыте", где "все во мне, а я во всем", не спасает индивидуума от самозамыкания И, по сути, является вполне мнимым; индивидуум, обреченный на одиночество, находится у Бердяева в постоянном страхе перед реальным общением в реальном мире — перед действительностью, которая для философа есть нестерпимая "обыденщина". "Быть в мире есть уже падение", — пишет Бердяев в работе "Я" и мир объектов" (кстати, название работы весьма характерно).

В русской духовной традиции индивидуализму противопоставлен персонализм. Философский персонализм определяет личность (так, например, у Ю. Ф. Самарина) как "прозрачную среду, сквозь которую проходят лучи вечной истины". Не растворение личности в общем, не принудительное отречение от нее, но развитие ее до того уровня, когда, не теряя собственного голоса, она может соединиться с другими голосами, утверждая и себя, и общность в этом единстве — вот смысл этой концепции. Так и у Л. Н. Толстого. "Не отречься от личности должно человеку, а отречься от блага личности", "Цель жизни есть бесконечное просветление и единение существ мира", — пишет Толстой в трактате "О жизни" (гл. XIX и XXI). Единение же понимается не как слияние, оно не допускает исчезновение личного начала — вот как формулируется смысл категории единения у В. В. Зеньков-ского. Л. Н. Толстой в трилогии "Детство", "Отрочество", "Юность", описывая процесс вхождения личности в социум, процесс социализации индивидуума, делает это во многом с помощью скрупулезного, поразительно точного и детального анализа изменений речевого поведения человека — анализа, структурной четкости которого, сочетающейся с ясностью видения, позавидовал бы любой современный лингвист, специалист по речевому

182

поведению. Процесс вхождения личности в социум, трудности взрослеющей, становящейся души решаются писателем нередко в сфере "бытовой", "прикладной" риторики. И вот что важно: не соответствие речевого поведения этикетным формам и принятым нормам решают дело, но овладение подлинно человеческим словом — чистым в своей искренности, лишенным всякой "соревновательности", всякого личностного самоутверждения и самодемонстрации, — диалогическим словом, выражающим движение души, служащим и ответом на такое же движение души собеседника, и стимулом к возникновению у того новых душевных движений, — короче, овладение словом объединяющим. Таково, по Толстому, условие подлинной социализации человека, состоящей в единении личности и мира.

То же можно сказать и об идеях, выраженных в творчестве Достоевского. В его формуле "все виноваты за всех" выкристаллизовалась идея "таинственного единства человечества", некоего "потенциального подлинного братства" (ср. с концепцией Н. Ф. Федорова, упомянутой в предыдущей лекции). Именно Достоевский, как представляется, с наибольшей ясностью провидел облик культуры новой, культуры диалогической; полифоническая организация его романов, в которой выразилось это провидение, недаром привлекла внимание М. М. Бахтина, ибо она была глубоко созвучна мыслительным переживаниям этого философа и филолога, сумевшего концептуализировать сущность той культуры будущего, контуры которой он нашел в романах Достоевского. М. М. Бахтин в книге "Проблемы поэтики Достоевского" предлагает лингвистам новую дисциплину, новую область филологического знания — металингвистику, которая и должна иметь своим предметом "подлинную жизнь слова" — жизнь слова в диалоге. Это "двуголосое слово", нужно надеяться, когда-нибудь станет предметом современной отечественной риторики.

В истории русской философии на рубеже веков и в начале нашего столетия — в "период построения систем" — наиболее значительные и наиболее вместе с тем особенные, выражающие специфические черты русской духовной жизни и мысли философа Вл. Словьев, Н. Лос-

183

ский, С. Булгаков, И. Ильин, С. Трубецкой, П. Флоренский, С. Франк, А. Лосев отправлялись именно от установки "диалогического единства мира", принимавшей у них выражения "интуиции положительного всеединства", "идеи органического синтеза", "мира как органического целого", "Всечеловеческого организма", "цельного знания", "цельного общества" и "цельной жизни", "Софии", "Логоса", "соборности сознания"...

Особенно существенной здесь можно считать категорию соборность, как выражающую особенный облик русской духовной культуры в целом, так и определяющую характерный смысл и структуру русской риторической традиции и идеала.

В русской философской и, как мы видели, филологической традиции проблема понимания в общении ставится и решается при отталкивании от идеи всякой субъективной, всякой индивидуалистической установки, на путях гармонического единства человека и общества. Эта "гармония всеединства" отражается становлением совершенно особой категории, появляющейся именно в отечественной духовной культуре и органичной последней. Эта категория — соборность. Глубокие основы и истоки имеет эта категория в античности, где ей созвучен принцип космической мировой гармонии с ее "музыкой сфер", где позже мы находим, кроме того, некую "предшественницу" русской соборности — категорию софросине. (См. анализ этой категории у А. Ф. Лосева в его "Истории античной эстетики", томе "Софисты. Сократ. Платон".) Античная (греческая) софросине предшествует христианским этическим категориям "скромность", "кротость", "смирение", "смиреномудрие", "миролюбие", "негневливость", получившим высочайший статус еще в Древней Руси, и, как мы это видели выше, определившим контуры старорусского риторического идеала; вместе с тем она созвучна и частным эстетическим категориям, реализующим общую эстетическую категорию гармонии — мере, умеренности, ритму, симметрии. Впрочем, "перетекание" этических категорий в эстетические, тесная их взаимосвязь и единство характерны, как мы видели в первых лекциях, и для традиционного русского понимания прекрасной речи и красноречия, риторики, речевого идеала. По Вл. Соловьеву, основы соборности в том, что "челове-

184
ческие элементы образуют цельный — вместе и универсальный, и индивидуальный — организм, организм всечеловеческий".

Итак, характерным признаком русского риторического идеала можно считать также его гармонизирующий характер и гармонию как принцип построения прекрасной речи.

3. ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ ОНТОЛОГИЧНОСТЬ

Уже первые письменные памятники отразили третью характерную черту русского идеала речи: прекрасная речь должна быть правдива. Здесь мы имеем дело с особенной, своеобразной категорией — категорией правды. Категория правды есть единство двух категорий — истинности речи (соответствия ее онтологии, сущему, объективному "положению дел") и добра, понятого не как индивидуальная выгода, но как общественное благо. Такое понимание добра и блага находим еще у Платона в диалоге "Горгий". Замечательное определение этой категории "правда" дал Н. К. Михайловский: "Всякий раз, когда мне приходит в голову слово "правда", я не могу не восхищаться его поразительной внутренней красотой... Кажется, только по-русски истина и справедливость называются одним и тем же словом и как бы сливаются в одно великое целое. Правда — в этом огромном смысле слова — всегда составляла смысл моих исканий".

Таким образом, русский риторический идеал не только и не просто онтологичен, но, можно сказать, положи-тельно-онтологичен.

4. ОБЩИЕ ВЫВОДЫ: РУССКИЙ РИТОРИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ КАК ИДЕАЛ ГАРМОНИЗИРУЮЩЕГО ПОЛОЖИТЕЛЬНО-ОНТОЛОГИЧЕСКОГО ДИАЛОГА

Теперь обобщим изложенное. Все сказанное выше позволяет предполагать следующую структуру представления о прекрасной речи, сложившегося в отечественной духовной традиции.

185

Русский риторический (речевой) образец отличается сочетанием следующих признаков: диалогичность по содержанию, гармонизирующий характер, положительная онтологичность.

Таким образом, традиционный русский речевой образец (идеал) можно назвать идеалом гармонизирующего положительно-онтологического диалога.

Структура русского Логоса предполагает реализацию этого идеала в совокупности (системе) следующего набора частных этических и эстетических категорий: кротость в противопоставлении самодемонстрации; смирение в противопоставлении гневливости; хвала в противопоставлении хуле; безмолвие в

противопоставлении многословию (мы видели, что безмолвие понимается вовсе не как отсутствие речи, это категория весьма тонкая); умиротворение в противопоставлении соревновательности и борьбе;
правда в противопоставлении лжи, а особенно клевете;
ритмичность, мерность и умеренность (последняя понимается как исполнение долга перед ближним и справедливость по отношению к нему), вообще ровность и сдержанность — проявления порядка и упорядоченности в речи — в противопоставлении всякому беспорядку и хаосу.

5. РУССКИЙ РИТОРИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ И ПЕРСПЕКТИВЫ ГУМАНИЗАЦИИ ЛОГОСФЕРЫ
Совершенно ясно, что эта риторическая парадигма обладает большой общегуманитарной ценностью.

Если обратиться к современным зарубежным риторическим исследованиям, можно увидеть, что, например, японские культурологи и лингвисты не видят ничего зазорного в том, чтобы, понимая ценность собственного риторического идеала, рекомендовать именно его как основу коммуникации будущего. Так, профессора японских университетов Осаму и Набуки Мицута-

186

ни в книге "Как быть вежливым по-японски" выражают мнение, что главная особенность речевого поведения японцев — внимание и чуткость к собеседнику — послужит для создания основ коммуникации будущего. "Внимание (consideration) к другим будет важнейшим фактором коммуникации будущего, а речевая вежливость в Японии по сути является именно выражением такого внимания" (Mizutani O., N. How to be polite in Japanese. — Tokyo, 1987.)

Традиционный русский риторический идеал имеет не меньшую ценность в свете перспектив гуманизации логосферы. Однако прежде всего нуждается в такой гуманизации сама отечественная логосфера, которая в XX столетии претерпела драматические воздействия и разрушительные изменения.

Происходила не только "война слов", как определил этот процесс М. М. Пришвин в своих дневниковых записях 1917 г. Совершилось то, что предсказывал Н. Ф. Федоров (напомним это): "Все, предсказанное как бедствие при начале конца, — под видом революции, оппозиции, полемики, вообще борьбы — стало считаться условием прогресса"; освободилась "страшная сила небратства", воцарились "неродственные отношения" между людьми.

"Все орали друг на друга за малейшее противоречие... Образовался совсем новый язык, сплошь состоящий из высокопарнейших восклицаний вперемешку с самой площадной бранью", — писал И. Бунин в дневниках, составивших книгу "Окаянные дни".

Обратим также внимание на приказы и речи Л. Троцкого: "Испепелить...", "Разрушить до основания и разбросать камни...", "Предать смерти до третьего поколения...", "Залить кровью и свинцом...", "Обескровить...", "До-душить..."

В течение почти семи десятилетий длилась и война со свободным словом. Агональная и манипулирующая риторика, риторика "борьбы и победы" завершилась почти полной победой над словом. Традиционный русский риторический идеал был вытеснен риторической моделью, полностью ему противоположной. Лишь некоторые, немногие сферы жизни, по сути, отстраненные

187

от политической жизни, осознанно сохраняли русский речевой образец как самостоятельную ценность. Эти сферы — Церковь и, пожалуй, академическая наука. Сейчас можно надеяться, что отечественная словесная традиция все же жива и имеет перспективы возрождения.

Для того, чтобы эти перспективы стали реальностью, наш современник, носитель русской словесной культуры, должен сознавать и ценность, и своеобразие своего речемыслительного наследия, имеющего древнюю историю и богатые гармонизирующие возможности.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
I. У истоков отечественной риторической культуры.....	6

Лекция 1. Риторика как деятельность, дисциплина, мировоззрение.....	—
Лекция 2. Диалог "Федр", европейская риторическая традиция и своеобразие русского логоса.....	20
II. Логосфера культуры: методы анализа, структура и "формула"	32
Лекция 3. Логосфера и сравнительно-историческая риторика.....	—
Лекция 4. Свойства риторического идеала	44
Лекция 5. Основы типологии риторического идеала. Признаки речевого идеала как параметры "формулы" логосферы	55
III. Риторика и власть	72
Лекция 6. Власть как "право на речь".....	—
Лекция 7. Риторика манифестации власти	82
Лекция 8. Речевая роль и речевое поведение социального лидера "монархического" типа ...	92
Лекция 9. Риторический стиль лидера "харизматического" типа: "путь наверх" и речевое поведение.....	109
189	
Лекция 10. Риторика фашизма: общее описание.....	117
Лекция 11. Структура риторической модели фашизма.....	135
IV. Риторические особенности политического дискурса	139
Лекция 12. Речевое поведение политика в современном демократическом сообществе ...	—
Лекция 13. Вербальные и риторические стратегии в политической деятельности и средствах массовой информации.....	147
V. Речевая агрессия в современной логосфере	159
Лекция 14. Речевая агрессия: области и формы проявления.....	—
VI. Перспективы гуманизации логосферы: традиция и мечта	172
Лекция 15. Особенности русского риторического идеала и перспективы его возрождения	—

На обложке дана гравюра из книги Яна Амоса Коменского "Мир чувственных вещей в картинках" (М., 1941), являющаяся воспроизведением гравюры из Нюрнбергского издания книги 1746 г. Пояснения к гравюре на обложке, взятые из книги Яна Амоса Коменского "Мир чувственных вещей в картинках" (М., 1941), даны на 4-й стороне обложки.